

Ю.М. Лужков
И.Б. Титов

КУРИЛЬСКИЙ СИНДРОМ

Курильский синдром

Ю.М. ЛУЖКОВ
И.Б. ТИТОВ

Москва
ОАО «Московские учебники»
2008

**КУРИЛЬСКИЙ
СИНДРОМ**

ББК 66.4(2Рос)

Л 82

Авторы выражают благодарность за предоставленные материалы Министерству иностранных дел Российской Федерации, Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова, Московскому государственному институту международных отношений МИД России, Архиву внешней политики Российской империи, Архиву внешней политики Российской Федерации, Государственному архиву древних актов, Институту географии РАН, Российскому государственному архиву кинофотодокументов.

Книга подготовлена к изданию при содействии Российского комитета XXI века.

Лужков Ю.М., Титов И.Б.

Л82 Курильский синдром. — М.: ОАО «Московские учебники и Картолитографил», 2008. — 224 с.; ил.

ISBN 978-5-7853-09708-

ББК 66.4(2 Рос)

© Лужков Ю.М., Титов И.Б., 2008

© Оформление. ОАО «Московские учебники
и Картолитография», 2008

ISBN 978-5-7853-0970-8

Содержание

Слово к читателю

Сергей Лавров

6

Всеволод Овчинников

8

Введение

10

Кто первый?

17

Посланцы России – Лаксман и Резанов

43

Договоры и граница

61

Они начали первыми: война 1904–1905 гг.

97

Дальневосточный буфер: Япония или Россия

117

Нейтралитет и японская обида

131

Мирный договор в Сан-Франциско:
что не устроило Сталина?

153

Совместная декларация СССР и Японии
1956 года – поражение или победа?

167

Заключение

183

Слово к читателю

Как профессиональному дипломату мне пришлось познакомиться с множеством материалов по истории «курильской проблемы», разнообразными мнениями экспертов и ученых о причинах и возможных путях решения этого затянувшегося спора. На мой взгляд, подходы авторов книги, высказывающих свое устоявшееся мнение по этой проблеме, представляются интересными и, безусловно, заслуживают уважения. Казалось бы, мы много знаем о нашей истории, но свежий взгляд всегда помогает составить более объективную картину.

Думаю, что книга будет полезна тем, кто решил глубже познакомиться с историей так называемой территориальной проблемы. Уверен, она будет интересна и японским читателям, поскольку отражает, как представляется, точку зрения значительного числа, а возможно, и большинства россиян на этот чувствительный вопрос в российско-японских отноше-

ниях и показывает, что в России всегда по-доброму относились к Японии, ее народу и стремились поддерживать с ней дружеские связи.

Мы разные — россияне и японцы, но мы дополняем друг друга, можем и должны быть партнерами. Книга показывает, что между нами не было и нет глубинных, неразрешимых противоречий, и внушает надежду, что отношения между двумя народами следует строить на принципах долгосрочной взаимной выгоды и добрососедства, продвигая тесное сотрудничество во всех областях и создавая тем самым условия для урегулирования сохраняющихся вопросов, как об этом и договорились лидеры России и Японии.

*Сергей Лавров,
министр иностранных дел России*

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Sergey Lavrov', is positioned to the right of the text. The signature is fluid and cursive, with a prominent initial 'S'.

Держу в руках книгу, которую, я убежден, с интересом и пользой для себя прочтет как эксперт, так и профан. Даже будучи профессиональным востоковедом, который по долгу службы должен был держать руку на пульсе российско-японских отношений с начала 1960-х годов, я нашел в ней много новых и ценных для себя фактов и обобщений, помогающих понять подспудную суть запутанного и болезненного клубка, именуемого территориальным спором между Токио и Москвой.

Книга Лужкова и Титова — не исследовательский опус, написанный специалистами для специалистов. Это искренняя попытка честно и просто рассказать широкой публике о сложных проблемах, омрачающих отношения между народами наших стран. Причем сам общественный статус авторов побуждает с особым доверием относиться к их доводам. Ведь Ю.М. Лужков является председателем, а И.Б. Титов — генеральным директором организации по развитию российско-японских отношений — Российского комитета XXI века.

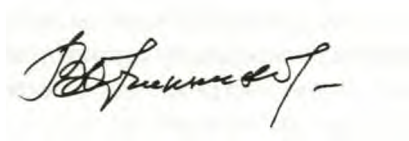
Мне доводилось множество раз дискутировать с японскими партнерами о Курилах. Порой этот спор начинал казаться

бесперспективным. И все же в постсоветские годы обозначились два важных сдвига. Во-первых, обе стороны согласились, что территориальная проблема может быть решена лишь на основе взаимоприемлемого компромисса. Во-вторых, что российско-японские отношения должны стать многорядной магистралью. Препятствие на одной из полос не должно блокировать движения по остальным.

Приведенный в книге обширный фактический материал об истории российско-японских отношений и выводы авторов позволяют надеяться, что территориальная проблема будет решаться не кулуарно, а спокойно, взвешенно и на основе учета интересов двух стран.

Думаю, что любой гражданин России должен знать историческую подоплеку этого непростого вопроса, быть в курсе аргументов, которые выдвигает каждая из сторон. А книга Лужкова и Титова окажет в этом неоценимую помощь.

*Всеволод Овчинников,
писатель-востоковед*

Введение

Япония... Магическая, загадочная страна... Сплав самобытной культуры, тончайшей эстетики, самурайской доблести и высоких технологий...

Интерес к Стране восходящего солнца возник у меня давно. Как мэр Москвы, я старался изучать японский опыт, особенно в сфере экологии, строительства, управления городом. Но вникать в вопросы российско-японских отношений стал с 1998 года. Именно тогда мне предложили войти в состав учредителей новой общественной организации «Российский комитет XXI века», перед которой стояли задачи развития неправительственных связей с Японией. В Комитет вошли видные ученые, политики, деятели культуры, представители бизнеса, заинтересованные в активизации контактов с нашим восточным соседом. На учредительном съезде меня избрали председателем этой организации. В Японии была создана аналогичная структура — «Форум японо-российской дружбы XXI».

В 2003 году по предложению В.В. Путина я возглавил российскую часть российско-японского «Совета мудрецов», созданного по инициативе Президента России и премьер-министра Японии. Эти организации занимались как развитием двусторонних связей, так и обсуждением ряда спорных вопросов, существующих между нашими странами, поиском вариантов решения территориальной проблемы. С тех пор мы постоянно встречаемся с политическими и общественными деятелями Японии.

Со временем пришло понимание, что для моих японских коллег, и это ни для кого не секрет, главное в деятельности этих

организаций — создание условий для заключения мирного договора между нашими странами.

Кто бы сомневался: цель благородная. То, что между нашими странами после завершения Второй мировой войны до сих пор нет мирного договора, кажется парадоксальным. Ведь с Японией мы поддерживаем стабильно высокий уровень контактов — и политических, и культурных. Есть у наших стран взаимное уважение и стремление ближе узнать друг друга. Есть потенциальные возможности стать партнерами в обеспечении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Есть взаимная экономическая дополняемость и интерес, который хотя и не воплотился еще в ощутимые объемы сотрудничества, но все больше проявляется в очертаниях конкретных проектов. Одним словом, и объем, и характер наших связей и контактов сейчас более характерны для государств-союзников, нежели для государств, которые питают друг к другу недоверие, отчужденность и тем более неприязнь.

Признаюсь честно: люблю Японию, ее народ, уникальную культуру этой страны, ее традиции. Много читал о Стране восходящего солнца и обсуждал ее достижения и проблемы с известными российскими, а также японскими учеными и журналистами. Но коль скоро в беседах с японцами неизменно возникал территориальный вопрос, пришлось вникнуть и в эту тему. Было важно разобраться во всем самому, причем детально.

Дискуссии с японскими партнерами нередко были острыми. Чувствовалось, что мои собеседники не столько хотят доказать правоту своих аргументов, сколько на эмоциональном уровне убедить российскую сторону, и меня в том числе, что Россия «в соответствии с принципами законности и справед-

ливости» должна передать (в японской терминологии «вернуть») четыре острова Курильской гряды, которые Япония оспаривает у России.

Всегда стою за справедливость. И считаю: надо честно говорить о проблемах, в том числе и о внешнеполитических. Необходимо их открыто обсуждать, чтобы каждый россиянин через механизмы представительной демократии, через прессу мог ощутить свою причастность к выработке решений в этой деликатной сфере.

Вспомним: еще 20 лет назад тема Курил у нас была фактически закрыта для дискуссий. Перестройка, демократизация общественной жизни, попытка переосмыслить наше недавнее прошлое вовлекли в ее обсуждение государственных мужей, ученых и даже предпринимателей. Развернувшаяся полемика породила в Японии надежду, что сначала СССР, а сейчас уже Россия на волне исправления сталинских ошибок пойдет на удовлетворение ее территориальных требований. Эти надежды были не лишены оснований. Власть колебалась. Судьба Курил висела на волоске.

Сегодня у нас в стране совершенно другая ситуация. Но даже теперь далеким от дипломатии гражданам нелишне разбираться в сложных внешнеполитических проблемах, с которыми, скорее всего в будущем, еще столкнутся наши дети и внуки.

Проблемы эти действительно непростые. Но вот что я заметил. Говорить о них простым языком — вот чего нам порой не хватает. Мне попадалось много интересных и внятных публикаций на курильскую тему, но что касается книг, то они всегда наводили меня на мысль, что пишут их специалисты для специалистов. За обилием деталей и фактов зачастую не уда-

валось уловить суть и сформулировать четкие ответы на ключевые вопросы. В итоге каждый раз после знакомства с новой книгой у меня оставалось ощущение неполной ясности.

Вот почему мне пришла мысль изложить свою точку зрения на территориальную проблему между Россией и Японией сначала в нескольких газетных публикациях, а затем — в книге. В прессе вышли три мои статьи. Они касались вопросов вступления СССР в войну против Японии в 1945 году и проблем послевоенного урегулирования наших отношений. (В данном издании они занимают три последние главы.) Этого, на мой взгляд, было недостаточно, чтобы выпустить книгу. Для более полного освещения проблемы необходим был материал об истории российско-японских контактов, о первых договорах и российско-японских конфликтах начала XX века. Я предложил своему советнику, Игорю Борисовичу Титову, который помогал мне организовывать работу и Российского комитета XXI века, и российско-японского «Совета мудрецов», подготовить основные главы. А затем я кроме перечисленных трех последних глав дописал вступительную статью и заключение.

Насколько интересна наша работа — судить читателю. Но хочу оговориться. Книга не претендует на теоретическое историческое исследование. Мы выбрали простую форму изложения и попытались, насколько это возможно, ответить на самые принципиальные вопросы, привести яркие факты, иногда малоизвестные, а иногда совсем новые. Надеемся, что все это будет интересно читателю.

Как вы заметите, по ходу повествования мы нередко ведем спор с Итиро Суэцугу — оппонентом, которого выбрали не случайно. Он возглавлял Научно-исследовательский совет

по вопросам национальной безопасности Японии, и вместе с ним мы провели ряд российско-японских форумов в Москве и Токио. Его, к сожалению, уже нет в живых, но мы неизменно вспоминаем г-на Суэцугу добрым словом. Я всегда уважал его как энергичного организатора и высококлассного профессионала.

В 2000 году в России вышла его книга «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией», в которой до россиян доводилась официальная японская точка зрения на территориальную проблему. Принять ее мы, конечно, не можем. Но наше доброе отношение к японскому коллеге осталось. Уважение к оппоненту и его позиции, даже если мы с ней не согласны, — это правильный принцип.

Без сомнения, подавляющее большинство россиян испытывает теплые чувства к Японии и японскому народу. Наши страны могут и должны строить отношения истинного партнерства и дружбы. Но отношение к историческим фактам должно оставаться объективным и бесстрастным — только так можно справедливо и основательно решать существующие проблемы.

Истина все-таки дороже. Попробуем разобраться вместе.

Итак, речь пойдет о споре вокруг островов Курильской гряды: Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. По итогам Второй мировой войны они, как и все остальные Курильские острова, перешли от Японии к СССР. Япония как страна-агрессор была наказана отторжением от нее этих территорий, а также южного Сахалина, который Япония получила по итогам войны 1904 — 1905 годов. Уточним: Япония ставит вопрос

только о четырех островах, а не о всех утраченных ею после войны территориях.

Чтобы понять проблему по существу, необходимо сформулировать ответ на ряд вопросов. Кто был первооткрывателем Курил? Можно ли считать эти острова, как утверждают японцы, «исконной японской территорией»? Как устанавливалась российско-японская граница и как заключались первые договоры?

Отношения между нашими странами, к сожалению, не всегда были безоблачными. Русско-японская война 1904 — 1905 годов закончилась поражением России. Как изменилась наша граница? Что означал для наших отношений Портсмутский мирный договор, по которому Россия потеряла южный Сахалин?

Спустя всего 10 лет Россия оказалась в тисках Гражданской войны и иностранной интервенции, в которой активное участие приняла и Япония. Чего она добивалась посылкой своих войск в Россию? Какое влияние это оказало на дальнейшее развитие событий?

К началу 30-х годов XX века в Японии вновь к власти пришли те, кто толкал ее на путь захвата чужих территорий. В Токио вынашивали планы господства в Азии и на Тихом океане, а затем приступили к их практическому осуществлению. Именно эта политика в итоге привела Японию к катастрофе и потере всех ее территориальных завоеваний. В 1945 году Советский Союз, выполняя договоренности с союзниками, объявил Японии войну. Насколько оправданно с моральной и правовой точек зрения вступление СССР в войну с Японией, несмотря на формально действующий Пакт о нейтралитете? И можно ли считать эти действия СССР вероломными и неожиданными для Японии?

Как известно, Курилы перешли к СССР по решению Ялтинской конференции 1945 года. В 1951 году на конференции в Сан-Франциско Япония отказалась от всех прав на Курильские острова. Но Советский Союз не подписал принятый на ней мирный договор. Кроме того, в нем не прописано, в пользу какого государства Япония отказывается от Курил. Эта коллизия и дала возможность Японии ставить под вопрос окончательное решение данной проблемы. Так почему же советский лидер И.В. Сталин решил не участвовать в договоре? Как случилось, что Сан-Францисский договор не определил, что Япония отказывается от Курил в пользу СССР?

Наконец, для нас представляет интерес Совместная декларация 1956 года. Именно она закрепила обязательство СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только после заключения мирного договора. Однако официальный Токио сейчас утверждает, что эта уступка была всего лишь промежуточной. И что японской стороне было обещано продолжить переговоры по Кунаширу и Итурупу. Как могло случиться, что стороны, подписавшие совместный документ, так по-разному интерпретируют его содержание?

В общем, вопросы есть. Мы остановимся на самых важных — чтобы помочь читателю сориентироваться в проблемах русско-японской границы и разобраться в хитросплетениях территориального спора.

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a light beige color, framing the central text. The border is composed of a repeating geometric pattern along the edges and larger, more detailed floral motifs in the corners and midpoints.

Кто первый?

Спор о том, кому принадлежит первенство в открытии и освоении Южных Курил, на первый взгляд бесконечно далек от сегодняшней дискуссии об островах. Казалось бы, какая разница, кто открыл и осваивал острова, если 90 лет (с 1855 по 1945 год) они принадлежали Японии.

И все же вопрос этот важен. Дело в том, что Япония называет четыре острова Курильской гряды «исконными японскими территориями», утверждая, что они никогда не принадлежали никакой другой стране. Вот пример. Интернет-сайт правительства префектуры Хоккайдо сообщает, причем на русском языке: «Острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, или “северные территории”, — это острова, которые освоили и передавали из поколения в поколение наши предки».

Тут сразу возникают возражения.

Прежде всего, о термине «исконные территории». Он подразумевает территории, в рамках которых формировался и развивал свою государственность определенный этнос. Иногда исконные территории одного государства переходили во владение другого. Границы государств нередко изменялись. Поэтому определение «исконности» территорий, находящихся на стыке государств, зависит от исторического периода, который принимается в качестве критерия.

История японского народа уходит далеко в глубь тысячелетий. Первые поселенцы пришли на территорию Японии из Юго-Восточной Азии в VII — II тысячелетиях до н.э., а в IV — II веках до н.э. в Японию через Корейский полуостров начали заселяться выходцы из Китая и Кореи. Окончательно японский этнос сформировался

в период с III по IV век н.э., когда началось объединение племен с южного острова Кюсю и племен, обосновавшихся в Центральной Японии. Тогда же на островах возникло и первое японское государство. К XV—XVI векам оно распространялось лишь до середины центрального японского острова Хонсю. Север Хонсю и весь остров Хоккайдо были заселены только племенами айнов. Обратите внимание на важный момент: айны — это не древние японцы и не прародители японской нации. Своей внешностью, языком и обычаями они существенно отличались от японцев. Ярко выраженным немонголоидным типом лица, густой бородой и растительностью на всем теле они скорее были похожи на аборигенов Австралии. В России их называли «мохнатыми», и это прозвище употреблялось даже в официальных документах той поры. У айнов господствовал первобытнообщинный строй, и японцы называли их «эдзо», то есть варвары. Кстати, остров Хоккайдо, а также Курилы и Сахалин японцы тоже называли «Эдзо», имея в виду, что это чужая земля, на которой проживают варвары.

Айны. Фотография 1904 г.

Начиная с VIII века японцы начали покорять этот народ и продвигаться на север Хонсю. Айны оказывали отчаянное сопротивление, но постепенно утрачивали контроль над своей территорией, попадая в подчинение к японцам, которые по мере укрепления центральной власти занимали все новые и новые

владения на севере. Примечательно, что первое переселение японцев на Хоккайдо было вызвано отнюдь не стремлением освоить новые территории. На севере Хонсю в середине XV века развернулась междоусобная война между японскими фамильными кланами Андо и Намбу. В 1442 году клан Андо, который был прижат к Сангарскому проливу, разделяющему Хонсю и Хоккайдо, вынужден был переправиться на Хоккайдо, чтобы избежать полного разгрома. Так в начале XVII века на южной оконечности острова было образовано княжество Мацумаэ (*см. вкладку*).

Оно занимало лишь незначительную часть Хоккайдо (около пяти процентов). Остальная его территория не принадлежала Японии. А Курилы с Сахалином — и подавно. До XVIII века на картах Японии, причем и на картах, изданных в самой стране, Хоккайдо вообще не изображался. Карты Эдзо выпускались отдельно и только с изображением Хоккайдо, Курил и Сахалина. В XVII—XVIII веках и даже в первой половине XIX века Хоккайдо не считался составной частью Японской империи.

Княжество Мацумаэ не рассматривало айнов как своих подданных, и японцам не позволялось без особого разрешения посещать ту часть острова Хоккайдо, где жили айны. На территории же самого княжества могли находиться только японцы. Что же касается Сахалина и Курильских островов, то японцы туда пока еще не добрались. Это и понятно: законы о «закрытии страны», принятые в Японии в 1636—1639 гг., поставили жесткие пределы расширению ее территории за счет островов как на севере, так и на юге. Любые попытки расширить эти пределы, в частности за счет Курильских островов, жестоко пресекались.

Однако в японской литературе, и в частности в книге Итиро Суэцугу, мы встречаем упоминание, что самая древняя карта Эдзо, на которой были изображены Хоккайдо, Курилы и Сахалин, была составлена именно в Японии еще в 1644 году (*см. вкладку*). Это так называемая карта эпохи Сёва. Суэцугу утверждает, что это самая старая карта Курил. Не будем спорить. Но известно, что карта эта была составлена по результатам экспедиции не на Курилы, а на Хоккайдо в 1635 году. Курилы же, или, как их называют японцы, острова Тисима, то есть «тысяча островов», были нанесены на

Селение айнов. Европейская гравюра

эту карту лишь схематично — на основе сведений, полученных от айнов, так как сами японцы на Курилах еще не побывали. И в Японии об этом прекрасно знают. По мнению японского исследователя Акира Такано, «подобная элементарная карта создана не на основе реального обследования островов, а со слов айнов. Вызывает улыбку стремление считать такой рисунок картой, выдавать его за доказательство исконных прав Японии на эти земли». А вот что пишет по этому поводу исследователь Харуки Вала: «Карта эпохи Сёхо в настоящее время используется в качестве материала, подтверждающего, что Япония уже в середине XVII века владела Курильскими островами, однако в действительности она служит лишь доказательством того, что в то время ни один представитель клана Мацумаэ не ступал на эту землю».

Комментарии, как говорится, излишни. А вот Россия уже с середины XVIII века считала Курилы, в том числе и Южные, своими. На русских и некоторых европейских картах конца XVIII — начала XIX века Курильская гряда обозначалась как часть Российской империи.

Россия приводила в подданство курильских айнов и систематически взимала с них дань (ясак), что тогда также считалось

одним из основных признаков распространения своей власти над новыми территориями. Россия вела на островах геологоразведку и хозяйственное освоение путем рыбного промысла, охоты, занятий земледелием, основывала там свои поселения. Айнов обращали в православие, крестили и иногда брали на государственную службу сборщиками налогов.

В целом многие японские исследователи признают, что русские мореплаватели появились на Южных Курилах и начали их осваивать раньше, чем японцы. Однако в соответствии с официальной точкой зрения приоритет русских трактуется не как следствие государственной политики России, а как результат стихийного продвижения на Южные Курилы купцов, промышленников и охотников. Вот как интерпретирует это Суэцугу: «Главная цель покорения Россией Сибири и Камчатки, а также продвижения на юг Курильских островов заключалась в приобретении пушного зверя, который давал большую прибыль, а расширение территории являлось результатом достижения этой цели. Например, освоение острова Уруп диктовалось желанием вести промысел морских бобров и других пушных зверей, а после того как этот промысел исчерпал себя, русские удалились восвояси». Иными словами, Суэцугу утверждает, что открытие и освоение Курил было частным делом российских купцов, которые действовали по личной инициативе, а не по поручению правительства. Таким образом, делается вывод, что открытие и освоение русскими Курил нельзя считать актом включения этих территорий в состав России. Однако такие умозаключения о политике Российской империи можно считать по меньшей мере наивными.

Посмотрим, что происходило в действительности. В России интерес к Курилам возник на рубеже XVII—XVIII веков. Первые русские экспедиции на Курилы преследовали цель найти у Японских островов сокровища, о которых несколько веков назад с легкой руки Марко Поло в Европе ходили легенды. Сказка о богатых золотом и жемчугом островах Зипангу (Японии) стала мотивом многих великих путешествий XV—XVIII веков.

В 1697 году свой знаменитый поход на Камчатку совершил В.В. Атласов, в донесениях которого также упоминаются Курилы.

Чертеж Камчатдальской земли 1701 г., составленный С.У. Ремезовым на основании сведений, собранных В.В. Атласовым во время Камчатского похода 1696-1699 гг.

Петр I

В 1702 году он привез в Петербург японца Дэмбея, парусник которого прибило к Камчатке тайфуном. Дэмбей поведал императору Петру I, что «в Курильскую и Камчадальскую землю из их Японские земли никто не ездывал».

Первые описания Курил, включая Южные, были составлены казаками И.П. Козыревским и Д.Я. Анциферовым, которые в 1711 году отправились исследовать Курилы и приводить в российское подданство айнов в надежде умиловить власти после затеянного ими на Камчатке бунта. Они побывали на двух северных островах,

Шумшу и Парамушире, где на основании опросов местных жителей собрали полные и достаточно подробные сведения о большинстве Курильских островов, в том числе Итуруп, Кунашире и даже Хоккайдо, и составили карты этих островов. Причем карты подробные и с точки зрения картографии того времени довольно точные. Козыревский побывал на Северных Курилах и в 1713 году составил «Чертеж Камчадальского Носу с морскими островами» (см. вкладку), на котором изобразил шестнадцать Курильских островов до Хоккайдо.

В описаниях Козыревского были указаны размеры островов, данные о растительном и животном мире, сведения о местном населении, его языке, обычаях, религии. Козыревский уяснил для себя: «Итурупинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве, и торгуют повольно, а жители Кунашира и остальные курильцы тоже самостоятельны и независимы». Японцы же, по его свидетельствам, в то время торговали только с хоккайдскими айнами, а «далее Матмая [до 1868 года остров Хоккайдо

именовался Матмай, Матсмай или Мацумаэ. — *Примеч. авт.*] в северную сторону на иные острова не ходят».

Петр I получил подробную информацию о результатах этой экспедиции и сопоставил ее с данными, которые поступали от европейских мореплавателей. Как дальновидный политик, он был заинтересован в расширении границ России на Тихом океане. Обратим ваше внимание на то, что Козыревский и все последующие русские путешественники XVIII века отмечали в своих отчетах, что на Южных Курилах они не встречали японцев и представителей других государств. Россия щепетильно относилась к присоединению новых территорий и внимательно следила за соблюдением законности своих действий. Ей важно было уяснить, что новые территории никому не подвластны.

В 1719 году Петр отправил на Камчатку двух геодезистов — И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина. По официальной версии, их задачей было выяснить, есть ли пролив между Восточной Азией и Северной Америкой. На самом деле, как предполагает В.И. Вернадский, существовала секретная инструкция императора, в которой им предписывалось собрать сведения о Курильских островах, Японии и найти месторождения металлов. В этом и заключалась настоящая цель экспедиции. Петр также поручил

Карта Сибири с Камчаткой и Курильскими островами, составленная по результатам экспедиции И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина. 1722 г. Фрагмент

Карта Камчатки, Курильских островов и Эдзо.
А. Шестаков. 1726 г.

геодезистам отыскать на Курилах золото. Ему, конечно же, были известны легенды о золотых и серебряных украшениях, которые якобы носили жители Курил. В 1721 году Евреинов и Лужин обследовали Курилы. В 1722 году Петру были представлены подробный отчет об экспедиции и карта Курильских островов, которую составили российские мореплаватели. Интерес первого российского императора к Дальнему Востоку, Курилам и Японии еще более укрепился.

В 1726 году экспедицию с целью поиска новых земель в Тихом океане возглавил казачий голова А.Ф. Шестаков.

Он обследовал Курилы и нанес на карту острова от Шумшу до Хоккайдо. Экспедиция Шестакова, так же как экспедиция Евреинова и Лужина, показала, что на Курильских островах японцы еще не побывали.

В 1725—1730 годах по инициативе Петра I состоялась Камчатская экспедиция под руководством В.И. Беринга и его помощников А.И. Чирикова и МП. Шпанберга. Беринг, дат-

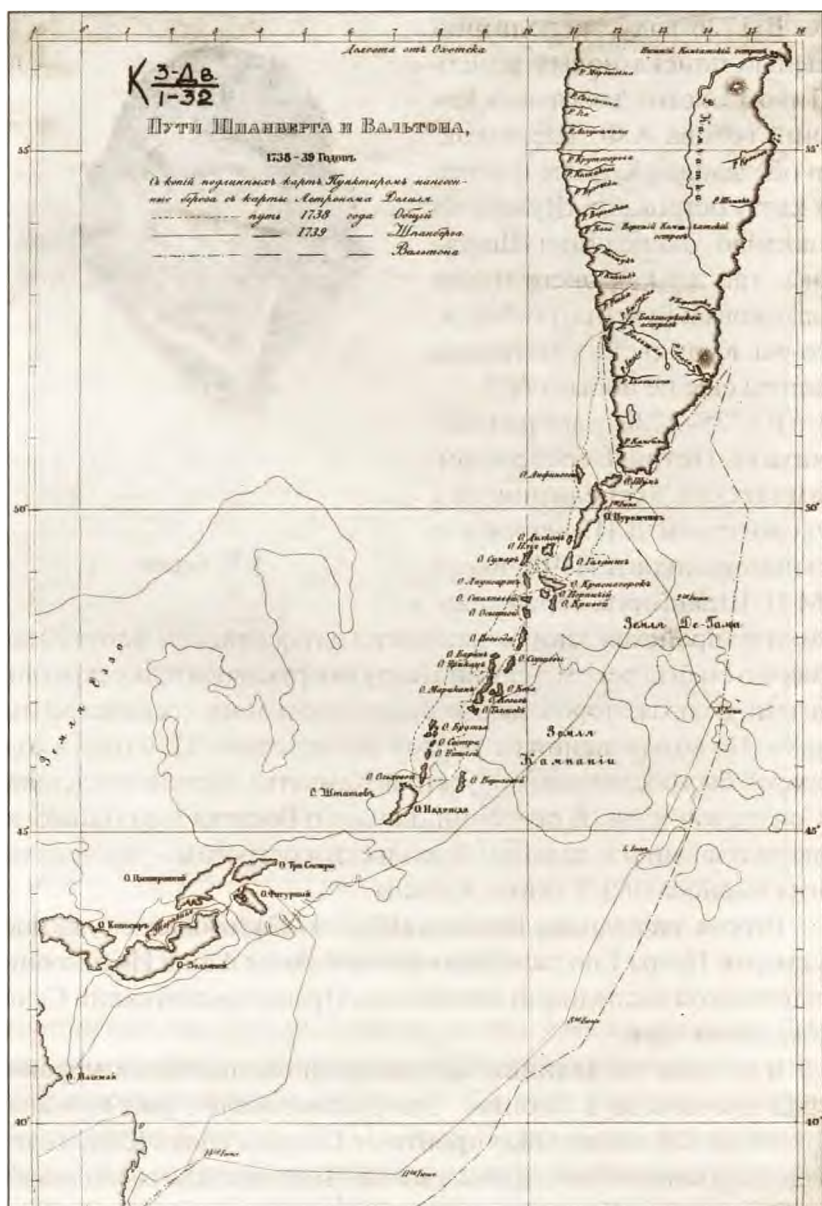
чанин по происхождению, прослужил на российском флоте 20 лет. Именно он был рекомендован Петру как руководитель секретной миссии, целью которой было расширение границ Российской империи. По возвращении из первой экспедиции в 1730 году, в ходе которой был обследован полуостров Камчатка, Беринг представил в Сенат свои идеи об освоении Дальнего Востока и о подготовке нового плавания к дальним Курильским островам — именно так тогда именовались Южные Курилы.

Вторая экспедиция Беринга (1733— 1743) готовилась уже после смерти Петра I по указанию императрицы Анны Иоанновны. Подготовкой экспедиции занимались Правительствующий Сенат и Академия наук.

В составе экспедиции был выделен специальный морской отряд для похода в Японию. Его руководителем был назначен Шпанберг. Он должен был пройти от Охотска вдоль Курильской гряды до Японии и постараться во что бы то ни стало расположить к себе японцев. При этом ему предписывалось «приласкивать» и охранять жителей Курил, которые «самоизвольно пожелают итти в подданство» российское.

В.И. Беринг

Карта плавания М. Шпанберга и В. Вальтона 1738-1739 гг.
Санкт-Петербург, 1851 г.

Всего Шпанберг плывал к Курилам трижды в надежде проложить путь к Японии: в 1738, 1739 и 1742 годах. В первый раз на бригантине «Архангел Михаил» он достиг только острова Итуруп.

На Малой Курильской гряде и Кунашире русские побывали в следующем, 1739 году в ходе второго плавания Шпанберга к Курилам. Шпанберг послал на остров Шикотан пробирных дел мастера С. Гардеболя для поиска на острове металлов и минералов, а также штурмана М. Петрова для изучения возможности стоянки судов. Экспедиция картографировала все острова Курильской гряды. Тогда же члены экспедиции впервые побывали у северо-восточного побережья острова Хонсю и впервые встретились с японцами. Встреча была дружелюбной, но из-за отсутствия переводчиков русские и японцы не понимали друг друга. С 1796 года по инициативе английского мореплавателя Уильяма Броутона остров Шикотан на многих картах стал именоваться островом Шпанберга.

Экспедиция побывала и на островах Хабомаи. От местных аборигенов Шпанберг узнал, что они не находятся в японском подданстве, что из всех островов «под властью епонского хана только один Матмай остров, а прочие острова неподвластны... и что все острова с Матмайским имеют торги великии разными товарами». Заметим, что в то время японцы не имели прямых связей с айнами Южных Курил, и торговля с ними шла через айнов острова Хоккайдо. Это и подтвердили наблюдения Шпанберга.

В 1742 году Шпанберг совершил еще одну попытку проплыть вдоль Курил до Японии. Но плавание оказалось неудачным. Однако и первых двух его экспедиций было достаточно, чтобы Россия убедилась, что Южные Курилы «никому не подвластны».

Заметим: достоверно известно, что на Южных Курилах первым из европейцев побывал голландский путешественник Мартин де Фриз. В 1643 году он проплыл вдоль островов Итуруп, Уруп и Кунашир, который он принял за часть Хоккайдо. От его экспедиции остались ценные описания исследованной территории и добротные карты. Фриз провозгласил Курилы собственностью Голландии. Однако, обнаружив на этих островах вместо золотого эльдорадо только курящиеся вулканы,

Карта устья реки Амур, южной части Камчатки и Курильских островов из «Атласа Российского». 1745 г.

голландцы потеряли к ним интерес и больше не выставляли на них своих претензий.

Зная, что Курилы никем не заняты, Россия заявила о своих правах на острова. В 1745 году в «Атласе Российском» Курильские острова были нанесены на карту Российской империи. Составителем карты был географический департамент Академии наук. После этого не только на российских, но и на многих европейских картах Курильские острова, в том числе южные, обозначались как российские владения. В дальнейшем, в частности в 1792 и 1796 годах, Курилы включались в официальное издание — «Атлас Российской империи» и обозначались как составная часть Нижнекамчатского округа Охотской области Иркутского наместничества

Карта Курильских островов «с около лежащими местами», составленная Г.Ф. Миллером и опубликованная в книге С.П. Крашенинникова. 1755 г.

(см. вкладку). Такие публикации были официальным заявлением миру о владении новой территорией.

Результаты второй Камчатской экспедиции обобщил и популярно изложил знаменитый исследователь русского Дальнего Востока С.П. Крашенинников. В 1755 году была издана его книга «Описание земли Камчатки», в которой есть главы «О Курильских островах» и «О Курильском народе». Автор, в частности, отмечал, что айны Южных Курил «не признают никакого инаго правительства, кроме того, которое сами между собою имеют», и делает для себя открытие — Матмай, Кунашир, Итуруп и Уруп не являются частью Японии, а составляют землю Эдзо. Примечателен тот факт, что Крашенинников и последующие российские исследователи именовали Хоккайдо

Карта Российской империи, изданная в Лондоне постановлением английского парламента. 1780 г.

«двадцать вторым островом» и считали его составной частью цепи островов от Камчатки до Японии, то есть частью Курил.

«Двадцать второй и последний остров к Японии, — пишет Крашенинников, — называли японцы Матмаем... Остров Матмай величиной всех больше, а по нем Кунашир превосходит прочие: однако и Итурупу и Уруп немалые острова и прежде объявленные

их меньше. На них на всех множество жителей. Итурпские и Урпские обыватели называют себя Кых-Курилы, и имеют особливый язык и сходство с Кунаширскими жителями.

Сие примечание достойно, что у Японцов по их объявлению жители всех последних четырех островов общим званием Езо называются: из чего, во-первых, рассуждать надлежит, что Матмайские жители с прежними суть одного рода, и что язык на всех четырех

Екатерина II

островах один, а потом можно исправить находящиеся везде в географиях погрешности, по которым одна великая земля прозванием Езо близ Японии в северо-восточной стороне полагается...»

Книга Крашенинникова подтолкнула власти России к дальнейшему освоению Курил, и в 1761 году Сенат своим указом дал русским купцам право вести торговлю на островах.

Следующий этап в освоении островов приходится на правление императрицы Екатерины II, взшедшей на престол в 1762 году. Екатерина активно стремилась к расширению границ и укреплению международных позиций Российского государства. В 1766 году по указанию сибирского губернатора к южным Курильским островам был отправлен казачий сотник И. Черный, которому было предписано «уговаривать курильцев в подданство, не оказывая при том, не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления». Однако Черный нарушил инструкции, и его жестокие действия привели к протестам со стороны айнов.

В ходе экспедиции Черный узнает о контактах айнов с японцами. «В Аткис [бухта на Хоккайдо. — *Примеч. авт.*], — пишет он в своих отчетах, — приходят два суда японския; а ныне, в недавних годах, и на двадцатый остров (Кунашир) стало одно судно японское ходить...

Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов... А покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу [вяленая или копченая рыба. — *Примеч. авт.*], бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры». Изданного отчета, равно как и из записок Крашенинникова следует, что японцы во второй половине XVII века хотя и вели торговлю с айнами острова Кунашир, ближайшего острова к Хоккайдо, но постоянно на Кунашире не проживали.

Следующая экспедиция через Курилы к Японии была организована в 1775—1779 годах по инициативе П.С. Лебедева-Ласточкина и Г.И. Шелехова. Ее руководители И.М. Антипин и Д.Я. Шабалин не только восстановили хорошее отношение жителей Курил к русским, но и сумели обратить многих в христианство. В русское подданство было приведено более полутора тысяч айнов с Итурупа, Кунашира и Хоккайдо. Шабалину удалось на северо-восточной оконечности Хоккайдо встретиться с японскими торговцами и представителями местной администрации. Но предложения наладить торговлю не встретили понимания японцев. О результатах экспедиции было доложено в Санкт-Петербург. Планы установления торговых связей с Японией получили высочайшее одобрение, а Лебедев-Ласточкин был награжден золотой медалью «За полезные обществу труды».

Как сообщал в своих записках Черный, а затем и Антипин, японцы с середины XVIII века тоже стали торговать с айнами на самой южной оконечности Кунашира. И, как утверждают японские источники, в 1754 году открыли там «торговую точку» (басё). Однако Япония не издавала по этому поводу государственных актов и не направляла на Кунашир правительственных экспедиций.

Русские тоже торговали с айнами на острове. Чтобы добиться расположения айнов Южных Курил, императрица Екатерина II, считавшая их российскими подданными, в 1779 году издала указ об освобождении жителей островов от сборов и податей. В письме новому Иркутскому губернатору Ф.Н. Кличке от 30 апреля 1779 года генерал-прокурор Сената А.А. Вяземский объявил указ

М.-А. Бениовский

императрицы, предписывавший «мохнатых» Курилов «оставить свободными и никакого сбора с них не брать, но стараться дружественным обхождением и ласковостью для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать уже заведенное с ними знакомство». К сожалению, именно этот указ привел к тому, что в конце XVIII века русские перестали посещать Курилы: сборщикам налога делать здесь было нечего,

а купцы после истребления значительной части пушного зверя на островах стали считать такие экспедиции невыгодными.

Японцы же, напротив, начали постепенно проявлять интерес к «северным территориям». Присутствие русских на Курилах вызывало у них опасения, что Россия попытается распространить свое влияние и на Хоккайдо, который японцы еще полностью не завоевали. Такая ситуация создавала благоприятную почву для вмешательства тех, кто не хотел установления добрых отношений между соседними странами.

Роль провокатора сыграл международный аферист граф Мориц-Август Бениовский. За участие в восстании конфедератов в Польше он был сослан сначала в Казань, а потом на Камчатку. В 1771 году вместе с другими заключенными он поднял мятеж. Восставшим удалось захватить судно «Св. Петр» и бежать. Проплыв вдоль Курильских островов, они оказались у берегов Японии. Выдавая себя за австрийца, Бениовский передал нес кольцо писем директору голландской фактории в Нагасаки. Водном из них Бениовский, ненавидевший Россию, информировал голландцев о якобы готовящемся нападении русского флота на Хоккайдо и сообщал, что Россия намерена использовать Курилы в качестве плацдарма.

Ну, Бениовский — отомстил! На много десятилетий он заронил семена недоверия и страха японцев к России. Да и голландцы хороши! Не хотели они контактов России с Японией. В то время они пользовались монопольным правом торговли с этой страной и, стремясь вызвать у японцев враждебные чувства в отношении России, в красках довели эту дезинформацию до японских властей. Из искры Бениовского возгорелось пламя — в Японии возникло целое политическое течение, последователи которого были озабочены угрозой со стороны России. Один из его представителей, Хэйсукэ Кудо, издал в 1781 году целый трактат «Размышления о красноволосых эдзо». Так японцы называли русских. В нем он предостерегал: «Если смириться с тем, что происходит, то скоро вся земля Эдзо станет русской территорией. Чтобы предотвратить это, необходимо разрабатывать богатства Эдзо, используя все возможности государства, умело вести дела на севере. Только так можно остановить проникновение России».

У Кудо были единомышленники. В 1791 году вышла книга «Дискуссия о военных вопросах морской нации» японского ученого Сихэй Хаяси, который предрекал скорое нападение России на Японию. Он призывал к скорейшей колонизации Хоккайдо и укреплению безопасности страны и ее границ. Кстати, еще в 1785 году вышел трактат ученого «Иллюстрированное исследование о трех странах», в котором Хаяси описал три территории, находящиеся за пределами Японии, — Корею, острова Рюкю и — заметьте! — Хоккайдо (за исключением княжества Мацумаэ) с Курилами (*см. вкладку*).

Книги Кудо и Хаяси оказали сильное влияние на политику японского правительства. Еще не овладев полностью Хоккайдо, японцы решили выдвинуться как можно дальше на север — к Курилам, чтобы закрепиться там и остановить приближение русских к японским островам. Прочитав трактат Кудо, глава правительства Японии в 1767—1786 годах сёгун Изхару Токугава распорядился организовать экспедицию во главе с Токунай Могами для обследования территории Эдзо. Это была первая правительственная экспедиция японцев на Курилы. Могами побывал на Итурупе в 1786 году, то есть спустя почти 50 лет после экспедиции Шпанберга.

Т. Могами

На острове он обнаружил русских, но это вряд ли могло смутить настоящего самурая, который выполнял важное задание своего правительства. Могами потребовал от них покинуть остров. Обратите внимание, как описывает возникший спор японский историк Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские». «Айны, которые живут на этом острове, — приводит он слова Могами, — одного происхождения с айнами, проживающими на северо-востоке исконной японской территории, и еще много веков назад платили дань императорскому двору и нередко удостаивались родовых титулов.

Значит, то, что здесь проживает племя айнов, и... означает, что этот остров относится к японской территории». Вдумайтесь: айны на острове Хонсю — подданные Японии, значит, Курилы тоже принадлежат Японии. Хороша логика! Но в соответствии с тогдашним мировоззрением закрытых японцев она была оправдана.

Русские, которые впервые увидели на Курилах японцев, были ошарашены таким заявлением. Но никакие аргументы не смогли поколебать уверенность японского эmissара. Ни то, что айны этих островов не считают себя подданными Японии, ни то, что на Итурупе нет никаких японских правительственных органов и нет ни одного японца, который бы управлял этими айнами. В итоге Могами арестовал русских и объявил остров территорией Японии.

Важно отметить, что «логика» Могами, по сути, представляет собой краеугольный камень целой теории, используемой для обоснования исконности прав Японии на Южные Курилы. А именно: покорение айнов на центральном японском острове Хонсю и на Хоккайдо, по японской версии, считалось основанием для того, чтобы рассматривать Курилы частью японской территории. Мы,

бесспорно, согласимся, что, капитулируя, государство (например, айнское) вынуждено было бы признать победу противника (скажем, Японии) над всей своей территорией. Но у айнов не существовало ни государства, ни органов управления, ни границ. Это были разрозненные племена, которые имели схожие этнические корни. Таким образом, покоряя айнов на Хоккайдо, японцы уж точно не могли претендовать на Курилы. Но по их логике — могли! Позже, чтобы подкрепить свою теорию, японцы приступили к активной ассимиляции айнов, которых они до этого не только не считали близкой к себе нацией, но и всячески презирали как не похожих на японцев.

А что же Россия? В России тогда и не подозревали о бушующих в Японии страстях и фантастических опасениях. Занятая неотложными задачами в Европе, Россия на время выпустила Южные Курилы из сферы своего внимания. Но уже в 1786 году, узнав об экспедиции на Камчатку французского мореплавателя Жана-Франсуа Лаперуза (совершившего по пути плавание вокруг Японии и Курильских островов (*см. вкладку*)), Екатерина II обеспокоилась судьбой своих владений. Однако в Санкт-Петербурге еще не прогнозировали враждебных действий со стороны Японии и опасались только европейцев.

С инициативой выступили графы А.Р. Воронцов и А.А. Безбородко. В 1786 году они подали Екатерине II записку, обосновывающую права России на «острова и земли, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане». Они напоминали императрице, что «гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая М. Шпанбергом и В. Вальтоном», неоспоримо принадлежит России, так как «по общепринятому правилу, на неизвестный земли

Ж.-Ф. Лаперуз

Карта Сахалина, Камчатки и Курильских островов. Ж.-Ф. Лаперуз. 1787 г.

имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на оной свой знак...» Воронцов и Безбородко предложили Екатерине объявить через российских министров при дворах всех морских европейских держав, что «сии открытия земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими».

На основании этой записки Екатерина II в декабре этого же года подписала указ, в котором Адмиралтейской коллегии и иркутскому генерал-губернатору предписывалось отправить военную эскадру для защиты российских владений на Тихом океане, а Коллегии иностранных дел надлежало принять меры к «сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытыя». В случае обнаружения на островах иностранцев эскадра должна была выдворить их, применяя при необходимости

силу. А «ежели какие укрепления или поселения есть», то их надлежало «разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить».

Следует особо подчеркнуть, что указы Екатерины II (1779 и 1786 гг.) на законодательном уровне подтверждали, что Россия включила Курилы, в том числе дальние (то есть Южные), в состав Российской империи. Россия однозначно считала Курилы своими, и никто в XVIII веке о своих правах на них официально не заявлял.

4 октября 1787 года эскадра была готова к отплытию из Кронштадта. Но в последний момент известие о начале войны с Турцией и Швецией вынудило Екатерину временно отказаться от похода. Экспедиция, которая должна была защитить Курилы и другие владения Российской империи, не состоялась. Так под влиянием обстоятельств Россия в итоге потеряла контроль над Южными Курилами.

Тем не менее Россия продолжала считать Курильские острова своими. Вынужденно утратив над ними контроль, она отнюдь не потеряла право считать себя первой, кто открыл, осваивал Курилы и владел этими островами.

А.А. Безбородко

А.Р. Воронцов

Но самое важное вот что: нет никаких сомнений, что Курильские острова, в том числе и южные, не могут считаться исконно японскими. И с этим соглашаются даже некоторые японские ученые. Приведем рассуждения на эту тему Тосиаки Вада: «Россия первой заняла все Курилы и установила на островах свои пограничные знаки. Наибольший вклад в это внесли экспедиции Шпанберга в 1738 — 1740 годах. В последовавший период Россия осваивала и колонизировала Курилы, занимаясь обучением айнов и предоставляя им российское подданство.

Что же касается “закрытой” Японии, то она реально отстала в осуществлении своей политики по отношению к проблеме севера. Только в 1785 году правительство Японии организовало первую экспедицию на Курилы и Сахалин. Япония отставала на 50 лет по сравнению с экспедицией Шпанберга и более чем на 80 лет по сравнению с высадкой на Курилах Козыревского в 1711 — 1713 годах. Между “закрытой” Японией и первопроходческой Россией образовалась большая дистанция в осуществлении своей политики на международной арене».

«То, что в конце XVIII века японские чиновники на Итуруп уничтожили русские пограничные столбы, — считает Вада, — доказывает, что Кунашир и Итуруп не были исконной японской территорией».

Посланцы России – Лаксман и Резанов

Стремясь основательно закрепиться на тихоокеанском побережье, Россия сталкивалась с серьезной проблемой. Собственного сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке у нее не было, и продовольствие приходилось завозить из западных регионов, что требовало больших бюджетных расходов. Вот почему в конце XVIII и начале XIX века Россия поставила для себя задачу — установить отношения с Японией, чтобы за счет взаимовыгодной торговли обеспечивать свои тихоокеанские владения всем необходимым.

С инициативой выступил действительный член Российской академии наук натуралист и путешественник Э.Г. Лаксман. Уроженец Финляндии, он жил в России и успешно продвигался по научной стезе. Вступив в конфликт с руководством академии, Лаксман уехал в Сибирь, где жил с 1781 по 1791 год. Там он много путешествовал, занимался наукой и даже основал стекольный завод.

Иркутск, где жил Лаксман, в то время являлся базой организации промыслового освоения северо-восточных территорий Сибири, островов Тихого океана и Русской Америки. Он также представлял собой, как писали современники, «пособие к изучению замкнутого царства японских островов». В Иркутске находилась целая колония японцев — купцов и мореплавателей, спасенных от кораблекрушений, случавшихся у берегов России. Некоторые из них состояли даже учителями в навигационном училище города, преподавали японский язык. Лаксман проявил интерес к японцам и близко познакомился с одним из них.

Кодаю Дайкокуя, так звали японца, увлекательно рассказывал о своей красивой стране и признался, что не оставляет надежды вернуться на родину. И у Лаксмана родилась идея совершить путешествие в Японию. Зачем? Ведь Япония была вне сферы его деятельности. Но у него был свой резон: Лаксман активно поддерживал контакты с членами Шведской академии наук, которые и пробудили его интерес к Японии и ее природе.

В 1790 году Лаксман пересылает в Академию наук в Санкт-Петербург карту Японии, составленную Дайкокуя.

Карта Японии, составленная К. Дайкокуя

Он также направил на имя статс-секретаря графа А.А. Безбородко записку с информацией о торговле Японией с голландцами и китайцами и предложил отправить в Японию миссию с целью установления отношений. 15 января 1791 года Лаксман и Дайкокуя отправились в Петербург. Только через полгода в Царском Селе при содействии влиятельного Безбородко, которого Екатерина называла своим «фактотумом», им удалось добиться аудиенции у императрицы.

Результат встречи превзошел ожидания предприимчивых путешественников. Екатерина была растрогана историей японца, а Лаксман предстал перед ней не только как добряк, желающий помочь Дайкокуя вернуться на родину, но и как стратегически мыслящий политик. Он изложил императрице идею направления в Японию официальной миссии для открытия посольства и установления торговых отношений. Екатерина, конечно же, знала о самоизоляции страны и о том, что только голландцам удастся найти с японцами общий язык. Ей понравилась задумка Лаксмана вернуть живших в России японцев на родину. По его мнению, этот шаг должен был расположить к себе закрытых островитян.

Это был действительно удобный предлог для отправки миссии. Но ни Екатерина, ни кто-либо другой не подозревали тогда о недоверии и страхе японцев к России, порожденных дезинформацией Бениовского.

13 сентября 1791 года императрица дает указание иркутскому генерал-губернатору И.А. Пилу об отправке экспедиции в Японию. «Для препровождения тех японцев в их отечество, — говорилось в указе, — употребить одного из сыновей означенного профессора Лаксмана в Иркутском наместничестве при должностях находящихся, имеющих познания в астрономии и навигации, поруча ему как в пути, так и в бытность в японских островах делать на водах и на твердой земле астрономические, физические и географические наблюдения и замечания, равно и о торговых тамошних обстоятельствах». Руководителем экспедиции назначится младший сын Эрика Лаксмана — Адам. Именно он должен был помимо официальных задач экспедиции выполнить личные поручения отца — передать письма японским ученым и привезти из Японии образцы местной флоры и фауны.

Уже в сентябре 1792 года А. Лаксман на галиоте «Св. Екатерина» с командой в 40 человек отправляется из Охотска к берегам Японии. С собой из Иркутска он взял трех японцев, которых, по плану его отца, предстояло вернуть на родину.

В октябре 1792 года корабль бросил якорь в местечке Немуро на восточной оконечности Хоккайдо. 12 октября Лаксман напра-

А. Лаксман и его друзья. Японская гравюра

вил в Мацумаэ письмо, в котором просил уведомить правительство в Эдо (с 1868 года — Токио) о его прибытии и намерениях.

Лаксман и его команда провели в Немуро почти полгода. Ожидая ответа, они в декабре 1792 года и в марте и апреле 1793 года принимали чиновников из Мацумаэ и Эдо, которые были весьма учтивы и любопытны. Японцы с разрешения Лаксмана скопировали карты, глобус, сделали модель их корабля и даже токарного станка, находившегося на судне. Русские вели себя неожиданно дружелюбно, и удивленные японцы поведали им, что голландцы в Нагасаки распространяли слухи, будто бы русские необычайно жестоки и воинственны.

Пока русские в Немуро ждали ответа на предложения об установлении отношений, японские чиновники в Эдо совещались, как им поступить, ведь в соответствии с законами о «закрытии» страны чужестранцы подлежали немедленному аресту. Но японцы не хотели обострения отношений с соседней Россией. Тем более что русские, возвратившие на родину их соотечественников, вызывали у них уважение. Они оказались вовсе не кровожадными и в довольно миролюбивой форме предлагали установить с Японией торговые отношения.

В апреле 1793 года в Немуро пришел ответ, в котором русскому кораблю было дозволено войти в бухту на юге Хоккайдо, ближайшую к городу Мацумаэ. 4 июля «Св. Екатерина» бросила якорь на рейде близ Хакодате. 13 июля 11 членов экипажа отправились в Мацумаэ на переговоры. Лаксмана и сопровождавших его Ловцова и Коха японцы несли на носилках — норимонах. Только 17 июля кортеж, состоявший из 450 человек, прибыл в город. Переговоры

шли девять дней. Японские представители наотрез отказались принимать письмо губернатора Пиля и лишь после долгих препирательств позволили зачитать его вслух. Так они узнали о намерении русского правительства заключить торговое соглашение с Японией. Лаксман настаивал на встрече с императором, заявляя, что именно он должен передать привезенных японцев, но уполномоченные решительно воспротивились этому, уверяя, что встреча с ними была то же самое, что и с самим императором. Понимая, что это окончательный ответ, Лаксман не смел настаивать. Ведь во встрече с губернатором Мацумаэ ему также отказали.

Но, несмотря на все недоразумения, Лаксману в значительной мере удалось исполнить поручение своего правительства. Этому, очевидно, содействовала личная симпатия, которую он вызвал. Еще долго после его посещения среди японцев ходили истории, как Лаксман для общего увеселения заставлял матросов петь и плясать, как русские раздавали японцам ножи и разные подарки, как они катались на коньках и парились в построенной ими русской бане.

Свою роль сыграл и Дайкокуя. В ходе многочисленных допросов, в одном из которых участвовал лично сёгун Иэнари Токугава, Дайкокуя в красках рассказал о встрече с императрицей и о хорошем отношении к нему русских. А вот и один малоизвестный факт. Дайкокуя с помощью Лаксмана привез кое-что интересное и для японцев — 10 карт России, а также карту Японии, которая в то время была у русских. Она датирована 1786 годом и свидетельствует о том, какое представление о границах Японии имела в то время Россия.

К сожалению, ни подарки, ни возвращение японцев не смогли сломить негативного отношения Японии к иностранцам. Из Эдо пришел ответ японского правительства с отказом на предложение Лаксмана. В нем говорилось: «Японское правительство с Россией никогда не состояло в дружеских сношениях и поэтому не может знать большего или меньшего достоинства этого государства, тем более что из некоторых строк в письме нельзя заключить о нравах и обычаях в России. Также неизвестно, согласуются ли понятия о дозволенном и предосудительном в обоих государствах.

Единственный ответ, который желаем дать на письмо, состоит в том, что претерпевшие кораблекрушение принимаются, но других объяснений делать не допускается».

Таким образом, японское правительство отказалось вести переговоры об установлении отношений с миссией Лаксмана. Но разрешило продолжить их на юге Японии в Нагасаки при предъявлении специальной доверенности следующего содержания: «Доступ в Нагасаки разрешен одному кораблю великаго рускаго государства, с условием, чтобы в других местах не приставал и с объявлением, что христианская вера не терпится в нашем государстве, а потому в продолжении посещения никакое богослужение отправлять не дозволяется; если же впредь какой-нибудь договор будет заключен, то каждое противозаконное действие будет запрещено. Для соблюдения сего мы передаем это удостоверение Адаму Лаксману».

Это уже можно было считать удачей. Было положено начало переговорам, которые предстояло продолжить.

Лаксман вернулся в Россию с подарками: три сабли, 20 ящиков листового табака, 100 кулей риса, несколько ящиков японской бумаги, фаянсовые чашки. Не забыл он и наставления отца — привез морские карты, гербарии, научные коллекции — в частности 60 раковин и зоофитов, 18 заспиртованных рыб и насекомых, 65 сушеных водорослей и т.д.

Екатерина II высоко оценила результаты экспедиции, и Лаксман-старший получил царский подарок — три тысячи рублей, огромную по тем временам сумму. Это была оценка того факта, что экспедиция сделала важный шаг в установлении отношений с Японией.

Спустя некоторое время Лаксман-старший выдвинул идею новой экспедиции. Но возникла интрига, связанная с неожиданным противодействием со стороны купца Г.И. Шелихова. Он успешно торговал с Русской Америкой, занимался освоением Курил и давно ратовал за установление связей с Японией. Вместе с Лаксманом он разрабатывал планы посылки первой экспедиции в Японию. Но затем между двумя приятелями случился разлад. Волей случая Шелихов оказался в тени, а Лаксман со своим сыном добился значительных результатов и похвал императрицы. Чувствуя себя незаслуженно забытым, Шелихов использовал все

Г.И. Шелихов

свои связи в Петербурге и блокировал новые предложения своего «конкурента» Лаксмана. Он доказывал, что отношения с Японией следует развивать не на государственном, а на предпринимательском уровне, убеждая, что следующая экспедиция должна быть поручена именно ему.

В конце концов Лаксман и Шелихов добились посылки совместной экспедиции, в которой Лаксману поручалась научная, а Шелихову — торговая ее часть. Екатерина II распорядилась снарядить судно для отправки в Японию. Однако повторить экспедицию в Японию не удалось. В 1795 году умер Шелихов, в 1796-м неожиданно скончался и Эрик Лаксман. В том же 1796 году умерла Екатерина, а новый император, Павел I, не испытывал интереса к Японии и не продолжил начатое дело. Он вообще все делал наперекор матери, отвергая все ее начинания. Мстил за то, что в свое время она лишила его трона.

Тем временем японцы не сидели сложа руки. Их действия на Курилах принимали все более решительный характер. В 1798 году правительство Японии, продолжая считать Россию главной угрозой безопасности своих границ, основало на Кунашире и Итурупе заставы и отправило на них вооруженные отряды. Японцы срывали русские пограничные столбы и устанавливали свои знаки. К концу XVIII века контроля над островами, расположенными южнее Урупа, у нас уже не было.

В 1801 году на российский престол вступил внук Екатерины, сын Павла I Александр I. Новый российский император был увлечен европейскими делами, и проблемы Дальнего Востока, казалось, вновь отошли на второй план. И все же в 1802 году он поддержал идею кругосветной экспедиции, предложенную И.Ф. Крузенштерном, который и был назначен ее начальником.

Павел I

Александр I

По стечению обстоятельств экспедицию было решено совместить с отправкой в Японию дипломатической миссии, главой которой стал обер-прокурор Сената Н.П. Резанов.

Остановимся на его личности подробнее. Резанов начал карьеру с должности начальника канцелярии Г.Р. Державина. Искусный царедворец, он сразу окунулся в свою стихию и вскоре стал выполнять личные поручения самой Екатерины. Поговаривали, что, если бы всеильный фаворит императрицы П.А. Зубов не отправил его в Иркутск инспектировать деятельность компании купца Шелихова, Резанов мог бы стать очередным любимчиком Екатерины.

Проверка компании шла, видимо, настолько успешно, что Резанов вскоре женился на пятнадцатилетней дочери инспектируемого. Всего через полгода после свадьбы 47-летний Шелихов скоропостижно умирает, а Резанов наследует часть акций и становится одним из руководителей его компании. Резанов, имевший и связи, и титул, приложил немало сил к тому, чтобы в 1799 году по указу Павла I на основе компании Шелихова и других купцов была создана единая Российско-американская компания. Управление ею переводится в Петербург, а ее уполномоченным представителем при правительстве назначается сам Резанов. Напомним, что

И.Ф. Крузенштерн

Н.П. Резанов

в соответствии с указом Павла I именно Российско-американской компании передавались все права на Курильские острова и Аляску. Так судьба вывела Резанова на Японию.

Видимо, в любом деле нужен заводила, который способен двигать его вперед. А если у него будут и возможности, и свой интерес, в успехе можно не сомневаться. Как в свое время Лаксман, сейчас эту роль сыграл Резанов. Обладая высокопоставленными покровителями при дворе, он легко добился решения об отправке в Японию новой дипломатической миссии. Он же и был назначен ее главой. Интерес Резанова был прост: наладить торговлю с Японией и зарабатывать, поставляя японские товары на Камчатку, Курилы и Аляску.

Так кругосветная экспедиция Крузенштерна и миссия Резанова оказались объединены. Но вот проблема: руководителей стало двое. Морской частью командовал капитан Крузенштерн, который пока не предполагал, с чем ему предстоит столкнуться во время плавания. А Резанов был главой дипломатической миссии, но ставил себя выше Крузенштерна и в решении общих вопросов.

О том, как строились отношения Резанова с Крузенштерном и командой, подробнейшим образом описано очевидцами.

Карта Нагасаки. 1801 г.

Проблемы начались с того, что Резанов удивительным образом заполучил подписанный Александром I рескрипт, дающий ему право возглавить совместную экспедицию. Но вот что странно. Капитана Крузенштерна об этом ни канцелярия императора, ни Адмиралтейство не информировали. Да и сам Резанов объявил себя начальником Крузенштерна лишь спустя несколько месяцев после выхода в плавание, чем поверг последнего в крайнее изумление и негодование. Конфликт дошел до того, что Резанов решил отменить кругосветное путешествие (через Атлантический и Тихий океаны к Японии) и требовал, хотя и тщетно, направить экспедицию к Японии через Индийский океан.

Мы остановились на характеристике Резанова не случайно. Как выяснится позже, он был совсем не той фигурой, которая могла бы помочь наладить отношения со столь необычной страной, как Япония.

Итак, два корабля экспедиции, «Надежда» и «Нева», вышли из Кронштадта 26 июля 1803 года. 8 октября 1804 года «Надежда», на борту которой находился Резанов, бросила якорь в гавани Нагасаки. Более полугода Резанов ждал ответа от японцев. Все это время в Эдо шло бурное обсуждение российских предложений.

Ситуация напоминала 1793 год. Но сторонники развития отношений с Россией в правительстве Японии, некогда поддержавшие А. Лаксмана, уже потеряли былое влияние. После долгих обсуждений Совет знати Японии принял решение: в переговоры с русскими не вступать и вынудить русский корабль немедленно покинуть Нагасаки. В марте 1805 года, через пять месяцев после прибытия Резанова в Японию, японские представители передали ему ответ японской стороны. Резанову надлежало пополнить запасы воды, продовольствия и покинуть Японию.

Несмотря на данный Резанову официальный отказ, японцы оказали российскому послу достойный прием. Вот как описывает российский историк К.А. Военский первую аудиенцию Резанова с японскими властями: «Более двадцати чиновников японских прибыли... для сопровождения посла, а на берегу его встретили уполномоченные от губернатора с почетным караулом. Вдоль улиц, по которым должно было направляться шествие, выстроены были войска, стоявшие шпалерами по обеим сторонам. Народу, однако, не было видно, так как по распоряжению нагасакских властей на улицу никого не пускали; под видом большей торжественности окна и двери домов завешены были разноцветными материями, дабы любопытные не могли ничего видеть. При выходе на берег для посланника был приготовлен богатый норимон, несомый восемью носильщиками, в котором поместился Резанов с императорскою грамотою; кавалеры посольства и прочая свита посланника шли пешком».

Хотя многие факты говорят о том, что японцы не были готовы открыть свою страну России, кажется, возможен был и лучший вариант развития событий. Японцы приняли российскую дипломатическую миссию довольно дружелюбно, по крайней мере не враждебно. Доставляя на борт продовольствие, японцы отказывались принимать вознаграждение. А когда русская миссия заявила о желании купить для своих нужд 2000 мешков соли, они были незамедлительно и безвозмездно доставлены на корабль. Хотя Резанов согласно действующему в стране закону и вынужден был жить в изоляции рядом с голландской факторией, при встречах с японскими властями он был окружен всяческими почестями, что

в целом свидетельствовало об уважительном отношении японцев к посланцам из России.

Однако ряд ошибок, допущенных российской миссией, обрекали ее на провал. Первая грубая ошибка была сделана еще в Санкт-Петербурге. Письмо Александра I с предложением об установлении отношений было адресовано императору Японии. Но дело в том, что уже целых два столетия император в Японии был отстранен от власти, и в стране правили сёгуны — военачальники из семьи Токугава. Император вел праздную жизнь в Киото и не допускался к решению важных государственных дел. Прибыв в Японию, Резанов заявил о неслыханном желании лично передать это письмо императору, чем поверг представителей японских властей в замешательство: отдавать письмо ничего не решающему императору было глупо, передать его сёгуну — нарушить протокол. Согласитесь, к направлению посольства можно было бы подготовиться более основательно. Уж за два-то века информация о государственном устройстве Японии должна была просочиться в Европу.

И это был не единственный промах. По наблюдениям очевидцев, Резанов изначально занял в переговорах с японцами необоснованно высокомерную позицию, чем не мог не навести их на мысль о том, что Россия намерена в отношении с Японией занять доминирующее положение, в отличие от голландцев, которые вели себя подчеркнуто уничижительно, беспрекословно подчинялись японским предписаниям и смиренно жили в изоляции на острове Дедзима. Так, используя хитрость, голландцы на самом деле манипулировали японцами, изо всех сил поддерживая в них желание быть изолированными от всего мира. Кроме Голландии, разумеется. И получили эксклюзивное право торговать с Японией.

Высокомерный тон не чувствовавшего восточных тонкостей российского посланника контрастировал с «покорностью» голландцев. У Резанова не было ничего, что могло бы внушить японцам уважение или хотя бы страх: ни мощного флота, ни многочисленной вооруженной команды. А его важный вид и высокомерие, разумеется, не могли произвести желаемого впечатления на самураев, которые не знали страха и были мужественными воинами.

Карта острова Дедзима. 1801 г.

Но вот ведь что поразительно: именно по этому вопросу Резанову были даны подробнейшие наставления. Инструкция, утвержденная царем, регламентировала поведение Резанова в Японии и предписывала ему соблюдать местные обычаи: «Во всех встречах с теми, которые поведут вас ко двору, будьте, елико можно, и учтивы, и ласковы, следуйте всегда их советам, даже и тогда, когда они будут противны вашему свойству и всем правилам и просвещению европейскому». И что же на деле? Резанов действовал совершенно вопреки этим указаниям. Первую встречу Резанова с японскими официальными лицами Военский описал следующим образом. Встретившие Резанова чиновники поинтересовались у посла, согласен ли тот следовать японским обычаям. «Господин посол, — спросили они, — вам странны обыкновения наши; но всякая страна имеет свои, а мы голландцев имеем издревле друзьями, и вот вам доказательство их доброго к нам расположения. Согласны ли вы сему следовать?» «Нет, — отвечал Резанов, — ибо почитаю слишком японскую нацию, чтобы начинать нам дело безделицами; а обыкновения ваши, ежели они издревле с голланд-

цами состоялись, ни мало для меня не удивительны; но у нас они другие, и при том они также непоколебимо сохраняются».

А ведь не мог Резанов не знать старинной русской мудрости про «чужой монастырь» и «свой устав». Все было бы простительно, если бы на кону не стоял важнейший вопрос, разобьет ли Россия лед добровольной блокады Японии.

Именно Резанов, пишет в одном из писем помощник Крузенштерна М.И. Ратманов, «своей неуклюжей дипломатией собственными руками разрушил ту базу отношений, которая была заложена Лаксманом. Он сразу занял позу большого вельможи, которому японцы не так кланялись, не так обращались».

Не менее откровенно оценивал переговоры Резанова с японцами известный исследователь Японии Д.М. Позднеев, который писал: «Русские во многих случаях совершенно неправильно представляли себе поведение японцев и давали действиям последних совсем не тот смысл, какой они имели в действительности».

И наконец, самая главная оценка. Вот что докладывал в своей записке императору граф Н.П. Румянцев: «Из журнала [Резанова. — *Примеч. авт.*] видно, что японцы весьма расположены к российской торговле... Кажется, больше бы еще ожидать можно, если бы в настоящем случае японские обряды более почитаемы были. Усердие Резанова к поддержанию достоинства империи завлекло его в некоторую горячность, хотя в инструкции, ему от меня данной, в пример ему поставлено было... сообразовываться с обычаями их, и что за несоблюдение оных в 1624 году Послы короля Гишпанского, два кавалера златаго руна не были приняты и возвратились потому, что сообразовываться с японскими обычаями не хотели».

Н.П. Румянцев

Дипломаты знают, что любой посол всегда должен уважать и принимать обычаи страны пребывания. И Резанов должен был это учитывать. В ответе японского правительства, который был послан Резанову, подчеркивалось, что Япония опасается «заводить с неизвестной державой дружественные сношения, основанные на неравных правах».

Хотя страхи японцев в отношении российской угрозы были бесосновательными, последующие события их еще больше насторожили. Не справившись с поставленной перед ним дипломатической задачей, Резанов в сердцах предпринял самовольные действия, которые резко ухудшили отношение японцев к России. Не согласовав свои планы с Петербургом, он в 1806—1807 годах отправил корабли Российско-американской компании «Юнона» и «Авось» под командованием Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова грабить японские поселения на Курилах и Сахалине. В отместку за несговорчивость властей.

Следствием этих вылазок было значительное усиление японского военного присутствия на Итуруп и Кунашире — уже в 1808 году здесь высадились тысяча японских воинов. И не только. 11 июля 1811 года японским гарнизоном на острове Кунашир был взят в плен русский мореплаватель В.М. Головнин. Он провел в японском заточении более двух лет (1811—1813) и был освобожден только после того, как российские власти принесли японцам заверения, что набеги подчиненных Резанова на Сахалин и Итуруп не носили характер государственной акции. «Стрелочники» Хвостов и Давыдов, выполнявшие приказ Резанова, были арестованы и должны были предстать перед российским судом. Наказания они избежали, но Александр I запомнил их и позже, когда этих офицеров представили к наградам за героизм в русско-шведской войне 1808—1809 гг., лично отказал им — за «своевольство противу японцев».

В.М. Головнин

Карта Сахалинского моря с описью Южных Курильских островов, составленная в 1811 г. В.М. Головниным и в 1812-1813 гг. П.И. Рикордом

А вот руководивший ими Резанов вышел сухим из воды. Но созданная им проблема в конечном счете ударила по России. Авантюра Резанова привела к еще большей утере влияния России на Южных Курилах — Япония стала стремительно закрепляться на островах, а мы этого не делали, потому что физически не могли. Александр I был всецело поглощен борьбой с Наполеоном в Европе. В итоге на предстоящих переговорах с Японией об установлении границы позиции России были значительно ослаблены.

Нам остается лишь сожалеть об этом. Но мы можем с уверенностью заявить: экспедиции Лаксмана и Резанова и документы, связанные с их подготовкой, показывают, насколько доброжелательно было отношение России к Японии. Оно было лишено хитрости, коварства и тайных агрессивных намерений. Именно

установление равноправных отношений с Японией было для России приоритетным. Россия имела достаточно врагов в Европе, и поэтому с самого начала строить мирные отношения на Дальнем Востоке — было для нее главным.

Что же касается страхов в отношении России, то они, конечно, были беспочвенны и навеяны японцам извне. Но те поверили противникам российско-японских контактов и, к сожалению, не в последний раз.

Договоры и граница

В середине XIX века в Японское, Охотское и Берингово моря стали частенько наведываться суда США и Великобритании. Иностранцы безжалостно эксплуатировали ресурсы региона — истребляли китов и пушного зверя, вырубали леса на Камчатке и Курильских островах, грабили местное население.

Правительство России было обеспокоено иностранной активностью у своих слабозащищенных дальневосточных границ, где не существовало еще ни российского флота, ни военных баз. Да и сами эти границы не были оформлены в договорах с соседними странами.

Занятая европейскими проблемами, Россия не проявляла должного интереса к этому далекому и труднодоступному региону. Даже точных карт Дальнего Востока пока не существовало. Сахалин, например, рассматривался как полуостров, соединенный с материком. Вслед за такими авторитетными исследователями, как Ж.-Ф. Лаперуз и И.Ф. Крузенштерн, в России считали, что устье реки Амур не судоходно. Лишь благодаря энтузиазму знаменитого исследователя Дальнего Востока капитан-лейтенанта Г.И. Невельского в 1849 году была снаряжена экспедиция, которая обнаружила пролив, разъединяющий материк и остров Сахалин. Это доказывало пригодность Амура для судоходства, что кардинальным образом усилило интерес России к этому региону.

Энтузиаста Невельского поддержал генерал-губернатор Сибири Н.Н. Муравьев. Он приложил немало усилий, чтобы переломить равнодушное отношение в Петербурге к тихоокеанским

Г.И. Невельской

рубежам России, и стал ключевой фигурой дальневосточной политики России XIX века. После того как в 1847 году Муравьев был назначен губернатором, он стал упорно настаивать на скорейшем занятии устья Амура, выходящего к северной оконечности Сахалина. Он писал: «В Сибири давно уже носятся слухи о предприятиях англичан на устье р. Амура и острове Сахалин и, Боже сохрани, если они прежде нас там утвердятся! ...Могу сказать, что кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере, до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки... чтобы Сибирь... оставалась неизменною данницей и подданной той державы, у которой будет этот ключ».

У Муравьева в правительстве нашлись серьезные оппоненты. Наиболее влиятельным из них был министр иностранных дел России граф К.В. Нессельроде. Он предостерегал императора от слишком активных действий на Дальнем Востоке, опасаясь осложнений с западными державами. «В руководящих правительственных

Н.Н. Муравьев

сферах и в среде высшей интеллигенции, — писал в своих воспоминаниях помощник Муравьева Б.В. Струве, — проявлялось тогда два совершенно противоположных политических направления». Одна группа «держалась строго русской политики: никому не наступать на ногу, но и не уступать без надобности или из боязни каких-то мнимых опасностей». Другая группа «тяготела к Западу, прикрывая свою подчас постыдную уступчивость ему указанием

на необходимость руководствоваться макиавеллиевско-меттерниховской системой, свободной от всякого нравственного закона.

Наиболее ярким представителем второй группы и был граф Нессельроде. Он слыл, безусловно, очень опытным и искушенным в дипломатии человеком. Принятый на дипломатическую службу по прямому указанию Александра I, Нессельроде дольше всех заведовал иностранными делами Российской империи (1814—1856). Однако при отстаивании интересов России он, по мнению современников, был излишне осторожен и более всего заботился о сохранении своего министерского портфеля.

Даже после сделанного Невельским открытия Нессельроде продолжал категорически возражать против предложений Муравьева занять устье реки Амур. Он опасался осложнений с Китаем и даже предлагал отказаться в его пользу от всего Амурского бассейна как бесполезного для России.

Муравьев же, наоборот, настаивал на решительных действиях. Укрепление позиций России на Дальнем Востоке — вот цель, которую ставил перед собой сибирский генерал-губернатор, думая о судьбах России на многие поколения вперед. «Соседний многолюдный Китай, — писал он императору Николаю I, — бессильный

К.В. Нессельроде

ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан, французов, и тогда Сибирь перестанет быть русскою... и чтобы сохранить Сибирь, необходимо нынче же сохранить и утверждать за нами Камчатку, Сахалин... и приобрести прочное влияние на соседей Китая». Муравьеву удалось привлечь внимание императора, и Дальний Восток с этого времени вновь стал объектом пристального внимания России.

Несмотря на провал миссии Резанова, в Петербурге не оставляли надежды на установление отношений с Японией. Ее рассматривали как потенциального партнера, торговля с которым позволила бы решить проблему снабжения российских поселений на Дальнем Востоке и в Северной Америке всем необходимым.

В 1813 году капитан П.И. Рикорд, прибывший в Японию для освобождения находившегося в плену В.М. Головнина, передал адресованное губернатору Хоккайдо письмо гражданского губернатора Восточной Сибири Н.И. Трескина, в котором предлагалось наладить торговые отношения и установить границы. Корабли Российско-американской компании неоднократно высаживали близ японских берегов спасшихся после кораблекрушений японцев. Всякий раз такие акции сопровождались попыткой заявить о желании России войти в торговые отношения с Японией. Однако встречного движения с японской стороны не было.

Вопрос налаживания контактов с Японией рассматривался в увязке с укреплением дальневосточных рубежей России. В 1843 году в Петербурге изучался проект отправки на Дальний Восток экспедиции под руководством Е.В. Путятина. В ее задачи входило исследование русско-китайской границы, Сахалина, а также поиск удобных портов для сообщения с Камчаткой и американскими колониями России. Предполагалось, что Путятин зайдет также в один из портов Японии и попытается установить с ней отношения. Однако этот проект был «зарублен» влиятельным министром финансов графом Е.Ф. Канкриным. В записке Николаю I он посетовал, что планируемые затраты на экспедицию вчетверо превысят расходы на прежние экспедиции Российско-американской компании в Японию.

Свой проект установления отношений с Японией в 1844 году представил знакомый нам И.Ф. Крузенштерн, ставший уже адмиралом. Прошло почти сорок лет после того, как он на корабле «Надежда» доставил Резанова в Нагасаки, но его интерес к Японии не угас. Адмирал полагал, что России следует для начала освоить для себя один из портов Китая, после чего Япония сама пойдет на открытие своих портов для российских судов. Но его предложения не были поддержаны начальником Главного морского штаба князем А.С. Меншиковым, считавшим, что император вряд ли согласится с планом Крузенштерна вопреки мнению Канкринина и Нессельроде.

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь после того, как в ноябре 1852 года в Петербурге было получено тревожное известие:

Николай I

правительство США снарядило две морские экспедиции для исследования тихоокеанского побережья Азии вплоть до Берингова пролива и установления отношений с Японией.

Это сообщение взбудоражило дипломатов в Санкт-Петербурге. В то время в районах Камчатки и Приморья американская китобойная индустрия работала на полную мощность: сотни американских судов курсировали вдоль российских берегов, получая баснословные прибыли от эксплуатации природных богатств этого региона. Масштабы такой активности американцев современники объясняли просто. Русские, работавшие в Российско-американской компании и давно занимавшиеся исследованием Сахалина, Курил и Охотского моря, частенько переходили на службу к американцам. Они передавали им ценнейшую информацию о регионе, без которой легкое и быстрое проникновение туда американцев было бы просто невозможно. Так в XIX веке происходила своеобразная «утечка мозгов» из России.

М. Перри

Расширяя свое присутствие в этом регионе, американцы остро нуждались в портах Японии для снабжения и ремонта судов. Направляя экспедицию в Японию, американцы были полны решимости, если потребуется, силой навязать японцам свои условия и добиться для США права на торговлю и заход в несколько портов. Они помнили, что прежние, не подкрепленные мощью военного флота попытки «открыть» Японию в 1837 и 1846 годах закончились безрезультатно.

На этот раз отправленные ими в Японию экспедиции commodора Мэтью Перри и Кадваладера Рингольдца представляли собой хорошо вооруженную эскадру — 10 боевых кораблей, включая фрегат «Миссисипи» — один из первых американских военных паровых судов. В составе эскадры была отлично вооруженная команда из двух тысяч моряков — больше, чем весь дальневосточный российский воинский контингент того времени.

В России не на шутку обеспокоились: ведь американцы могли опередить Россию, которая раньше США начала предпринимать попытки установления торговых отношений с Японией. Как только Николай I узнал об американской экспедиции, он поручил создать Особый комитет и разработать политический курс России в отношении Японии. Комитет вносит предложение: направить к берегам Японии дипломатическую миссию под руководством вице-адмирала Путятина.

Помня о половинчатых результатах экспедиции Лаксмана и провальных результатах экспедиции Резанова, в Особом комитете должны были решить, каким образом России следует добиваться поставленной цели. Пробивать средневековую закрытость Японии силой оружия, как планировали американцы, или, как это было со времен Петра I и Екатерины II, действовать исключительно мирными средствами.

Е.В. Путятин

П.И. Рикорд

Прорабатывались разные варианты. Нам удалось обнаружить в архиве российского Министерства иностранных дел уникальный документ. На одном из своих заседаний Особый комитет рассмотрел записку адмирала П.И. Рикорда, направленную им еще в мае 1852 года императору Николаю I. После того как в 1812 году Рикорд освободил из японского плена капитана Головнина, он продолжал интересоваться Страной восходящего солнца, знакомился практически со всеми зарубежными публикациями об этой стране и по праву считался одним из лучших специалистов по Японии.

Рикорд изложил подробный план установления отношений с этой страной. Его подход, так же как и американский, предполагал силовой метод, хотя и исключал возможность ведения войны против Японии на ее территории. Рикорд писал о мужестве японцев, их презрении к смерти, готовности к самопожертвованию ради исполнения долга: «Рано или поздно она [война. — *Примеч. авт.*] закончилась бы для нас поражением по причине искусного владения японцами белым оружием [так в середине XIX века в Японии называли холодное оружие. — *Примеч. авт.*] и их превосходстве в числе». Вместе с тем он был уверен: японцы, конечно же, помнят, что два года несправедливо держали в плену капитана Головнина, и, чувствуя свою вину, боятся мести со стороны России. «Страх

этот, — считал Рикорд, — не прошел и доныне, и этот самый страх можно употребить в пользу».

Он предлагал послать к берегам Японии российский военный корабль и был убежден, что японцы уступят силовому давлению. «Достаточно будет пребывания у Матсмайского залива [залив между Хоккайдо и Хонсю. — *Примеч. авт.*] нашего военного судна, - писал он, - для содержания их в беспредельном страхе и для того, чтобы от времени до времени производить нападения на их... суда, останавливать их и брать с них грузы, оставляя в неприкосновенности сами суда и находящиеся на них людей». Только так, по мнению адмирала, можно «поставить японцев в необходимость соглашаться на дружественные с нами отношения и указать им, сколько в противном случае от упорства их может произойти вредных для них последствий». Но какова была бы цена этой дружбы! Для России такой подход был неприемлем — она всегда боялась «обидеть» Японию.

Как и следовало ожидать, Особый комитет принял единственно верное, на наш взгляд, решение: отвергнуть насильственный, пиратский метод установления отношений с Японией. В мае 1852 года министр Нессельроде доложил императору: «Само собой разумеется, что цель посылки ее [экспедиции под руководством Путятина. — *Примеч. авт.*] будет миролюбивая, и во главу инструкции генерал-адъютанту Е.В. Путятину будет поставлено, чтобы воздерживаться от всяких неприязненных к японцам действий, стремясь достигнуть желаемого единственно путем переговоров и мирными средствами... Самый способ, предлагаемый адмиралом Рикордом к побуждению японцев согласиться на требования, не соответствует миролюбивой цели посылки нашего фрегата».

Вот! Вот подтверждение тому, что Россия не хотела и не могла угрожать Японии. Никогда. Все опасения японцев на этот счет были пустыми страхами, привнесенными извне. Но ни нам, ни японцам не хватало прозорливости, чтобы устранить влияние внешних сил — а их в нашей истории было немало.

Итак, подробные инструкции, данные Путятину, предписывали ему действовать, «не выходя из границ мирных и дружественных отношений». Линия России в отношении Японии

определилась как политика мирного добрососедства. Начиная отношения со своим восточным соседом с чистого листа, Россия не хотела омрачать их даже малейшим намеком на силовое превосходство или враждебность. Именно мирным путем было решено расширять влияние на Дальнем Востоке, даже если этот путь оказался бы достаточно долгим.

Отвергнув предложения Рикорда, министр Нессельроде решил воспользоваться советами другого консультанта. Им

оказался некий Филипп Франц фон Зибольд, ряд лет проработавший в голландской фактории в Нагасаки и хорошо знавший Страну восходящего солнца. Российское правительство согласилось использовать его в качестве советника МИДа России по вопросам установления отношений с Японией.

Парадоксально, но, опасаясь негативного вмешательства голландцев, которые ревностно оберегали свое монопольное право торговли с Японией, Нессельроде все же решил довериться работавшему на голландцев человеку, чья история, как мы увидим, полна интереснейших деталей.

Зибольд, немец, поступил на службу к голландцам и с 1823 года жил в Японии. В 1830 году якобы по обвинению в изготовлении копий карт Японии, он был выслан из страны, а бывшие с ним в контакте японцы подверглись арестам. В западных источниках нам удалось найти упоминание о том, что в Японии его посчитали чуть ли не русским шпионом. Или сделали вид, что посчитали. Это скорее всего была версия исключительно для внешнего пользования. Хотя в картах Зибольд действительно знал толк.

И что же? Этот, с позволения сказать, «русский шпион» по возвращении в Европу оказался вовсе не в Санкт-Петербурге,

Ф.Ф. Зибольд

Карта Японии с «близлежащими и охраняемыми ею территориями».
Ф.Ф. Зибольд

а в Голландии, где был удостоен всяческих почестей: получил дворянский титул, звание полковника и пост советника по японским делам у самого короля Вильгельма I. В 1852 году Зибольд — по сути, японовед номер один в мире — предложил свои услуги консультанта коммодору Перри, который как раз готовил экспедицию к берегам Японии. Но получил отказ.

Аналогичное предложение Зибольд сделал и Нессельроде. Министра оно заинтересовало, и в 1853 году Зибольд приезжает в Санкт-Петербург. Вот так советник по японским вопросам короля Нидерландов, чьих интриг более всего опасались в Петербурге, оказался консультантом российского МИДа!

А вот еще одна очень занятная деталь. Спустя шесть лет, в 1859 году, Зибольд, с «позором» высланный из Нагасаки, получил официальное приглашение в Японию. Как вы думаете, в качестве кого? Советника японского правительства! Возможно ли

такое? Что же сделал для Японии Зибольд, если его так заужали? Наверное, что-то очень важное. Ведь недавний «русский шпион» был награжден памятным самурайским мечом. А таких почестей иностранца (!) могли удостоить только за очень большие заслуги.

За что человек, дававший России советы государственной важности и, безусловно, посвященный в планы российского МИДа, был обласкан и голландскими, и японскими властями? Не поставлял ли он голландцам, а через них, может быть, и японцам ценную конфиденциальную информацию из стен российского внешнеполитического ведомства? Не хотел ли помочь Японии, с которой его многое связывало, добиться от России выгодного ей территориального размежевания? Это, безусловно, всего лишь версия, и документальных доказательств мы привести не можем. Но нужны ли они, когда все встает на свои места?

Например, известно, что именно Зибольд предложил Нессельроде на переговорах с японцами поднять вопрос об определении русско-японской границы в целях вовлечения японцев в переговоры о торговле. Во-вторых, именно по предложению Зибольда Путятин отправился в Нагасаки, а не в Эдо, как он первоначально планировал. Ведь Нагасаки — самый отдаленный порт на южном острове Японии Кюсю. Японцы могли легко затягивать процесс переговоров под предлогом необходимости согласования позиций с центральными властями. В-третьих, именно Зибольд подготовил первый проект договора между Россией и Японией, который был передан Путятину и в котором, по мнению дипломатов, четко прослеживалась проголландская позиция Зибольда. Наконец, именно после консультаций с Зибольдом были составлены отправленные вдогонку Путятину инструкции с позицией МИДа России по разграничению на Курилах. В переговорах с японцами Путятину в крайнем случае разрешалось ограничиться требованиями Урупа и уступить японцам Кунашир и Итуруп. Уж кто-кто, а Зибольд точно знал, что японцы заинтересованы в том, чтобы отдалить русско-японскую границу на север. Он, к слову сказать, издал в Европе несколько карт Японии. К такому специалисту Нессельроде не мог не прислушаться.

То, что голландцы сообщили японцам о предстоящей российской миссии, сейчас известно достоверно. Не была ли эта информация получена именно от Зибольда? И если да, то в каком объеме? Ответ напрашивается сам собой.

Совершенно очевидно, что голландцы вряд ли годились на роль посредников. Ведь российские дипломаты предупреждали Путятина: «Не следует слишком доверяться голландцам в Японии и прибегать к их посредничеству». А сами совершили ошибку: в Петербурге Зибольд был допущен к государственным секретам России.

Но вернемся к экспедиции Путятина. 10 августа 1853 года ее корабли прибыли в Нагасаки. Он уже знал, что полтора месяца назад у берегов Эдо побывал со своей эскадрой Перри. Американец вел себя очень решительно — игнорировал все запреты японцев на заход в порт и даже отказался принять на своем корабле японских чиновников. Высадившись на берег с вооруженной командой в 370 человек, Перри потребовал открыть японские порты для торговли. В случае отказа он грозил начать боевые действия. Эскадра не стала дожидаться ответа и покинула страну. Перри предупредил, что вернется за ответом следующей весной.

Корабль М. Перри. Японская гравюра

Брать пример с американцев Путятин не стал. «Я буду продолжать действовать в отношении к японцам по принятой мной системе кротости и умеренности», — писал он в своих отчетах в Петербург.

Между тем японцы в Нагасаки не торопились встречать Пути-тина с распростертыми объятиями. Под различными предложениями они отказывались принять письмо Нессельроде, адресованное Верховному Совету Японии. Послание удалось вручить только через месяц. Вот выдержка из этого документа: «Государь-император, обладающий столь великим государством, какова Россия, превосходящая своею обширностью все государства древнего и нового мира, конечно, не нуждается ни в каких новых приобретениях. Но Его Императорское Величество вместе с тем не может упустить из виду существенных интересов своих подданных, полагая также в своей мудрости, что определение яснейших границ между Государствами есть лучший залог отношений и спокойствия подданных». По плану Зибольда, определение границы, как мы помним, было тактическим ходом, который должен был вовлечь японцев в переговоры о торговле.

Два месяца Путятин ждал ответа на письмо Нессельроде. Лишь 6 октября 1853 года он получил известие о том, что Верховный Совет вынужден отложить переговоры в связи со смертью сёгуна. Еще через месяц он вновь обращается в Верховный Совет, но уже от себя лично, с тем чтобы как-то подвинуть японцев к началу переговоров. «Меня привели сюда, — зывал российский посланник, — весьма важные дела и, между прочим, определение границы между Россией и Японией, чтобы это должно быть решено сообща, между Вашими, высокими представителями государства, и между мною, уполномоченным Его Величества Императора Российского, ибо, конечно, Двору Японского Величества не угодно будет, чтобы я на своих судах поплыл один по своему усмотрению обозначать наши границы».

В своем письме Путятин предъявил права России на все Курилы до Хоккайдо, заявив, что «гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее владении». Он потребовал закрепить за Россией и весь Сахалин, предложив провести границу по проливу Лаперуза, и мотивировал это тем, что японцы бывают лишь на самой южной части Сахалина в заливе Анива, да и то только в сезон рыбного лова. Не дождавшись ответа от японских властей,

Путятин 11 ноября 1853 года отправился с эскадрой в Шанхай. В Нагасаки он вернулся только 22 декабря.

Видя, что дело идет о важном вопросе — о границах, японцы наконец направили для встречи с Путятиним двух своих представителей: Масанори Цуцуи, распорядителя при дворе сёгуна, и Тосиакира Кавадзи, министра финансов. Уже через неделю, 31 декабря 1853 года, они встретились с русским посланником.

Удивительно, что, не имея опыта ведения дипломатических переговоров подобного рода, японцы проявили себя тонкими психологами и талантливыми переговорщиками. Их способность извлекать максимальную выгоду из любой, даже самой, казалось бы, безнадежной, ситуации заслуживает высокой оценки. В сложных условиях, перед лицом угрозы американского вторжения они упорно затягивали начало переговоров с Путятиним. Когда же они все-таки начались, японцы прибегли к тактике завышенных требований, сразу заявив, что им нужны все Курилы и весь Сахалин. Ни много ни мало. Конечно же, это была «игра». Но она стоила свеч! В ходе переговоров позиция японских чиновников менялась, требования сокращались, но всего лишь до пределов, установленных Путятину Петербургом на основании предложений Зибольда.

Споря с японцами, Путятин напомнил им и о первенстве России в открытии Курил и о том, что еще в начале XVIII века айны были российскими подданными и с них взимался ясак. В ответ он услышал аргумент, что все айны — японские подданные. А если так, то все земли, на которых они проживали, должны быть признаны японскими. Ничего вам это не напоминает? Точь-в-точь слова Могамы при его первой высадке в 1786 году на Итуруп.

Но Путятин был уверен в обратном. Доказывая принадлежность всех Курильских островов России, он говорил прежде всего о первенстве России в открытии этих территорий. Что еще он мог сказать? Ведь это был общепризнанный международный принцип. Однако на его партнеров по переговорам такие доводы не действовали. Лишенные опыта международных отношений, японцы имели совершенно другое мировоззрение. Изолированные и особенные, они не могли разделять принципы, которыми руководствовалась Россия. Да и зачем им надо было это делать,

если к началу переговоров на Южных Курилах русских поселений, как мы помним, уже давно не было.

Вынужден был считаться с этим и Путятин. Ведь перед ним стояла задача — в ходе доброжелательных переговоров наладить отношения с Японией. Но, как ни старался, вице-адмирал не мог добиться большего, чем предписывали ему инструкции, составленные с участием Зибольда.

А что же с Сахалином? И тут не обошлось без интриги. И еще какой! Японские переговорщики настойчиво требовали признать за Японией южную часть острова. Вот тебе раз! На каком основании? Кроме повторения пресловутой истории о подданстве айнов японцы выложили на стол совершенно неожиданный «довод». Это была некая европейская карта, на которой южная часть Сахалина была обозначена как территория Японии. Но зачем кому-то понадобилось обозначать границу Японии на острове, если ее тогда еще не было в помине? Да и существовала ли в действительности такая карта, о которой есть упоминания в ряде исторических исследований? На первый взгляд — маловероятно. Но вот что удивительно: после недолгих поисков обнаружить такую карту удалось! И не одну! Нашлось по крайней мере две карты Азии, на которых южная часть Сахалина окрашена в цвет Японии. Одна из них, кстати, хранится в Российской государственной библиотеке (см. вкладку). Обе были изданы в 1842 году. Одна — в Лондоне, и составил ее некто Джон Даруэр. Автор другой карты, изданной в Париже, — Амбруаз Тардьё.

Те ли это карты, на которые ссылались японцы? Кто и зачем их издал? Точного ответа нет. Это могли быть и голландцы, и англичане. Любой, кто хотел создать проблему для России на Дальнем Востоке, мог пойти на эту хитрость. Между прочим, Зибольд, «высланный» из Нагасаки за интерес к картам, бросился активно издавать в Европе карты Японии и даже выпустил — вы не поверите! — «Карту японских Курильских островов».

В случае с Сахалином без него точно не обошлось. Ясно одно: из нескольких десятков карт Японии того времени только на этих двух (по крайней мере) граница Японии была проведена на Сахалине. И это тогда, когда ни на одной — подчеркиваем — ни на одной русской или японской карте подобная граница не обозначалась.

Карта Азии Джона Дауэра. Лондон, 1842 г.

Современные специалисты по истории картографии признают, что карты того времени изобиловали ошибками. Неточности или сознательные искажения переходили из одной карты в другую. Данный случай на простую оплошность не похож. Он опять наводит на мысль о сознательных действиях тех, кто еще тогда хотел вбить клин в отношения между Россией и Японией.

Ведь не случайно эти карты появились именно в 1842 году. Тогда Великобритания навязала Китаю Нанкинский договор, по которому получила китайский остров Сянган (Гонконг), открыла для себя пять китайских портов и стремилась к еще большему расширению своего влияния на Дальнем Востоке. Кто-то явно хотел усложнить будущие российско-японские переговоры о границе, подтолкнув японцев к завышению территориальных требований. И это сработало.

Но уступать Сахалин кому бы то ни было Россия не собиралась. Еще до начала переговоров в Нагасаки, а именно 11 апреля 1853 года, император Николай I поручил Российско-американской компании «занять остров Сахалин и владеть им на тех же основаниях, как владеет она другими землями, упомянутыми в ее привилегиях». России

опасно было иметь под боком «бесхозный» Сахалин. В условиях приближающейся Крымской войны и активизации иностранных флотов у ее границ она решила усилить свое присутствие на острове. 20 сентября 1853 года корабль «Николай I» под командованием Невельского вошел в залив Анива и основал пост, названный впоследствии Муравьевским. Теперь это город Корсаков.

Высадка российской экспедиции в заливе и встреча там с японцами и айнами достойна подробного описания, поскольку живописует не только расстановку сил на острове, но и отношения между русскими и японцами в то время. Приведем наиболее интересные фрагменты из письма Невельского в адрес Муравьева. «Едва наши шлюпки приблизились к берегу, как вдруг из сараев выскочили айны, предводительствуемые четырьмя японцами, размахивавшими саблями, и направились по отмели навстречу шлюпкам... Все айны тотчас начали кланяться и махать ивовыми палочками, концы которых были расщеплены в виде метелок, что вообще у здешних народов означает знак дружелюбия и гостеприимства. Японцы же в это время, вложив свои шпаги в ножны, начали тоже кланяться нам и старались объяснить, что препятствовать нашей высадке на берег им приказали их начальники... По окончании церемонии я отправился в селение, к ожидавшим нашего приговора японским старшинам, дабы растолковать им миролюбивую цель нашего водворения и избрать местность, где должен быть основан наш пост...

Я сел рядом со старшим японцем и тотчас приказал переводчику сказать, что цель нашего прибытия и водворения на искони принадлежащем России острове Сахалине вполне миролюбивая. Государь наш император, осведомившись, что в последнее время плавают около этих берегов много иностранных судов и что команды их делают различные бесчинства и притеснения жителям, а также, как мы слышали, намереваются захватить некоторые из беззащитных мест, приказал основать в главных пунктах острова Сахалина и противоположного ему материкового берега вооруженные посты, чтобы защищать обитателей и всех приезжающих сюда японцев от иностранного насилия и произвольных расправлений. Вместе с этим государь приказал мне не только не

препятствовать промышленности и торговле японцев на острове, но, напротив, строжайше оградить их справедливые интересы от всяких насилий. ...Мы искренне желаем всегда быть с японцами в дружбе, как с нашими ближайшими соседями.

Японцы, по-видимому, не ожидали с нашей стороны такого миролюбивого заявления и из грустных доселе сделались веселыми и довольными, тогда как айны, видимо, были недовольны. Они надеялись, что я, подобно моим предшественникам Хвостову и Давыдову, предоставлю им убивать и грабить японцев, как то они сделали с бывшими тогда здесь их старшинами... Айны стали шуметь и выражать свое неудовольствие; я приказал им немедленно замолчать и объявил, что первый, кто окажет какое-либо сопротивление и насилие японцам и вообще произведет какой-либо беспорядок, будет немедленно строго наказан».

Муравьевский пост просуществовал недолго. Забегая вперед, скажем, что уже 30 мая 1854 года, всего через восемь месяцев после основания, было принято решение снять его и перевести на материк. Некоторые исследователи — и прежде всего японские — утверждают, что Путятин согласился с японскими доводами о принадлежности Японии южной части Сахалина и просил Петербург снять пост. И действительно, в письме директору Департамента Азии МИД Л.Г. Сенявину он предупреждал: «До сих пор японцы относятся к нам с некоторой доверчивостью. Такое мнение об нас японцев я считаю полезным поддерживать и буду сколько от меня зависит согласовывать свои поступки с объявлением, которые им делаем. А потому я не хотел бы пройти молчанием о занятии Анивы. Узнав об этом не от нас, японское правительство стало бы подозревать нас в неискренности, а это, как мне кажется, повредило бы ходу дела». Ровно через неделю, 12 декабря 1853 года, он обратился к Сенявину с новым письмом, в котором просит «сделать распоряжение, чтобы в случае предъявления мною необходимости покинуть русские поселения на южной оконечности Карафута [Сахалина. — *Примеч. авт.*], мера эта была бы немедленно приведена в исполнение начальниками таких мест».

Согласно же другой точке зрения, пост был выведен из-под возможного удара со стороны англо-французского флота. Сам

Путятин в мае 1854 года так объяснял свое предложение о снятии поста: «Я обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с предложением снять пока наши посты в Анива и также удалить наши суда в западную бухту, ибо занятие англичанами этого места сильно повредило бы в глазах японцев возникающим нашим с ними отношениям».

Конечно же, нельзя отрицать, что Путятин был готов к территориальным компромиссам. И российский МИД, и император Николай I оставались сторонниками мягкой линии в отношении Японии, стараясь избегать действий, которые бы могли вызвать раздражение с ее стороны. Дальнейшее затягивание переговоров не отвечало интересам России, поскольку с началом Крымской войны ее международное положение осложнилось, а Япония неожиданно получила козыри в торге с российским представителем.

24 января 1854 года Е.В. Путятин покинул Нагасаки. Накануне он передал японцам проект компромиссного договора о пограничном размежевании. В ответ он получил обещание предоставить России право наибольшего благоприятствования, то есть обязательство заключить с Россией договор о торговле, если Япония заключит его с другими странами.

Прошла неделя. За это время американские корабли под командованием Перри вернулись в залив Эдо за ответом на свой ультиматум. Намерения у американцев были самые решительные.

Справедливости ради заметим, что японцы вовсе не были настроены пораженчески. Они не чувствовали страха перед заморской армадой и не собирались подчиняться американскому ультиматуму. Уже после первого визита Перри правительство Японии обратилось к своим друзьям голландцам с просьбой продать им шесть военных судов с полной амуницией и литературой по военному делу — дабы оказать отпор американской эскадре. Но голландское правительство посчитало для себя неуместным занимать в конфликте сторону Японии. Умные голландцы предложили японцам в дар всего один корабль. Но это не могло спасти положение.

Исход американско-японского противостояния решил технический прогресс. Американские пароходы-броненосцы, оснащенные современной артиллерией, были тогда весьма грозным

оружием. На борту американских кораблей находилось двести пятьдесят артиллерийских орудий и около двух тысяч военных моряков. У японцев же не было адекватного ответа на современные военные достижения западной цивилизации.

Им ничего не оставалось, как принять американские условия. 19 марта 1854 года в Канагаве был подписан договор между США и Японией. Но не только военная угроза вынудила японцев уступить. В Японии уже осознавали, что эпохе изоляции приходит конец и что, уступив, они откроют свою страну для научно-технического прогресса и мировой культуры.

Получив известие о заключении американо-японского договора, Путятин вновь поспешил в Нагасаки. Он посылает японским властям письмо в расчете на то, что принцип наибольшего благоприятствования, о котором ему удалось договориться, приведет к скорейшему заключению российско-японского договора о торговле.

Но не тут-то было. Надежды Путятина на быстрый исход дела не оправдались. Так и не дождавшись ответа, он покинул Нагасаки и 22 мая 1854 года в соответствии с инструкциями прибыл в Императорскую гавань в Приморье. По пути он получает известие о начале Крымской войны, в которой Россия оказалась противником Великобритании и Франции. Корабли совместной англо-французской коалиции стали реальной угрозой российским судам на Дальнем Востоке. Они устроили охоту за отрядом вице-адмирала Путятина, намереваясь атаковать его и взять в плен.

Враждебные действия англичан были крайне огорчительны лично для Путятина. Он несколько лет прожил в Англии и даже был женат на англичанке. В начале путешествия он не упускал случая, чтобы хорошо отзываться в своих донесениях о посланцах туманного Альбиона. «Со стороны английского морского начальства, — писал он о помощи российским кораблям в китайских портах, — оказано было самое лестное внимание нашему флагу и такое содействие, какое можно встретить только в своем, отечественном порту». Теперь же англичане стали врагами, и Путятин вынужден был скрываться от британского флота.

Но это был не единственный удар, который Путятин получил от своих старых друзей. 2 октября 1854 года командующий

британской эскадрой Джеймс Стирлинг заключил с Японией Договор о дружбе, аналогичный японо-американскому. От имени японского правительства его подписывает уполномоченный на это губернатор Нагасаки. Тот самый губернатор, который всячески затягивал переговоры с Путятиным, ссылаясь на отсутствие указаний из Эдо.

Путятин расценил полученное известие как пощечину. Ведь он не раз предупреждал: «Заключение трактата с какой-либо другой нацией, прежде, нежели чем с Россией, не может быть иначе принято, как оскорбление». И что же? Теперь Россия, которая уже более полувека предпринимала постоянные попытки завязать отношения с Японией, вынуждена была смиренно ждать своей очереди. При этом заключение договора с Великобританией, находящейся в состоянии войны с Россией, Путятин воспринимал очень тяжело.

Тем не менее он не собирался отступать. Уже на следующий день после заключения англо-японского договора он отправляется к берегам Японии, и в начале декабря его корабль входит в бухту Симода, что в сотне километров от японской столицы Эдо. 10 декабря 1854 года в одноименном местечке Симода начались русско-японские переговоры. Но неудачи следовали одна за другой. Буквально на следующий день на восточное побережье Японии обрушилось сильнейшее цунами — тысячи людей погибли или лишились крова. Фрегат Путятина «Диана» получил серьезные повреждения и вскоре при буксировке в бухту Хэда затонул. Нелишне сказать, что благодаря помощи жителей деревни Хэда, которые бросились в сильнейший шторм спасать русских моряков, удалось сохранить команду «Дианы». Экипаж корабля, потеряв трех матросов, после высадки на берег также оказал помощь местному населению, которое сильно пострадало в результате цунами.

После потери «Дианы» Путятину пришлось продолжать переговоры, уже полностью находясь на попечении японцев. Он не располагал никакими новыми аргументами, которые бы могли оказать влияние на ход переговоров и переубедить их. А они, в свою очередь, многое делали для русских моряков — снабжали их продуктами питания, предоставили жилье и начали строить

новый корабль. Чувствуя зависимость своего положения, Путятин понимал, что рано или поздно ему придется уступить. К тому же, опасаясь столкновения с англичанами, он стремился как можно скорее закончить переговоры и вернуться в Россию.

26 января 1855 года в Симодэ был заключен первый Русско-японский договор о границах и торговле. Между Россией и Японией устанавливались консульские отношения. Японские порты Хакодате, Нагасаки и Симода открывались для захода русских кораблей. Граница между Россией и Японией устанавливалась между островами Итуруп и Уруп. Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан признавались японскими, а остров Уруп и все острова к северу от него — российскими. Это была первая уступка. Вторая состояла в том, что Сахалин по договору признавался неразделенным.

Некоторые российские историки критически оценивают первый русско-японский договор, заключенный Путятиным, обвиняя его в том, что он согласился на предложение японцев включить в текст договора положение о неразделенности острова, в недооценке значения Курильских островов и Сахалина для обороны устья Амура и выхода в Тихий океан.

Но что мог предпринять в сложившихся обстоятельствах Путятин? Какими рычагами давления он обладал? Оказавшись в Японии невольным гостем, без корабля и имущества, Путятин стремился добиться большего, чем тот минимум, который был обозначен ему МИДом. Но если допустить, что наша версия насчет Зибольда верна, то очевидно: все усилия Путятина были заранее обречены на провал.

К тому же подписание Японией договоров с американцами и англичанами поставило Путятина в невыгодное положение догоняющего. Он уже не мог вернуться в Россию без договора и не имел возможности настаивать на своих условиях. Что касается Сахалина, то Путятин рассчитывал на благоприятное решение этого вопроса после окончания Крымской войны и улучшения позиций России на Тихом океане.

Россия была готова идти на уступки. «Объявляя в записке притязания на остров Итуруп, — писал Путятин, — я не имею в ви-

ду удерживать его за Россией, но упомянул об этом единственно для того, чтобы при переговорах не казаться вовсе непреклонным ни на какие уступки».

Путятин ни разу не получил указаний прибегнуть к угрозе применения силы. Хотя у него самого такой соблазн все-таки был. Однажды он написал Сенявину: «Действуя вооруженной рукой, можно склонить японцев сразу на все требования; при их слабости, разве только отчаяние могло бы вынудить их к защите». Однако, понимая, что применение силы исключено, он тут же поправился: «Я ни разу не прибегнул ни к какой угрозе, и самая настойчивость в моих требованиях сопровождается кротостью и вежливостью с нашей стороны... я принял за правило, настаивая твердо на своих требованиях, наблюдать однако же умеренность в оных, дабы высокомерием не возбудить недоверие в народе столь упорном и противоположном в своих понятиях с нами и тем самым не затруднить будущие наши с ними отношения».

Симодский договор не решал всех вопросов, и в 1857 году Путятин заключил с Японией Дополнительный трактат, определявший правила торговли в открытых портах и дающий России право наряду с Симодой посещать и другие города Японии. Кроме того, японцы обязались не ограничивать число заходов в японские порты российских торговых судов и не препятствовать торговым сделкам. В 1858 году Путятин вновь посещает Японию и подписывает в Эдо Договор о торговле и мореплавании, по которому Россия приобрела дополнительные возможности в торговле с Японией.

И все-таки: столько лет добиваясь установления полноценных торговых отношений с Японией, Россия не получила от этих договоров тех экономических выгод, на которые рассчитывала. Не имея собственного флота на Дальнем Востоке, российские купцы вынуждены были фрахтовать дорогие иностранные суда для отправки своих грузов в Японию, что делало их продукцию неконкурентоспособной по сравнению с американскими и европейскими товарами. Коммерсанты из США и Англии имели в Японии своих торговых агентов и хорошо знали ситуацию на японском рынке. Разумеется, их торговые дела шли здесь весьма успешно. У русских же таких преимуществ не было.

Российское присутствие в Японии действительно в то время было минимальным. В единственном консульстве в Хакодате, расположенном на острове Хоккайдо, кроме консула И.А. Гошкевича работали всего два человека: врач и морской офицер. Значительная удаленность от японской столицы и, естественно, от всей экономической и торговой жизни Японии резко снижала возможности России налаживать контакты с этой страной.

Постепенно стало ясно: задача продовольственного снабжения Дальнего Востока и Аляски за счет торговли с Японией не может быть выполнена. Не располагая возможностью собственными силами обеспечить свои владения необходимым, российские власти были вынуждены предоставить иностранным купцам право беспошлинной торговли на Дальнем Востоке. Аляска уже в 1867 году была продана США. Продовольственная проблема постепенно потеряла свою актуальность. Но проблема границы оставалась.

После подписания Симодского трактата Сахалин оставался неразделенным. Для России остров имел важное стратегическое значение, являясь неразрывным звеном в обороне ее дальневосточных границ. Англия, Франция и США, которые в середине XIX века рассматривали этот регион как сферу своего влияния, начали проявлять активный интерес к Камчатке, Приамурью, Уссурийскому краю и Сахалину. Они стремились закрепиться в этом регионе и создать здесь собственные опорные базы. В случае возникновения военных конфликтов западные державы могли бы лишить Россию возможности выхода в Тихий океан. А это было недопустимо. Тем более что после поражения в Крымской войне и решений Парижского конгресса 1856 года Россия потеряла право иметь флот на Черном море.

Для России существовал единственный вариант решения сахалинского вопроса — полное владение островом. Ее интерес к Сахалину почувствовали и европейские державы, которые за десятки тысяч километров от своих границ стремились осложнить российско-японские отношения.

Соперники России на Дальнем Востоке вновь принялись вносить в отношения с Японией чувство страха и неприязни к ее северному

соседу. А самый действенный и испытанный метод — дезинформация. Они усиленно распространяли слух, что Россия планирует оккупировать Хоккайдо. Вы только вдумайтесь!

Россию, которая лишняя раз боялась чихнуть, чтобы не испортить отношения с Японией, обвиняли в подготовке планов агрессии! И такие «враждебные нам внушения», как говорили российские дипломаты, к сожалению, достигали результата.

С инициативой возобновления переговоров с Японией выступил уже известный нам Муравьев, который стал именоваться Муравьевым-Амурским

и получил титул графа после успешного подписания Айгунского договора с Китаем в 1858 году. Произошли изменения и в Министерстве иностранных дел. Место ушедшего в отставку Нессельроде в 1856 году занял А.М. Горчаков. Он поддержал предложения Муравьева, и взошедший на императорский престол Александр II утвердил губернатора уполномоченным на переговорах с Японией, предписав ему действовать исключительно путем переговоров.

В августе 1859 года Муравьев прибыл в залив Эдо с внушительной эскадрой. После успеха в китайских делах он уверовал в свои силы и надеялся, что ему быстро удастся договориться и с японцами. Но не тут-то было — японский орешек оказался крепче китайского! И что толку было от крупной вооруженной эскадры, если Муравьев намеревался действовать мирным путем. Даже после того как трое членов команды одного из русских кораблей были убиты в Йокогаме, Муравьев ограничился требованием наказать виновных и уволить губернатора города. Находящиеся в Японии англичане и французы настоятельно советовали ему

А.М. Горчаков

«проучить японцев», но Муравьев четко следовал принципиальной линии на добрые, равноправные отношения. Тем не менее все его попытки доказать, что Сахалин с давних пор принадлежит России и имеет для нее огромное значение, не имели успеха.

Уполномоченные японского правительства Тадзиманоками Эндо и Укёносукэ Сакаи упорно продолжали ссылаться на европейскую карту, о которой слышал еще Путятин, и в дополнение пустили в ход новый аргумент. Они пытались убедить российскую делегацию, что слово «Карафуто», то есть «Сахалин», — японского происхождения. Однако русские дипломаты, хорошо разбираясь в японском и айнском языках, опровергли эти «доказательства». Но Эндо и Сакаи стояли на своем, повторяя, как и много лет назад, историю о японском подданстве сахалинских айнов. С еще большим упорством, чем прежде, они требовали раздела Сахалина по 50-й параллели. В конце концов переговоры зашли в тупик.

Ситуация вокруг Сахалина постепенно накалялась. Следующая попытка развязать сахалинский узел была предпринята уже в Санкт-Петербурге в августе 1862 года. В ходе переговоров японская делегация вновь повторила уже известный набор аргументов. Тогда директор Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатъев попросил своего визави Ясунори Такэноути изобразить слово «Карафуто» японскими иероглифами. Тот не смог это сделать, написав его «катаканой» — специальной азбукой, используемой для фонетического написания иностранных слов. Есть версия, что Такэноути просто скрыл его иероглифическое написание, потому как в переводе на русский оно означало «большой остров, населенный иностранцами», а это указывало на необоснованность японской версии о том, что айны на Сахалине издревле были подданными Японии.

В свою очередь японская делегация вспомнила про снятие Муравьевского поста в 1854 году, но получила достойный ответ, суть которого мы изложили выше.

Со своей стороны, российские представители, пожалуй, впервые в истории российско-японских отношений обратились к такой категории, как «справедливость». «Если я и настаиваю на решении вопроса о Сахалине, — подчеркивал Игнатъев, — то это отнюдь не потому, что мы желали бы присоединения к России нескольких

Н.П. Игнатьев

десятков квадратных верст. Пространство России столь велико, что приобретение небольшого клочка земли не имеет для нас никакого значения, но мы обязаны настаивать на справедливом и вполне удовлетворительном для ваших интересов решении вопроса».

В итоге, разумеется, Игнатьев и Такэноути к единому мнению не пришли. Наши представители были категорически против разделения Сахалина, а японские уполномоченные отказывались от проведения границы по проливу Лаперуза. Завершая переговоры в Санкт-Петербурге, стороны договорились продолжить их в городе Николаевске-на-Амуре или на Сахалине. Представителем России на предстоящих переговорах был назначен губернатор Приморской области П.В. Казакевич. Но японское правительство, надеясь выиграть время, чтобы прочнее обосноваться на Сахалине, уклонялось от отправки своей делегации.

Однако и Россия не теряла времени даром. На Сахалине создавались дополнительные российские посты, что вызывало ответное недовольство японцев. В 1866 году на остров были посланы японские военные отряды, которые спровоцировали военные столкновения с русскими. Разумеется, конфликты эти были спланированы в верхах, поскольку вражды друг к другу русские и японцы на Сахалине не испытывали. Зачастую, находясь рядом, в «противоборствующих» постах, они делились рыбой, обменивались рыболовными снастями и всем необходимым. Одним словом, помогали друг другу, как могли.

Время шло. Несмотря на предпринимаемые усилия, Японии не удалось закрепиться на острове. В январе 1867 года она вновь направляет на переговоры в Санкт-Петербург свою делегацию во главе с бывшим губернатором Хакодате Хидедзанэ Коиде. Российскую сторону на этих переговорах возглавлял новый директор Департамента Азии МИД П.Н. Стремоухов.

Два месяца шли напряженные переговоры. Японская делегация, как и прежде, демонстрировала цепкость и умение использовать самые разные, изматывающие оппонента доводы. И была вознаграждена за свою настойчивость. Именно в ходе этих переговоров японцы впервые услышали от российской стороны компромиссное предложение: за отказ от претензий на южную часть Сахалина русские предложили передать Японии остров Уруп Курильской гряды с прилегающими мелкими островами. Японцы были не готовы к такому неожиданному повороту и отказались. Торопиться им было некуда. Ведь «синицу в руках» они фактически уже имели — можно было ожидать новых компромиссных ходов с российской стороны. А пока они выдвинули с виду безобидное предложение — заключить временное соглашение о совместном владении Сахалином.

Казалось, это было выгодно прежде всего нам. Русские могли бы селиться в любых районах южного Сахалина, против чего раньше возражали японцы. А японцам разрешалось создавать поселения на севере острова, что им было не очень удобно из-за непривычных для них климатических условий. Но все оказалось гораздо сложнее. Япония фактически получала формальное право

требовать себе в будущем половину Сахалина, поскольку совместное владение островом теоретически предполагало пользование всем островом на равных началах. Тем не менее 18 марта 1867 года соглашение об общем владении Сахалином было подписано. В итоге это стало нашей очередной уступкой Японии. Хотя не исключено, что это был обыкновенный просчет. Нельзя было не видеть, что такая формулировка дает сторонам равные возможности и ослабляет позиции России.

В 1868 году в Японии произошла революция Мэйдзи. Семейный клан сёгунов Токугава, который, отстранив японского императора от власти, управлял Японией с начала XVII века, потерпел поражение. В стране началась гражданская война.

В этой ситуации Россия, в отличие от других государств, вела себя достойно. Российское правительство не снабжало противоборствующие стороны оружием, не вмешивалось в боевые действия, не пыталось «под шумок» отхватить какую-либо часть японской территории, чего всегда так опасались японцы. А ведь возможность такая была! Дважды в Петербурге отклоняли просьбу представителей японского Министерства иностранных дел предоставить военную помощь терпящим поражение войскам сёгуна. В качестве платы за поддержку России был обещан не только отказ от притязаний на часть Сахалина, но и передача острова Хоккайдо. Казалось бы: вот он, долгожданный Хоккайдо, который Россия, как считали японцы, мечтала завоевать на протяжении 150 лет! Но нет — не было у России никогда таких планов. И даже в такую сложную для Японии минуту Россия не искала для себя сомнительных территориальных приобретений за счет трудностей соседа.

Очень красноречиво об этом сказал военный губернатор Приморской области А.Е. Кроун в беседе с губернатором Хакодате: «Как вам известно, мы далеки от стремления к завоеваниям в ущерб государства, в котором мы желаем иметь сильного и самостоятельного соседа, к тому же такие завоевания возможны были бы только при условии порабощения народа, что потребовало бы усилий и жертвований, слишком значительных сравнительно с выгодами, которые могло бы доставить обладание частью японской территории.

К. Курода

Мы ищем только установления прочного естественного рубежа, исключаяющего возможность пограничных недоразумений».

Вот она — суть российской политики в отношении Дальнего Востока и Японии! Никогда Россия не хотела воевать с Японией, чего бы нам ни приписывали сторонние «наблюдатели».

В целом уже к 70-м годам XIX века в Японии стали понимать, что поселения на Сахалине были для нее излишним бременем. Японцы постепенно склонялись к тому, чтобы отказаться от своих притязаний.

Начальник Колонизационного бюро Японии Киётакэ Курода побывал на Сахалине и представил в 1870 году японскому императору секретную записку, в которой высказался за отказ от претензий на Сахалин и предлагал сосредоточиться на освоении Хоккайдо. Ведь несмотря на льготы, которые японские власти предоставляли переселенцам, они долго на острове не задерживались.

Оставался последний, но немаловажный вопрос: какую цену можно было запросить у России за такой отказ? В том, что Восток — дело тонкое, наши дипломаты убедились уже давно. Но что в лице японцев они встретят настолько виртуозных дипломатов, видимо, не ожидали. Японцы тщательно скрывали утрату интереса к Сахалину и делали вид, что сделанное российской стороной предложение об уступке Урупа их якобы ничуть не интересовало.

В июне 1872 года в Токио началась новая серия переговоров между поверенным в делах Японии генконсулом Е.К. Бюцовым и министром иностранных дел Японии Танэоми Соэдзимой. Бюцов в соответствии с правительственной инструкцией вместе с Урупом

предложил передать Японии и остров Симушир в средней части Курильской гряды. Еще одна уступка для достижения согласия. Но, предчувствуя успех, Создзима не торопился. Он удивляет русских встречным предложением: выкупить у России Сахалин за 2 млн иен.

Блеф! Но какой! Решение проблемы вновь откладывалось. Но каждый новый раунд переговоров начинался с более выгодных Японии позиций.

На очередных переговорах в августе 1873 года Создзима заявил, что Япония откажется от Сахалина при условии, если Россия разрешит высадку японских войск на свою территорию для вторжения в Корею. Русские отклонили это предложение. Сам факт его выдвижения означал, насколько незначительной была тогда для японцев ценность Сахалина.

В начале 1874 года чрезвычайным и полномочным посланником в России был назначен Такэаки Эномото. И уже в июне в Петербурге вновь начались переговоры по Сахалину, которые он вел со Стремоуховым. Переговоры длились почти год. Любопытный факт: во время революции Мэйдзи в 1868 году Эномото воевал на стороне сёгуна. Он даже объявил остров Хоккайдо независимой республикой, но после тяжелых сражений вынужден был сдаться. Эномото был приговорен к смертной казни, но в 1872 году помилован и освобожден из тюрьмы. А затем даже направлен на дипломатическую службу. Удивительно редкий случай!

Значит, было что-то в этом Эномото, если ему удалось не только избежать смерти, сделаться полезным новым властям, но и блестяще реализовать задачу, которую поставило перед ним японское правительство. А ведь задача была непростая! За отказ от

Т. Создзима

Т. Эномото

претензий на Сахалин Эномото потребовал все имеющиеся в распоряжении России в то время Курильские острова до Камчатки. Аргументировал он свое предложение просто: площадь российских Курильских островов как раз составляет половину площади Сахалина. Одновременно Эномото выдвинул и альтернативное предложение. В обмен на отказ от части Сахалина японцы готовы были согласиться на Уруп плюс передачу им российских военных судов, дислоцирующихся на Дальнем Востоке.

Изучив предложения японцев, в Петербурге остановились на первом варианте. 25 апреля 1875 года был подписан договор о передаче Японии Курильских островов от Урупа до Камчатки в обмен на отказ японцев от претензий на южный Сахалин.

Подписание Петербургского договора было воспринято в России, как ни странно, с энтузиазмом. Вместе с тем звучала и критика, особенно со стороны военных, которые понимали, что это вовсе не способствует укреплению обороноспособности страны на ее дальневосточных рубежах.

Хлестко по поводу Петербургского договора выразился А.П. Чехов. В своих путевых заметках «Остров Сахалин» он писал: «По трактату 1875 года Сахалин окончательно вошел в состав Российской империи, а Япония получила в вознаграждение все наши Курильские острова... В своей щедрости мы, кажется, хватили через край; можно было бы «из уважения», как говорят мужики, отдать японцам пять-шесть Курильских островов, ближайших к Японии, а мы отдали 22 острова, которые, если верить японцам, приносят им теперь миллион ежегодного дохода».

А вот какую оценку договору дал в 1901 году российский историк К.А. Скальковский: «Уступка островов японцам была нежелательна разве потому, что Курильская гряда запирает Охотское море, окруженное со всех сторон русскими владениями, и потому территориальность этого моря никем серьезно не оспаривалась. Оставить же это море закрытым, что не мыслимо без сохранения за собою Курильских островов, представляло для России некоторые выгоды. Не говоря о политической и военной точках зрения, на прикрытие весьма важных устьев Амура, в торговом отношении Охотское море представляет ценность по изобилию китов и всякого зверя. Правда, его богатством русские не пользовались сами и не получали ровно ничего от тех иностранцев, которые приезжали туда без всякого разрешения, увозили ежегодную добычу на миллионы долларов и устраивали даже на русской земле постоянные поселения, совершенно игнорируемые нашими географами. Но никто не мешал России воспользоваться своим правом, если бы она того захотела. Наши эскадры бездействовали в мирное время в военных портах или крейсировали у берегов Италии и Греции, хотя было гораздо целесообразнее крейсировать их в Охотском море и собирать пошлины с иностранных промысловых судов».

Безусловно, передача Курил, простирающихся от Камчатки на 900 километров в сторону Японии, была неравноценной уступкой. Взамен этого Россия получала всего лишь отказ от претензий Японии на часть Сахалина. Почему же Россия пошла на заключение такого договора?

Ответ очевиден: Россия была готова проявить гибкость — лишь бы снять проблему в отношениях с Японией. И готова была заплатить за это высокую цену. Токио же дипломатическими усилиями добился максимального для себя результата. Это был наглядный пример того, как граница между двумя государствами менялась на основе переговоров — мирным путем.

Стремясь сделать Японию своим если не союзником, то хотя бы лояльным соседом, в России надеялись, что с урегулированием сахалинского вопроса проблема дальневосточной границы будет решена навсегда. Это, по существу, был жест доброй воли

со стороны России с целью утвердить мирные, дружественные отношения с Японией. Но надеждам на то, что в лице Японии нам удалось приобрести доброго и надежного партнера, к сожалению, не суждено было сбыться.

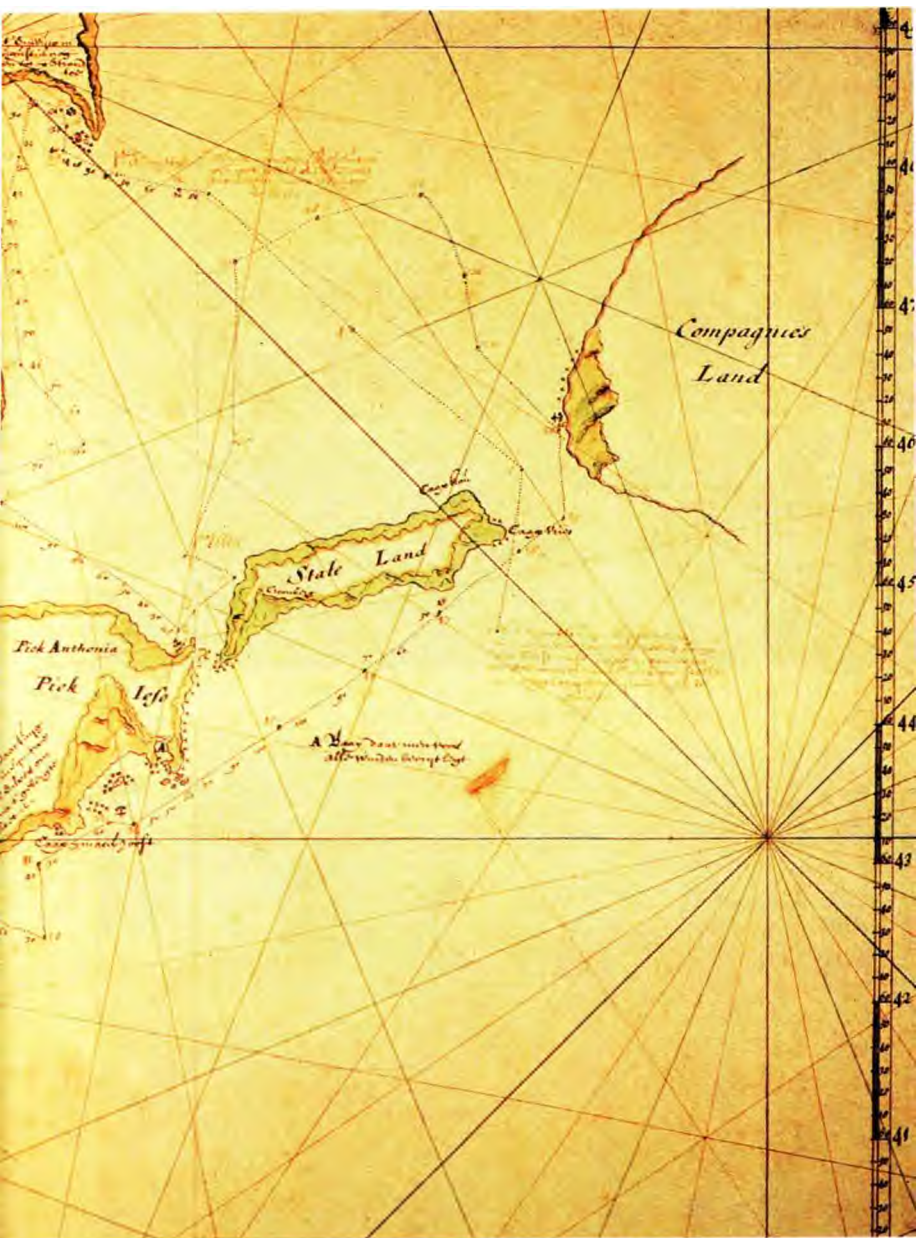
E.

Карта открытий М. Фриза в 1643 г. Земля Эдзо.
Из Атласа Ф. Зибольда. Фрагмент

Карта М. Фриза. 1643 г. Фрагмент

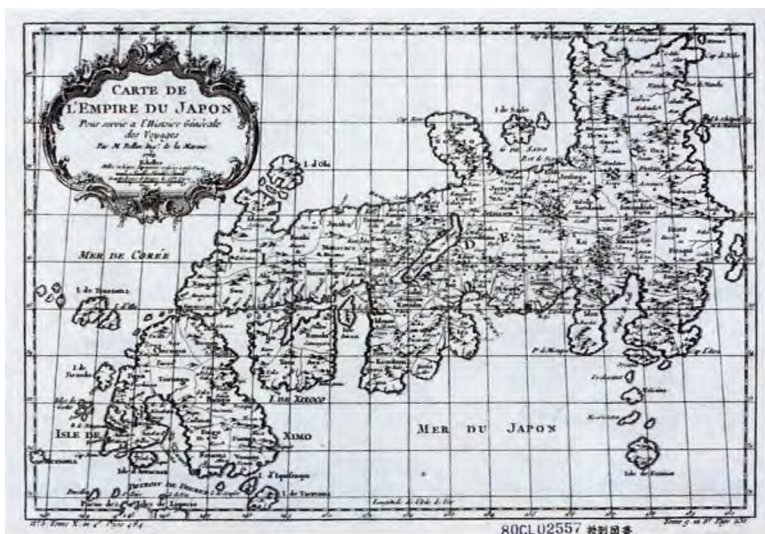
Карта Японии эпохи Сёхо. 1644 г.

Карта Российской империи. Санкт-Петербург, 1745 г.

Новая и точная карта Японии и новых островов. Я. Янссон.
Амстердам, 1658 г.

Карта Японии. Ж. Беллен. Париж, 1752 г.

Карта Азии. И. Блау. Амстердам, 1662 г. Фрагмент

Чертеж Камчатки и северо-восточной оконечности Азии
от Колымского устья до Японских островов.
С.У. Ремезов. 1701 г. Составлена по сведениям В. Кубасова

A L I S

Benevole Spectator

*En Novam totius Aſiæ Tabulam, novo ſche-
mate ex rarijs, ſed optimis et præſtantiffimis ſe-
culi noſtri Geographis deſumpta nobis formata,
totâ novitatibus adornatam, quot in omnibus ſe-
re ſumal et in ſingulis eorum hæctenus editis repe-
riat. Diverſis tumet Aſia Imperijs, quæ Mahomedis
potiffimum, aut etiam nefandiſis Gentium errori-
bus ſcitant, in ſola China atque paucis Indi-
arum Inſulis Chreſti gloria triumphante
plura iſta præſens Tabula edocbit. Dulo Specta-
tor et conatibus noſtris ulteriora pollicentibus
ſave*

Карта Азии. И.Б. Хоманн. Нюрнберг, до 1710 г. Фрагмент

Карта Японии. Д.М. Сётэ. Париж, 1740 г.

Карта Японии. Д.М. Сётэ. Париж, 1740 г.

Карта Курильских островов. 1773-1775 гг.
Составлена по результатам экспедиции
И.М. Антипина и Д.Я. Шабалина

Чертеж Камчатдальского Носа с морскими (Курильскими) островами.
И.П. Козыревский. 1713 г.

Карта земли Эдзо, изданная в Японии в 1786 г. по результатам правительственных экспедиций 1785-1786 гг. на Хоккайдо, Сахалин, Кунашир и Итуруп. Автор - Токунай Могами и группа исполнителей - Т. Ямагути, М. Накаэмон, С. Аосима и др. Это первая японская карта Курил, которая реально отражает географическое расположение островов

蝦夷輿地全圖

天明二年の御遊覧後山田公全平西番雲南安方御門沖の御門旁是青島俄載札起は薩摩二郡行信 御在里見半藏行哉引佐新兵衛工和丸球小市郎清孝
御元之御遊覧後山田公全平西番雲南安方御門沖の御門旁是青島俄載札起は薩摩二郡行信 御在里見半藏行哉引佐新兵衛工和丸球小市郎清孝
御元之御遊覧後山田公全平西番雲南安方御門沖の御門旁是青島俄載札起は薩摩二郡行信 御在里見半藏行哉引佐新兵衛工和丸球小市郎清孝

大陽曆
通稱西行陽曆以大陽為數日今歲冬主列明歲冬至至五月十日午時三十分為一月也所餘分數之日為三月時日早而為日數每四年之中中國以天陰為曆
有差度以月為主而大陽曆氣及全日本月之大陽曆則以節氣為主而朔望則就于節氣下類此種與本人所訂五合

蝦夷輿地之全圖

五者齊王水國之今人民亦交
着子為記号故野人呼日赤人
莫斯科米王之墓地

Пояснительная надпись к острову Итуруп гласит:
«Остров Итуруп расположен на расстоянии 5 ри (20 км) по морю от острова Кунашир. С давних времен никто из представителей княжества Мацумаэ этот остров не посещал. Живут здесь русские и называют этот остров - Девятнадцатый»

Карты из книги С. Хаяси

«Иллюстрированное исследование о трех странах». 1785 г.

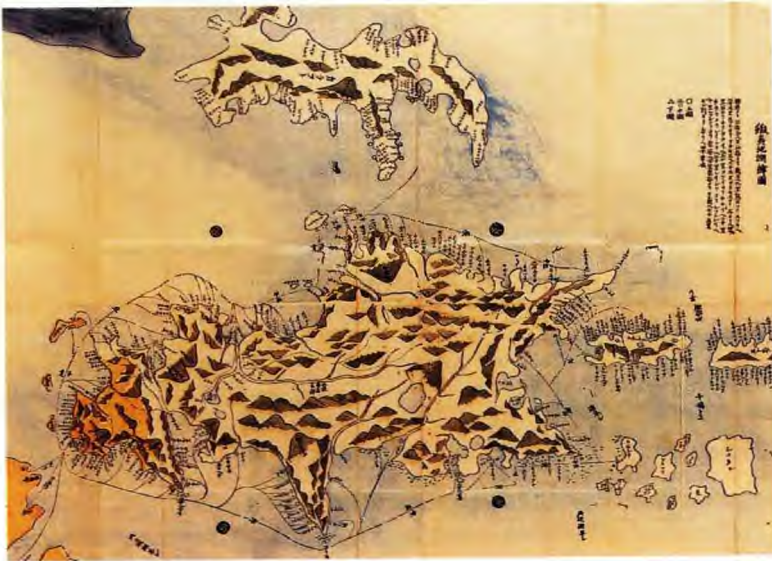
Картаверху: земля Эдзо. В центре - остров Хоккайдо.

Сахалин и Курилы обозначены схематично.

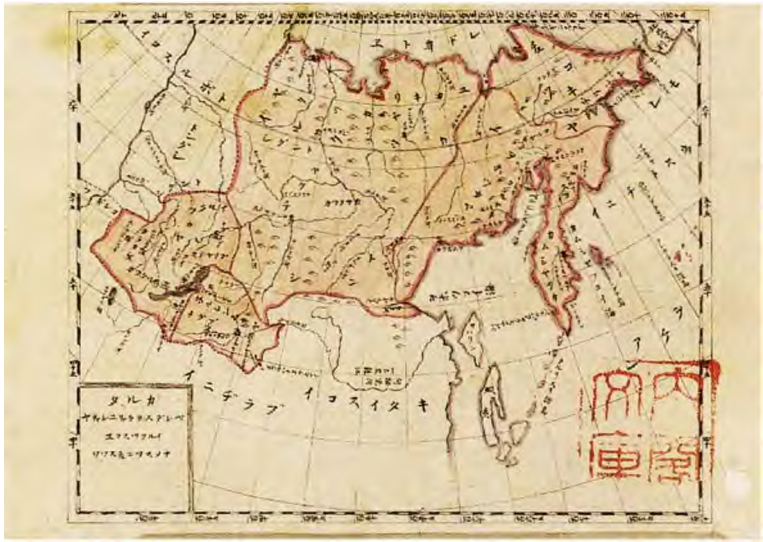
Карта внизу изображает Японию, землю Эдзо, Корею и острова Рюкю

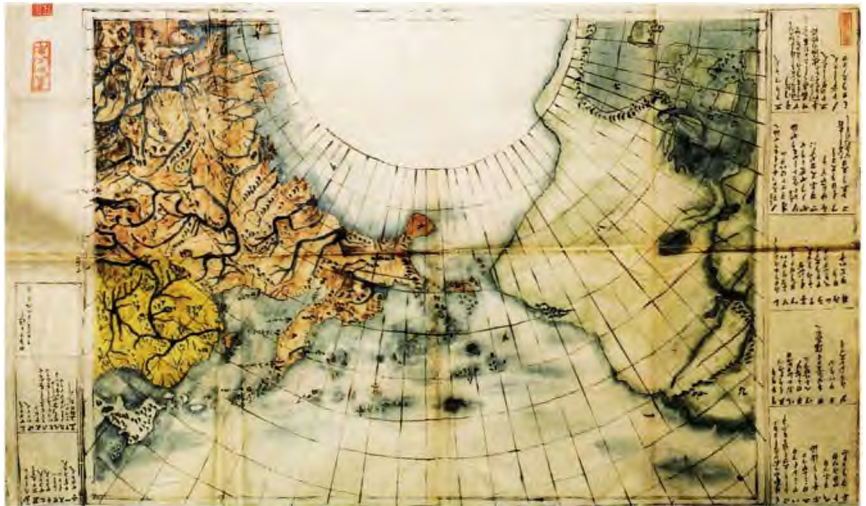
Карта земли Эдзо. 1806 г.
Территории Японии и княжества Мацумаэ выделены красным цветом

Карта земли Эдзо. Около 1800 г.

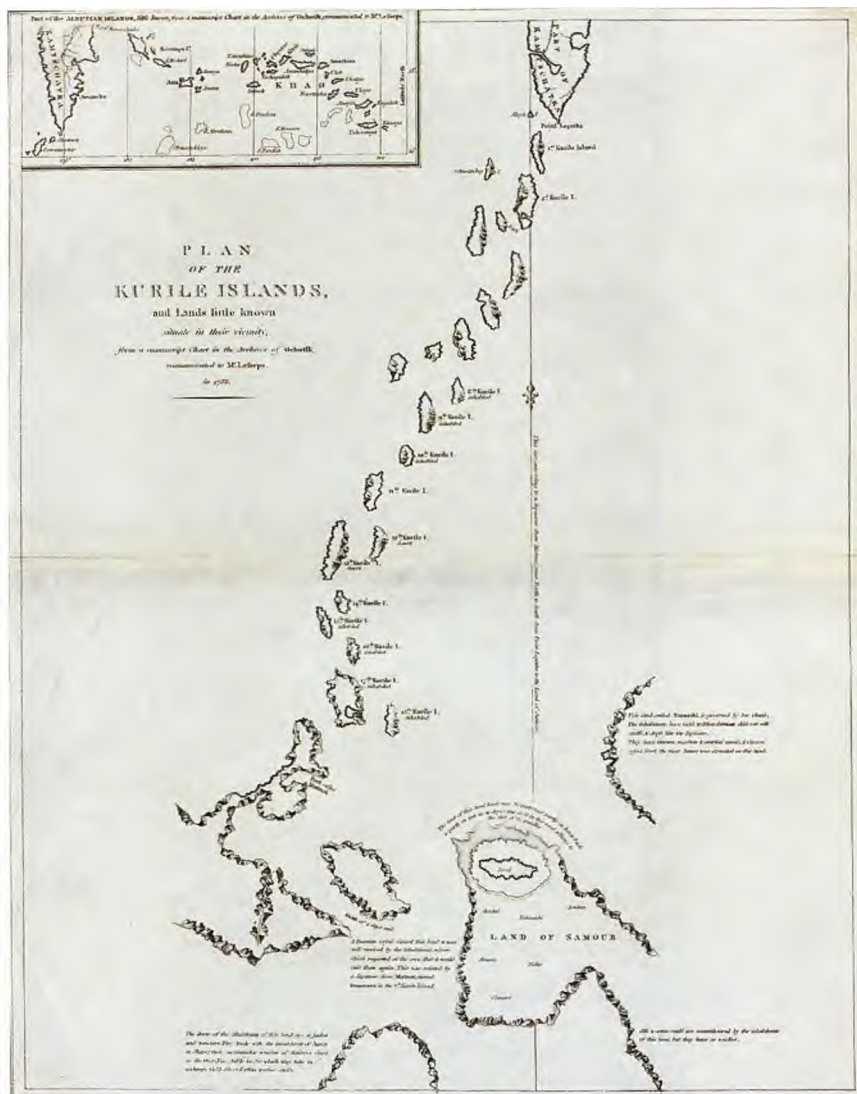

Карта России, изготовленная на основе карт, привезенных К. Дайкокуя в Японию

Карта Азии и Америки.

Составлена на основе Карты открытий российских мореплавателей в Северной Америке, привезенной А. Лаксманом и К. Дайкокуя в Японию. Санкт-Петербург, 1774 г.

Карта Курильских островов. Ж.-Ф. Лаперуз. 1788 г.
 Сделана на основе рукописной карты,
 полученной экспедицией Лаперуза в архиве Охотска

«Карта Иркутского наместничества, состоящая из 4 областей, разделенных на 17 уездов

«Карта восточной части Иркутской губернии, содержащая два уезда и чукотскую землю с прилежащими островами и западным берегом Америки»

Из издания «Российской Атлас,
из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию
империю разделяющий». 1800 г.

Карта Российской империи и Азии. Д. Хасс
Нюрнберг, 1739 г.

Карта Японии М. Перри,
составленная на основе карт Ф. Зибольда.
1855 г.

И.Ф. Крузенштерн (слева) и Н.П. Резанов (справа).
Японская гравюра

Корабль Н.П. Резанова в бухте Нагасаки.
Японская гравюра

Русские и японцы спускают на воду корабль,
совместно сделанный в деревне Хэда.
Фрагмент японского свитка

М. Перри.
Японская гравюра

Ф. Зибольд.
Японская гравюра

Японские самураи в Эдо готовятся к отражению атаки
американской эскадры.
Японская гравюра

Карта Кореи и Японии. Д. Томсон. Эдинбург, 1815 г.

Карта Азии. Д. Томсон. Эдинбург, 1817 г.

Карта Японии и Кореи. Э.Д. Рапкин. Лондон, 1851 г.

Карта Японии. И. Тирон. Амстердам, 1738 г.

Карта Азии. А.Тардьё. Париж, 1842 г. Фрагмент

Карта Китая и Японии. А. Брюэ. Париж, 1844 г. Фрагмент

Карта Японии и Восточной Азии,
 изданная Национальным географическим обществом США.
 1945 г. Фрагмент

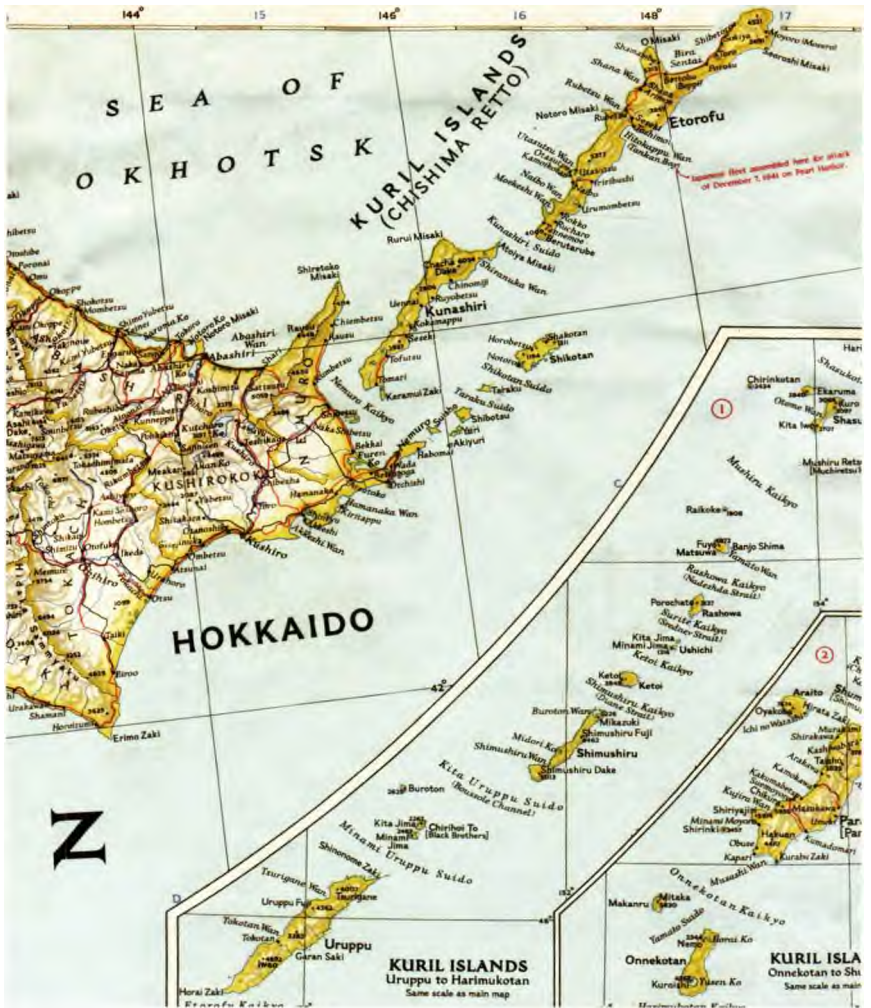

Подпись красным шрифтом под Курильскими островами гласит:

«В Ялте в 1945 г. было согласовано, что Россия вернет себе Карафуту (Сахалин) и Куриль».

Над Курильскими островами (до Хоккайдо) надпись:

«Курильские острова (архипелаг Тисима)»

Карта Японии и Восточной Азии,
 изданная Национальным географическим обществом США.
 1945 г. Фрагмент

**Они начали первыми:
война 1904–1905 гг.**

Как показало дальнейшее развитие событий, в Японии первые договоры с Россией вовсе не считали окончательным территориальным размежеванием. Россия и Япония не только не стали добрыми соседями и политическими партнерами, но очень скоро превратились в непримиримых соперников.

Как же это произошло? Как случилось, что спустя всего 50 лет после установления отношений Россия и Япония оказались заклятыми врагами и решали свои проблемы уже не за столом переговоров, как это было раньше, а на поле брани, оставив на нем тысячи жизней?

Военный конфликт между двумя странами отнюдь не был неизбежным. Россия не собиралась подвергать ревизии договоры 1855 и 1875 годов. Для этого у нее не было ни желания, ни сил. Россия не располагала сколько-нибудь внушительным военным контингентом на Дальнем Востоке и была заинтересована в спокойствии в этом регионе.

Но изменилась Япония. Резкий экономический рост подталкивал ее к борьбе за внешние рынки сырья и сбыта товаров, к расширению своих границ и соперничеству с Россией на континенте.

После революции Мэйдзи и выхода из самоизоляции Япония встала на путь реформ. В стране стал бурно развиваться капитализм. Однако создание тяжелой индустрии тормозилось отсутствием собственных сырьевых ресурсов. При потребности в 1850 тыс. тонн чугуна в год из своей руды в Японии могли выплавить всего 240 тыс. тонн. Страна нуждалась в угле, нефти и другом сырье. Не менее важной проблемой была нехватка сельскохозяйственных

земель. Постепенно превращаясь в мощную военную державу, Япония решила утвердить свое влияние на Дальнем Востоке для того, чтобы заполнить ресурсы других стран.

Впервые поиграть мышцами Япония решила еще в 1874 году. Ее войска заняли китайский остров Формоза (Тайвань). Но вмешалась Великобритания. Лондон заявил, что выступит на стороне Китая, если японцы не оставят остров. В Токио поняли: планировать экспансию на азиатский континент можно, только закрепившись в Корее и Маньчжурии, и, отступив, стали ждать удобного случая.

Он представился через двадцать лет. К тому времени в японских политических кругах уже окончательно утвердилась агрессивная идеология, и Япония твердо решила подчинить себе слабых соседей. В 1894 году под предлогом усмирения восставших корейских крестьян (тонхаков) Япония ввела свои войска на территорию Кореи, находившейся под протекторатом Китая. Это неизбежно привело к вооруженному конфликту, который быстро перерос в японо-китайскую войну. В итоге за два месяца китайские войска были вытеснены с территории Корейского полуострова. В ноябре 1894 года был взят Порт-Артур. Китай потерпел сокрушительное поражение.

17 апреля 1895 года в японском городе Симоносеки был подписан японо-китайский мирный договор. По его условиям китайское правительство признавало независимость Кореи от Китая, уступало Японии Формозу, Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур и Пескадорские острова.

В Петербурге были встревожены ходом событий, и спустя неделю после заключения Симоносекского мира, пытаясь заблокировать проникновение Японии в Китай, Россия и присоединившиеся к ней Германия и Франция потребовали от японского правительства отказаться от территориальных приобретений в Китае. Япония опасалась конфликта с коалицией держав и уступила. 10 мая 1895 года она заявила о возвращении Китаю Ляодунского полуострова в обмен на дополнительную компенсацию в 5 млн фунтов стерлингов.

Но, несмотря на немалые отступные, полученные взамен Ляодуна, в японской столице демарш трех держав восприняли

с возмущением. Главную ответственность за недружественную акцию возложили на Россию. В Японии зазвучали враждебные голоса в адрес северного соседа. 13 ноября 1895 года в Токио было принято воззвание к императору с требованием объявить России войну. Японские офицеры поклялись отомстить. Это было первым шагом к военному столкновению.

С этого времени в Стране восходящего солнца Россию видели главной преградой к решению своих важнейших внешнеполитических проблем. В Японии как грибы после дождя стали возникать многочисленные «патриотические» организации. «Черный дракон», «Национальный союз», «Антирусская лига» и другие аналогичные лиги и общества создавали в Японии атмосферу напряжения, при которой война с Россией была единственным выходом.

За пропагандой последовали реальные дела. В конце 1895 года парламент страны принял программу развития экономики, являющуюся, по сути, программой интенсивной подготовки к предстоящей войне с Россией. Рассчитанная на 10 лет (1895—1905), она предусматривала модернизацию промышленности, реорганизацию и укрепление вооруженных сил страны. С 1894 по 1898 год капиталовложения в промышленность утроились и составили 122 млн иен. Тоннаж военно-морского флота увеличился в 5 раз - с 60 тыс. тонн в 1895 году до 280 тыс. тонн в 1903 году. Если в 1894 году у Японии было 55 боевых кораблей общим водоизмещением 61 тыс. тонн, то в 1901 году она имела уже 76 кораблей общим водоизмещением 258 тыс. тонн. Но разгорающееся на Востоке пламя в Петербурге пока не замечали.

В России явно недооценивали последствия ухудшения отношений с Японией. Стремясь вовлечь Китай в орбиту своих интересов, Петербург в 1896 году предпринял шаги, которые еще больше подогрели антирусские настроения в Японии. Китайское правительство в соответствии с оборонительным русско-китайским договором разрешило России построить Китайско-восточную железную дорогу (КВЖД) через Маньчжурию до Владивостока. Эта дорога, кроме военных целей — переброски войск в помощь Китаю в случае новой войны со стороны Японии, — должна была

Карта, изображающая Транссибирскую магистраль, Китайско-восточную железную дорогу и ответвление до Порт-Артура

сократить путь по Транссибирской магистрали на 2 тыс. километров. Постройка дороги задумывалась также для усиления экономического и политического влияния России в Китае.

Был ли этот шаг до конца продуман? Со стратегической точки зрения постройка КВЖД на чужой территории вряд ли была оправдана. Военное министерство России было изначально против строительства, предупреждая, что в случае международного конфликта дорогу сохранить не удастся. Но с ним тогда не считались. Не имея на Дальнем Востоке достаточных сил, чтобы защитить свои интересы, Россия, разумеется, не могла рассчитывать на контроль над КВЖД в будущем. К тому же дорога стала для российской казны исключительно дорогим и некупаемым проектом. Миллионы рублей ушли на строительство и взятки китайским чиновникам. И только для того, чтобы все вскоре пошло прахом.

В Токио же теперь были окончательно убеждены: укрепление России в Северо-Восточном Китае угрожает японским интересам, и продвижение на материк возможно только после победоносной войны с северным соседом.

Но в России пока вовсе не опасались конфликта с Японией. Ведь каких-то 50 лет назад японское правительство при виде грозной армады коммодора Перри подчинилось требованиям США. Эти годы не прошли для Японии даром. Она уже была не окраиной цивилизации, это был дракон, жаждущий схватки.

В мае 1898 года, чтобы обеспечить себе незамерзающий порт на Тихом океане, Россия подписывает договор с Китаем об аренде на 25 лет южной части Ляодунского полуострова. Расположенный на нем Порт-Артур становился главной военно-морской базой России на Тихом океане. Для Японии это был удар! Совсем недавно, всего три года назад, ее вынудили отказаться от Порт-Артура и Ляодунского полуострова, — а теперь он российский! Полуостров, завоеванный японцами в войне с Китаем, оказался в руках «белых варваров»! А у них, считали японцы, было гораздо меньше прав на китайские территории. Антирусские настроения в Японии достигли небывалого размаха.

В 1900 году в Китае вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Для его подавления в страну были введены войска западных держав, Японии и России. После восстановления порядка Россия была вынуждена оставить в Маньчжурии свои войска для охраны КВЖД. И это еще больше раздражало наших соседей.

Предчувствуя неладное, Россия попыталась начать с Японией переговоры о разграничении сфер влияния на материке. Предоставляя японцам свободу действий в Корее, Россия рассчитывала сохранить свое присутствие в Маньчжурии. Однако время было упущено. Маховик войны был уже раскручен. На двусторонних переговорах уверенные в своих силах японцы разговаривали с Россией так, как когда-то с ними говорил Перри, — жестко и бескомпромиссно. Ситуация еще более осложнилась после того, как группа влиятельных в Петербурге лиц во главе со статс-секретарем А.М. Безобразовым, пользуясь своим влиянием на Николая II и при его якобы покровительстве, создала акционерное общество,

Николай II

которое приобрело лесную концессию на участке, протянувшемся на 800 км вдоль российско-корейской границы. Одной рукой мы пытались умиротворить дракона, а другой — дразнили его.

Тучи сгущались, но Николай II по-прежнему недооценивал опасность. На это имелись и субъективные причины. Еще в 1891 году, будучи наследником российского престола, он совершил путешествие по Японии. Во время поездки по городу Оцу его чуть не зарубил мечом японский фанатик. Спас счастливый случай. Этот инцидент оставил свой отпечаток на восприятии царем японцев. Он, к сожалению, не видел в них достойных противников и считал, что Япония не решится начать войну против европейской державы, армия которой всегда была способна противостоять самому сильному врагу.

Ошибочные оценки в отношении военной мощи Японии, которые делали в России, были зачастую следствием дезинформации, которая целенаправленно попадала к сотрудникам российского посольства в Токио. Русский военный агент в Японии Б.П. Ванновский в 1900 году сообщал в Санкт-Петербург: «Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство

всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных хотя бы с одной из самых слабых европейских держав».

А вот как оценивал боевую готовность России японский офицер, известный под псевдонимом Нирутака, записки которого были опубликованы в 1905 году: «Недавно в Порт-Артуре опять был наш шпион, штабной офицер. Мы посылаем их туда уже давно. Этот офицер говорит, что русские и не помышляют о войне. Они не делают никаких репетиций, не стреляют из орудий, и в одном углу верфи лежат сваленные в кучу торпедные суда, на которые уже в течение нескольких месяцев не ступала нога машиниста и боцмана. Недурной, должно быть, у них вид: очевидно, насквозь проржавели, и котлы лопнут при первой же поездке! А между тем эти лодки совсем новые».

К слову сказать, японская разведка сыграла колоссальную роль в подготовке страны к войне. Она была организована настолько масштабно и грамотно, что о ней написаны целые книги. Японцам удавалось добывать важные сведения, в том числе и стратегического характера. Известно, что японские агенты проникли в русский Генеральный штаб и завладели секретом производства бездымного пороха, изобретенного великим русским ученым Д.И. Менделеевым. Фактов разведывательной деятельности японцев было настолько много, что некоторые из них даже нашли отражение в русской литературе. Так, А.И. Куприн описал историю одного из японских шпионов в своем рассказе «Штабс-капитан Рыбников».

Между прочим, японец, скрывавшийся под видом русского офицера, имел, по мнению современных исследователей, реального прототипа — руководителя японской резидентуры Мотодзиро Акаси. Его роль в событиях 1904—1905 годов слабо освещена в нашей литературе. Однако в глазах японцев он — герой! Видимо, недаром в 2004 году, отмечая необходимость усиления роли разведки в Японии, Синдзо Абэ, тогдашний генеральный секретарь Либерально-демократической партии Японии, возглавлявший позже правительство страны, посетовал, что «сейчас в Японии, увы, нет второго полковника Акаси».

Будучи до начала войны японским военным атташе в Петербурге, Акаси впоследствии выехал в Стокгольм, откуда и ко-

ординировал работу по организации в России беспорядков, саботажа, актов неповиновения в армии и покушений на чиновников. Акаси несколько раз встречался с попом Гапоном, как свидетельствуют японские источники, и даже накануне Кровавого воскресенья.

По инициативе Акаси и на его деньги за рубежом организовывались конференции революционных организаций. Размах подрывной работы Акаси был, по мнению самих японцев, настолько велик, что именно он оказался той «искрой, из

которой возгорелось пламя первой русской революции», целью которой было ослабление России как противника и порождение в ней смуты, приближающей победу Японии в войне.

Получив на подрывную работу 1 млн иен — астрономическую по тем временам сумму, — Акаси снабжал русских революционеров деньгами и даже поставлял им из-за границы оружие. Русские марксисты Г.В. Плеханов и Ю.О. Мартов категорически отказались сотрудничать с японской разведкой. А вот В.И. Ленин, как считают некоторые российские и японские историки, встречался с Акаси и получал от него деньги на подрывную работу.

У этой версии, конечно, есть оппоненты. Но, видимо, не случайно Владимир Ильич в своих работах называл войну между Россией и Японией войной между «прогрессивной, вырвавшейся вперед Азией» (читай — Японией) и «отсталой, реакционной Европой» (т.е. Россией). Он называл ее «революционной миссией», которую выполняет избавившаяся от абсолютизма японская буржуазия. Другими словами, Ленин хотел, чтобы Россия потерпела поражение в войне с Японией. Эти слова Ильича для нас сейчас звучат как чистой воды мракобесие.

М. Акаси

Для начала войны с Россией Японии не хватало лишь одного — союзников. Искать долго не пришлось. Извечная соперница России, Великобритания была готова поддержать Японию против русских. 30 января 1902 года был заключен японо-английский союзный договор. Вторая статья договора предусматривала, что в случае войны одного из союзников с двумя или более державами другой обязан оказать ей военную помощь. Иными словами, если в конфликте с Японией на стороне России выступили бы Германия или Франция, то они автоматически оказались бы втянутыми в войну с англичанами. Теперь, начиная войну с Россией, в Японии были уверены: ни одна из великих держав не окажет России вооруженной поддержки. Россия оказалась в изоляции.

Но самое главное — англичане помогли Японии деньгами, оружием и строили на своих верфях японские военные корабли. Финансовую помощь Японии оказали и США, также рассчитывавшие ослабить влияние России на Дальнем Востоке. Именно эти страны полностью обеспечили техническую подготовку японской армии к нападению на Россию. Помощь эта для Японии была определяющим фактором: не будь ее, не было бы и войны. Помните, как голландцы отказались продавать Японии военные корабли, которые японцы хотели противопоставить эскадре Перри? Не хотели голландцы ссориться с Америкой. А Великобритания и США спустя 50 лет не постеснялись — натравили Японию на Россию.

14 декабря 1903 года, несмотря на продолжающиеся попытки русских и японских дипломатов ослабить напряженность в отношениях, Совет министров Японии принял решение начать подготовку к войне. В январе 1904 года на Японских островах началась скрытая мобилизация.

«Причина неудачи переговоров, — писал военный министр А.Н. Куропаткин, — кроется, по-видимому, в нашем неведении о готовности Японии к войне и решимости поддержать свои требования вооруженной силой. Мы не были готовы к войне, но решили, что войны не должны допустить, и хотя ставили требования, но вовсе не были намерены защищать их силой оружия».

Проблема в том, что все действия России по усилению своего влияния в Маньчжурии и Корее в Токио расценивали не иначе как

А.Н. Куропаткин осматривает КВЖД

угрозу собственной территории. Там серьезно полагали: Россия движется на юг и, закрепившись в Корее, непременно нападет на Японию. Вот как трактует это Суэцугу: «Россия, будучи не в состоянии развивать экспансию в сторону Запада ... стала расширять свою территорию путем ее приращения в восточном и южном направлениях... Если бы Корейский полуостров оказался под управлением России, Япония непосредственно столкнулась бы с угрозой с ее стороны...» Конечно же, это было не так. Но, увы, в Японии тогда не сомневались в агрессивных намерениях царского правительства.

В действительности же Россия не только не строила наступательных планов, но не имела ресурсов даже для обороны. Куропаткин докладывал императору летом 1903 года: «Ныне, как и два года назад, мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден — Ляоян — Хайчен, но отстоять Южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, не сможем. Мы должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев». Оборонительные возможности русской армии

А.Н. Куропаткин

ограничивались тем, что быстрая передислокация сил из европейской части на Дальний Восток была совершенно невозможна. Пропускная способность Транссибирской магистрали была настолько низкой, что Россия смогла выставить против японских войск после начала войны всего 25 тыс. солдат, а через три месяца — всего 70 тысяч. Япония же находилась в непосредственной близости к будущему театру военных действий и через три месяца могла довести численность своей группировки до 200 тыс. человек.

Несмотря на все признаки близкой войны, Николай II медлил с принятием решительных мер. В ответ на просьбу наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева начать мобилизацию император телеграфировал ему: «Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия». «Пусть начинают» — такую фразу однажды бросил Николай II, в очередной раз услышав предостережения о приближающейся войне.

И они начали. В ночь на 27 января 1904 года японские миноносцы напали на русскую эскадру у Порт-Артура. Самое современное вооружение, блестящая военная подготовка и организация войск, высокий боевой дух и просто удача приносили японцам одну победу за другой. В декабре пал Порт-Артур. В мае 1905 года российский флот потерпел сокрушительное поражение в Цусимском проливе. Это сражение по сути дела определило победителя в русско-японской войне.

Но, потеряв флот, Россия могла еще долгое время продолжать боевые действия на материке. Она постепенно наращивала численность своих войск на Дальнем Востоке, и соотношение сил складывалось уже не в пользу Японии, которой война давалась очень

Русские корабли на рейде в Порт-Артуре перед началом войны. 1904 г.

Битва на реке Ялу. Японская гравюра

В.Н. Ламсдорф

тяжело. «Единственная, но зато весьма существенная слабая сторона положения, в котором сейчас находится Япония, — писал посол России в США Р.Р. Розен, который до начала войны возглавлял российское посольство в Токио, — заключается в том, что, несмотря на все одержанные над нами победы на море и на суше, Япония не располагает никакими средствами, которые дали бы ей возможность вынудить Россию к заключению мира и к уплате военной контрибуции, если бы Россия предпочла от этого уклониться и решила бы продолжать хотя бы пассивное сопротивление». Находясь в полной зависимости от английских и американских кредитов, Япония к концу войны в финансовом отношении была окончательно измотана. Государственный долг Японии вырос в 4 раза и составил 2,4 млрд иен. Материальные и людские ресурсы страны были напряжены до предела.

В Токио хорошо понимали: если война затянется, ее исход может быть не в пользу Японии. В марте 1905 года японское правительство обратилось к американцам с предложением инициировать мирные переговоры с Россией. Американский президент Теодор Рузвельт выполнил эту деликатную просьбу, даже легким намеком не выдав заинтересованности Токио. Ответ России не заставил себя долго ждать. 30 мая министр иностранных дел России В.Н. Ламсдорф официальной телеграммой информировал Вашингтон о принятии предложений Рузвельта.

Переговоры начались 27 июля 1905 года в американском городке Портсмуте. Японский уполномоченный представитель, министр иностранных дел Дзютаро Комура на правах победителя выложил перед российским представителем, Председателем Комитета министров С.Ю. Витте целый ряд требований: огра-

ничить морские силы России в водах Дальнего Востока, передать Японии права на аренду Ляодунского полуострова, возместить военные расходы, понесенные японцами (то есть выплатить контрибуцию), уступить ей весь Сахалин и т.д. Обратим ваше внимание на то, что японские войска начали высадку на Сахалин уже после того, как Рузвельт вызвался играть роль посредника, и продолжали захватывать остров даже в июле и августе 1905 года - то есть уже в ходе вестующихся переговоров.

Т. Рузвельт

Занять Сахалин надоумил японцев именно Рузвельт — будто бы для того, чтобы легче склонить Россию к миру. Впрочем, сдается нам, что, соглашаясь на посредничество, американцы преследовали свои цели. Уж очень Вашингтону хотелось надолго испортить отношения между соседями. А лучшего способа, чем подтолкнуть Японию к отторжению Сахалина, найти было сложно. Как хорошие стратеги, они знали: аннексия Сахалина надолго отдалит две соседние страны и положит начало бесконечным территориальным спорам.

В России, однако, и не помышляли о сдаче Сахалина японцам. Николай II был категорически против каких-либо территориальных уступок. В соответствии с данной ему инструкцией Витте заявил на переговорах с японцами, что Сахалин принадлежит России на основании подписанных между странами договоров. На это Комура выдвинул два тезиса. Во-первых, утверждал он, война отменяет силу действующих между государствами договоров. Во-вторых, в мировой практике потеря побежденным государством суверенитета над частью своей территории является традиционным актом выхода из состояния войны.

Впрочем, о том, что означал такой подход для будущего наших стран, мы поговорим немного позже. А сейчас хотелось бы

подробно рассказать о роли Витте. В «классических» трудах по истории русско-японской войны Витте именуют талантливым дипломатом, ставя ему в заслугу то, что он добился от японцев в Портсмуте максимальных уступок.

Но так ли это? Витте, бесспорно, удалось настоять на отказе Японии от контрибуции. Но его позиция по Сахалину была не такой уж бесспорной.

Нетрадиционную точку зрения, опираясь на архивные материалы, приводит российский

исследователь И.А. Сенченко, который утверждает, что Витте был склонен пожертвовать Сахалином ради быстрого заключения мира. По его мнению, Витте недостаточно хорошо понимал важность Сахалина в экономическом и стратегическом отношении, и именно он явился главным инициатором уступки в сахалинском вопросе.

Разумеется, формально Витте действовал на основании инструкций, данных ему Николаем II. А ведь российский император предупреждал: «Ни пяди российской земли, ни копейки вознаграждения». И действительно, Витте в первый же день обсуждения сахалинского вопроса, то есть 2 августа 1905 года, вступил с Комурой в жесткую дипломатическую полемику. Но вот что странно! Вечером того же дня (!) Витте отправляет в Петербург телеграмму, в которой советует уступить Сахалин Японии. Согласитесь, тут есть какая-то неувязка. Ведь это был всего лишь первый день обсуждения территориального вопроса!

Прочитав телеграмму Витте, царь накладывает резолюцию: «Об уступке Сахалина не может быть и речи. Русский народ не простил бы мне уступки и пяди земли неприятелю, да и совесть моя тоже». Но Витте продолжал настаивать. Уже в телеграмме министру Ламсдорфу он пишет: «...что касается Сахалина, то,

С.Ю. Витте

С.Ю. Витте, P.Р. Розен и российская делегация в Портсмуте

по-видимому, общественное мнение склонно признавать, что раз мы имели несчастье потерять Сахалин и он фактически в руках японцев, то Япония имеет право на извлечение из этого факта соответствующей выгоды и что Японии трудно будет отказаться от того, что приобретено успехами ее флота». Видимо, полагая, что Витте неправильно уяснил данные ему инструкции, забеспокоился и Ламсдорф и еще раз информировал делегацию в Портсмуте о принципиальной позиции России.

Но Витте продолжал бомбардировать Петербург своими депешами, предлагая отказаться либо от всего острова, либо от его части. Через своего единомышленника, министра финансов В.Н. Коковцова, он пытался придать обсуждению этого вопроса в правительстве коллегиальный характер — чтобы проще склонить царя к компромиссу. Но Николай II, выслушав мнение своих министров, оставался непреклонен.

В такой ситуации важную роль играл посредник, которым выступал президент Рузвельт. Он оказал беспрецедентное давление на Петербург и российскую делегацию в США, пытаясь склонить Россию к уступке Сахалина. Американский президент прекрасно знал, что японцы не в состоянии продолжать войну,

Переговоры в Портсмуте. Японская гравюра

но, искусно блефуя, угрожал Николаю II, что в случае отказа от японских требований Россия лишится «тех восточносибирских областей, которые были завоеваны героизмом ее сынов в течение последних трех столетий». А вот еще одна цитата: «Если Россия будет продолжать войну, она потеряет Владивосток». Это уже из Ленина. Воистину, враг моего врага — мой друг.

В Токио между тем не очень надеялись на то, что Рузвельту удастся уговорить Николая II. Там хорошо представляли себе ситуацию и уже были готовы согласиться на мир и без Сахалина. И действительно, такое решение было принято в период с 10 по 13 августа 1905 года. Однако японские дипломаты в Портсмуте, даже получив новую инструкцию из Токио, как всегда, технично держали паузу. И это принесло результат.

Сначала проговорился сам Витте. Высказывая свое личное мнение на встрече с Комурой 10 августа (а по некоторым японским источникам, еще раньше — 5 августа), он предложил отдать Японии весь Сахалин, при условии ее отказа от контрибуции, и намекнул, что будет уговаривать царя. Для японских переговор-

Д. Комура

Д. Мейер

щиков это был сигнал: шанс склонить российского императора Николая отдать остров был реальный. Вот почему Комура не торопился отказываться от Сахалина.

Время работало на японскую делегацию. Под давлением революционных событий в России, под влиянием Рузвельта и Витте Николай II уступил. На встрече с американским послом Джорджем Мейером он согласился на передачу Японии южной части Сахалина. Японская делегация в США, получив это сообщение, вздохнула с облегчением — дипломатические маневры Комуры с Витте были не напрасны.

В чем же секрет позиции Витте? Еще до начала переговоров в Портсмуте по воле императора он лишился ключевого поста министра финансов и был отстранен от государственных дел. Витте, видимо, хотел во что бы то ни стало воспользоваться представившейся возможностью проявить себя и вернуть расположение царя. А для этого надо было любым способом добиться завершения войны. Конечно же, он действовал в соответствии с инструкциями Николая II. Это, безусловно, так. Но задача Витте как руководителя делегации на переговорах в принципе состояла в том, чтобы убедить противную сторону принять максимально выгодные России условия, а не вести с японскими представите-

лями игру в «своего». Витте с этой задачей не справился. Вместе с Рузвельтом он оказал медвежью услугу России и Японии, на долгие годы вперед заронив территориальную занозу в наши отношения. Переговоры завершились 23 августа 1905 года. Японцы отказались от контрибуции, но получили южную часть Сахалина до 50-й параллели. Впервые между Россией и Японией границы были изменены не по принципу законности и справедливости, а по праву сильного. Да — на основании договора. Но — силой оружия. Победитель добился от побежденного части территории в качестве признания своего поражения.

Побежденный — проигрывает. Именно Комура предложил этот тезис в Портсмуте, и Россия с ним согласилась. Не признавая своего поражения, Россия признала победителя. Такова была логика войн, побед и поражений. И отступить от нее не мог даже российский император.

Но чего стоил такой мир? Он не мог быть долговечным. Было ясно, что Россия не смирится с потерей южного Сахалина — ведь войну против Японии она никогда не начинала — и рано или поздно постарается вернуть его. Рузвельт это тоже понимал. Так, предложив японцам оккупировать Сахалин и склонив на уступку русского царя, Рузвельт запрограммировал российско-японские отношения на дальнейшие территориальные споры.

А что же Япония? Общественное мнение после заключения мира еще долго негодовало, считая, что правительство должно было добиться от России всего Сахалина, а не только его южной части. Начались массовые беспорядки, была сожжена резиденция Комуры в Токио.

Но даже часть Сахалина — это был хороший куш. Победа? Да, победа. Но эта победа означала, что Токио соглашается с правилами игры, которые он сам предложил. Аннексируя часть Сахалина, Япония лишила себя права ссылаться на договоры, которые она заключила с Россией в XIX веке. Столетний период мирного развития отношений между нашими странами завершился. Но аппетиты тех, кто хотел процветания Японии за счет территорий России, не были удовлетворены.

The page features a decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a light brown or gold color. The border is composed of a repeating geometric pattern along the edges and larger, more complex floral designs in the corners. In the center of the page, there is a horizontal decorative flourish consisting of symmetrical, swirling floral motifs.

**Дальневосточный
буфер:
Япония или Россия**

Война 1904—1905 годов оставила в российско-японских отношениях первое темное пятно. К сожалению, оно было не последним. Участие японских войск в интервенции держав Антанты, скромно именуемой в Японии «военной экспедицией в Сибирь», оккупация в 1918—1922 годах российской территории от Владивостока до Байкала, а также северного Сахалина в 1920—1925 годах еще дальше отодвинули российско-японские отношения от принципов законности и справедливости.

Хотя в первые годы после Портсмута, казалось, ничто не предвещало новых конфликтов. В 1907 году между Россией и Японией было подписано соглашение о разграничении интересов двух стран на территории Маньчжурии и Внешней Монголии, а также о предоставлении российской стороне режима наибольшего благоприятствования в Корее. Это внушало надежду на окончательную нормализацию отношений. И действительно, в годы Первой мировой войны началось сближение наших стран, оказавшихся в одном военно-политическом союзе — Антанте. Токио нужна была поддержка России на Дальнем Востоке: японцы намеревались укрепиться в Китае за счет захвата германских владений, и их все больше беспокоила активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе американцев, которые из союзников уже превратились в конкурентов. В 1916 году Россия и Япония подписали договор о противодействии господству в Китае третьих держав (то есть США). В его секретной части предусматривались совместные меры России и Японии против других стран. Это был первый в истории русско-японских отношений договор о политическом сотрудничестве.

Однако надеждам на дальнейшее российско-японское сближение не суждено было сбыться. После октябрьского переворота 1917 года некогда мощная Российская империя оказалась ввергнута в смуту Гражданской войны. Россию внешний мир воспринимал уже не в категориях «противник или союзник». У многих возникало желание воспользоваться возникшим хаосом, в который погрузилась бывшая империя, и погреть на этом руки. Не осталась в стороне и Япония.

В Токио были хорошо информированы о ситуации в России и на протяжении первых месяцев после прихода большевиков к власти не планировали вмешиваться в ход революционных событий. Но очень скоро правительство Японии решило все же извлечь выгоду из ситуации и, если получится, прибрать к рукам что-нибудь из ее владений на Дальнем Востоке.

Как и прежде, все началось с пропаганды. На японских островах вновь стали раздаваться уже забытые голоса с требованием ликвидировать «угрозу с севера», вновь активизировались «ястребы», требующие расширения страны за счет соседей. Стремилась ли Япония к аннексии Сибири и Дальнего Востока? Однозначный ответ на этот вопрос мы дать не можем. Планы по расширению японских границ, безусловно, существовали. Однако реализовать их Япония могла только в случае полного распада Российской империи и при условии поддержки своих планов западными державами. Но и то, и другое представлялось на тот момент маловероятным. А вот заполучить контроль над природными ресурсами российского Дальнего Востока и Восточной Сибири — была вполне достижимая цель. По мнению японского историка Тэруюки Хара, существовали и более конкретные задачи. Он полагает, что Япония стремилась заполучить северный Сахалин и контроль над КВЖД.

Японские генералы настаивали на незамедлительной отправке войск в Сибирь. Вопрос состоял только в том, проводить операцию самостоятельно или совместно с другими державами. Мнения разделились. Одни полагали, что Япония должна принять участие в «сибирской экспедиции» независимо от других стран и без их помощи. Другие выступали категорически против. В итоге победили

сторонники участия Японии в коллективной интервенции стран Антанты. Такое решение японского правительства объяснялось еще и тем, что США, не желавшие чрезмерного усиления Японии на Дальнем Востоке, потребовали от Токио не предпринимать широкомасштабных боевых действий без согласия союзников, а также предупредили, что Япония должна будет вывести свои войска из России после достижения основных целей интервенции.

Пока Токио и Вашингтон не могли договориться, большевики не теряли времени даром. Они, разумеется, не имели достаточных сил для отпора интервентам и пытались использовать любую возможность, чтобы сыграть на «межимпериалистических» противоречиях между США и Японией. Японскому правительству было предложено заключить соглашение об экономическом сотрудничестве на Дальнем Востоке. Одновременно участвовать в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока пригласили и американцев. Между Токио и Вашингтоном разгорелось скрытое соперничество. И все же 18 марта 1918 года японское правительство направило правительству США ноту, извещавшую о том, что оно не собирается предпринимать никаких военных действий в России без предварительного согласия на то Соединенных Штатов.

Конечно же, это был вынужденный шаг. Понятно, что Япония без финансовой поддержки извне не выдержала бы бремени военных расходов и не смогла бы вести самостоятельные боевые действия на огромных российских территориях. У Токио был собственный план. Там рассчитывали добиться признания своих исключительных прав на экономические и природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, создав в этом регионе подконтрольное им буферное государство.

Принципиальное решение о начале военной интервенции союзников на российском Дальнем Востоке было принято Верховным советом Антанты в феврале 1918 года. Формальный повод для вторжения был найден без труда: содействие в переброске из России через Владивосток на европейский театр военных действий частей союзного чехословацкого корпуса. Японцы поддержали это решение, но постарались опередить своих союзников. В начале апреля 1918 года без согласования

Японские интервенты во Владивостоке

с державами Антанты японские войска высадились во Владивостоке под предлогом защиты проживавших там японских граждан. Спустя несколько месяцев Япония вместе с британскими и американскими войсками ввела во Владивосток дополнительный контингент. Постепенно японский корпус занял огромную российскую территорию вплоть до Байкала! Японские гарнизоны располагались во всех крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях. Эта оккупация была грубым нарушением всех предыдущих российско-японских соглашений, включая Портсмутский договор 1905 года, и прямой агрессией против нашей страны.

Мы не ставим своей целью описать все, что творили на российской земле японские войска и что происходило при их попустительстве. Приведем лишь одну цитату. В донесении, направленном 25 октября 1918 года помощником верховного уполномоченного на Дальнем Востоке начальнику штаба Сибирской армии белых генералу П.П. Белову говорится: «Положение на Дальнем Востоке таково: Хабаровск, Нижний Амур и железная дорога Хабаровск — Николаевск заняты атаманом Калмыковым,

Г.М. Семенов

которого поддерживают японцы, за что Калмыков предоставляет им расхищать неисчислимые ценности Хабаровска. Японцы в свою очередь предоставляют Калмыкову открыто разбойничать, а именно: разграбить хабаровский банк, расстреливать всех, кого захочет, смещать и назначать начальников окружных управлений Хабаровска и осуществлять самую дикую диктатуру. Семенов, поддерживаемый также японцами, хотя и заявляет о своей лояльности в отношении командного состава и правительства, позволяет своим бандам также бесчинствовать в

Забайкалье, а именно: реквизировать наши продовольственные грузы, продавать их спекулянтам, а деньги делить между чинами отрядов». И это пишет офицер той самой Белой армии, для помощи которой якобы и задумывалась интервенция Антанты.

Японские войска вели себя на российской территории как хозяева. «Разделяй и властвуй» — таков был лозунг японских генералов. Они не хотели ни становления новой, советской власти, ни восстановления старого порядка и сосредоточения власти в руках белого, законного в глазах Антанты правительства адмирала А.В. Колчака. Их целью было натравливать одних на других, обеспечивая господство только одной силы — своей собственной.

Действия японского корпуса в России приковывали пристальное внимание Вашингтона. В декабре 1918 года американское правительство через своего посла в Токио обратило внимание японского правительства на «недопустимость поддержки Японией атаманов Семенова и Калмыкова», а также на несогласованные с союзниками действия японских войск на КВЖД. Американцы, опасаясь снижения своего влияния, стремились воспрепятствовать продвижению войск Японии в глубь России и выступали против увеличения

японского контингента сверх оговоренной численности.

Япония имела на оккупированной российской территории свыше 70 тыс. солдат, тогда как американский, британский и французский корпуса насчитывали всего по 7 тысяч. Имея такой перевес, японские генералы сделали попытку явочным порядком получить право объединенного командования всеми оккупационными силами на Дальнем Востоке. Но эта затея провалилась. Разногласия в лагере интервентов были слишком велики. В то время как США

А.В. Колчак

и европейские державы поддерживали «признанного верховного правителя России» адмирала Колчака, Япония делала ставку на атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. Именно их Токио готовил в качестве ключевых фигур марионеточного государства на Дальнем Востоке. Между прочим, за сотрудничество с японскими войсками Колчак в ноябре 1918 года объявил Семенова изменником. Но заступничество японского экспедиционного корпуса не позволило посланцам Колчака арестовать атамана. Японский генеральный штаб, защитив Семенова, дал понять американцам, что атаман имеет такие же права на Забайкалье, как и адмирал Колчак на Сибирь.

И действительно, Семенов действовал с размахом. Он даже пытался создать «независимую Монголо-Бурятскую Республику», где предполагал стать неограниченным правителем. Конфликт между атаманом Семеновым и Колчаком подрывал силы Белого движения, но это не очень-то беспокоило японское командование. Они сделали ставку на Семенова, прекрасно понимая, что в случае победы Колчака, выступавшего за «единую и неделимую Россию», их планам на буферное государство не суждено осуществиться.

В апреле 1920 года, желая избежать прямого военного конфликта с Японией, большевики объявили о создании отдельного государственного образования — Дальневосточной республики (ДВР). Гражданская война в России постепенно подходила к концу. К 1920 году Красной Армии удалось отбить наступление на всех фронтах. В январе 1920 года была разгромлена и армия Колчака. В этих условиях западные державы вынуждены были вывести свои войска из Сибири и Дальнего Востока. Япония же решила оставить свой контингент.

Конечно же, в Токио понимали, что необходимы весомые основания для продолжения интервенции. И повод подвернулся. В апреле 1920 года отряд Я.И. Тряпицына уничтожил в Николаевске-на-Амуре несколько сотен японских пленнх и гражданских лиц. Тряпицын, будучи командующим Николаевским военным округом на Дальнем Востоке, отказался подчиняться ленинским указаниям о недопущении конфликтов с японскими войсками и, по существу, перешел на партизанское положение. За свои злодеяния Тряпицын и еще 15 его подельников были преданы «военно-революционному» суду и в июле того же года расстреляны. Но японцы воспользовались «николаевским инцидентом» в полной мере. Японское правительство заявило, что ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке, не позволяет начать вывод японских войск из России, а в наказание за действия Тряпицына Япония занимает северный Сахалин.

На острове японские войска начали закрепляться основательно: здесь были отменены русские законы, а населенные пункты и улицы получили японские названия. Вот, например, одно из уведомлений японцев, направленное руководителям всех органов власти на Сахалине: «Со дня оккупации острова Сахалин здесь не признаются никакие русские власти; с этого же дня местные русские власти не должны производить никаких действий; произведенные после этого срока действия русских властей подлежат исследованию особой комиссии». На северный Сахалин стали прибывать японские переселенцы. Их расходы на обустройство на новом месте частично оплачивались правительством. Казалось, мечты японцев о северном Сахалине начали реализовываться.

Однако значительное укрепление позиций Японии на Дальнем Востоке и ее продолжавшееся единоличное военное присутствие на российских территориях беспокоило и Вашингтон, и Лондон, и Париж. На созванной в ноябре 1921 года в Вашингтоне Международной конференции по ограничению морских вооружений представители этих держав потребовали от Японии вывести свои войска из ДВР. Токио вынужден был дать такое обещание, но сроки вывода войск оговорены не были. Японская сторона вступила в переговоры с представителями ДВР об условиях эвакуации войск с острова и дальнейших отношениях между двумя государствами. Одним из главных требований японских властей к правительству республики было «никогда не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий». Кроме того, они не оставляли надежд превратить Дальневосточную республику в свой сырьевой придаток и предлагали сдать им в аренду северный Сахалин на 80 лет или же продать его за 150 млн иен. Но эти предложения были отвергнуты: дальневосточники хорошо знали, какой нещадной эксплуатацией природных богатств обернулось пребывание японских войск на их территории.

За годы интервенции японцы вывезли около 680 тыс. куб. метров леса, почти 240 тыс. тонн угля, было угнано свыше 2 тыс. железнодорожных вагонов и захвачено более 200 судов. Все лучшие рыболовные участки на тихоокеанском побережье оказались в руках японских компаний. Любопытна следующая выдержка из приказа японского командования от 12 июля 1920 года: «Русские промыслы, находящиеся по нижнему течению Амура и в Амурской бухте, никем не занятые, заарендовываются японским командованием на следующих условиях: лица русской национальности, стоящие вне всяких политических подозрений, если они получают на это разрешение японского командования, могут принять участие в торгах наравне с японскими подданными». Русских заставляли за бесценок продавать принадлежавшие им земельные участки, заводы, фабрики, акции крупных предприятий. Из вывезенной в 1918 году из Казани в Омск части российского золотого запаса Япония присвоила более 43 тонн золота. Общие убытки от оккупации Дальнего Востока составили около 30 млн рублей.

Как ни странно, такое положение, похоже, не очень-то беспокоило большевиков. И самым «невозмутимым» среди них был Ленин. Его вовсе не огорчало присутствие на территории России японского корпуса. Именно он, «гениальный стратег и тактик революции», предложил создать на Дальнем Востоке буферное буржуазно-демократическое государство. Какое совпадение! Удивительно, а ведь японцы, начиная интервенцию, планировали то же самое. Вообще довольно заняты высказывания вождя мирового пролетариата и о границах Дальневосточной республики. Он писал — так, между прочим, — что эта граница необязательно должна совпадать с границами Российской империи, имея в виду права других государств на российскую территорию.

Впрочем, жизнь Дальневосточной республики оказалась странно короткой. Созданная 6 апреля 1920 года, она просуществовала всего лишь до 15 ноября 1922 года. Согласитесь, для государства это совсем мало. А ленинская мысль вовсе не отводила ему такую уж короткую жизнь. О кратковременном характере ДВР и о том, что от этой идеи надо в скором времени отказаться, он не говорил — это точно.

Но вспомним, что к ноябрю 1922 года Ленина у руля государства уже не было. В марте 1922 года у него случился первый инсульт, и он практически безвыездно находился на лечении в Горках. И не смог, как это было в феврале 1920 года, «бешено изругать противников буферного государства» и «погрозить им партийным судом».

На ум приходит что-то уж совсем крамольное. А не был ли Ильич единственным лидером большевиков, кто считал, что «противники буферного государства обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания».

В ленинских работах, может быть за исключением одной фразы в публичном выступлении перед рабочими, вы не найдете ни призыва дать решительный отпор японским интервентам, ни справедливого негодования по поводу оккупации российских территорий японскими войсками. Вот какую телеграмму направил Ленин Владивостокскому Совету через два дня после высадки японцев в Приморье в апреле 1918 года: «Не делайте себе иллюзий: японцы наверно будут наступать. Это неизбежно...

Больше внимания уделяйте отходу, отступлению...» И даже через два года Ленин был категорически против продвижения Красной Армии на восток до столкновения с японскими войсками. 19 февраля 1920 года в телеграмме Л.Д. Троцкому и Реввоенсовету 5-й армии, дислоцированной на Дальнем Востоке, он потребовал: «Ни шагу на восток далее, все силы направлять для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Заметьте, с Дальнего Востока — в Россию!

В.И. Ленин

Ленин резко выступал против активизации партизанского движения на Дальнем Востоке, которое, объединяя в своих рядах более 20 тыс. бойцов, конечно же доставляло много хлопот японскому корпусу. «Как огня надо бояться партизанщины, своеволия отдельных отрядов, непослушания центральной власти», — писал Ленин. Когда же Тряпицын в письме Ильичу стал отстаивать необходимость отпора японскому экспедиционному корпусу, полагая, что Красная Армия «могла бы ликвидировать японские войска, оставшиеся в Сибири», Ленин ехидно пригрозил: «Не махайте [орфография сохранена. — *Примеч. авт.*] картонным мечом». Одним словом, по указанию Ленина все местные органы власти должны были воздерживаться от конфликта с японскими войсками, а Красной Армии категорически запрещалось вступать с ними в боестолкновения.

Вы не найдете в ленинских статьях и выступлениях и слова протеста против занятия японскими войсками северного Сахалина. Известно, однако, что заявление наркома иностранных дел Г.В. Чичерина по этому поводу он все-таки правил, правда в сторону смягчения текста. Давая в июне 1920 года интервью корреспондентам газет «Осака Асахи» и «Осака Майнити», он и

слова не проронил об этой проблеме. Ильич, странное дело, упустил случай воззвать к братской помощи японского пролетариата. Поругал за глаза американцев и задал несколько вопросов о воспитании детей в Японии. И все! А о Сахалине — ни слова.

Однако ни загадочная благосклонность вождя, ни сотрудничество с теми, кто готов был пожертвовать интересами России, не помогли японскому корпусу добиться решения поставленных задач.

К середине 1922 года международное положение Советской России укрепилось. Продолжать интервенцию, особенно после решений Вашингтонской конференции, было уже значительно сложнее. Непокойно было и в самой Японии. Летом 1922 года в стране было создано общество «Руки прочь от России», которое вывело на улицы городов тысячи прогрессивно настроенных японцев, протестовавших против интервенции. Недовольство выражали и многие влиятельные политики и предприниматели. Так, оппозиционная партия крупной японской торгово-промышленной буржуазии «Кэнсейкай», возмущенная ростом расходов на интервенцию, выступала за вывод японских войск из России. Требовало прекращения интервенции и мощное военно-морское лобби, выступавшее за перераспределение военных расходов в свою пользу.

В октябре 1922 года народно-революционная армия ДВР начала наступление на белогвардейцев, разбила силы Дитерихса и подошла к Владивостоку. В этих условиях японский корпус вынужден был уйти из Приморья.

Однако вопрос о прекращении оккупации северной части Сахалина оставался нерешенным. В ноябре 1922 года ДВР, как уже упоминалось, была упразднена, а Дальний Восток стал составной частью РСФСР. Японским властям теперь предстояло иметь дело уже с представителями Российской республики.

На начавшихся переговорах в качестве условия нормализации отношений между двумя странами Япония предложила России отказаться от северного Сахалина. Это предложение было рассмотрено специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с наркомом иностранных дел Чичериним. Отвергнув его по сути, комиссия все же решила в обмен на установление

дипломатических отношений предоставить японцам выгодные концессии на острове.

Другого пути, нежели согласиться на предложение советского правительства, у Токио не было. Шел уже 1924 год — время, когда началась так называемая полоса признания СССР. Советское государство установило дипломатические отношения с Великобританией, Францией, Италией, Норвегией, Австрией, Швецией, Данией, Китаем, Афганистаном и другими странами. Международные позиции Советского Союза укрепились. В этих условиях японское правительство согласилось принять предложение Москвы. В январе 1925 года была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, установившая дипломатические отношения между двумя странами. Спустя три месяца японцы вывели свои войска из северной части Сахалина, получив право на разработку и эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений острова.

Так закончилась вторая агрессия, которую Япония вела против России. Хотя она и не привела к изменению границ России на Дальнем Востоке, совершенно очевидно, что захват по крайней мере северного Сахалина входил в планы радикально настроенных японских политиков.

В сборнике документов по истории формирования российско-японской границы была опубликована карта «Великой Японии с новыми владениями», изданная в начале прошлого века. Авторство карты не указано, но то, что в состав территории Японии было включено все тихоокеанское побережье российского Дальнего Востока, включая Камчатку, раскрывает амбициозные планы японских военных. У этих планов в японском обществе были свои сторонники и свои противники. Но если бы все повернулось по-другому, если бы на развалинах Российской империи возник не набирающий силу Советский Союз, а несколько отдельных государств, то планы японских ястребов могли бы реализоваться.

Какой же след оставила в российско-японских отношениях японская интервенция? «Своими действиями, — пишет японский историк Цуёси Хасэгава, — Япония надолго восстановила против

себя Россию. И не только потому, что японские власти поддерживали контрреволюционеров. Главное то, что Япония, воспользовавшись неразберихой и хаосом революции и Гражданской войны в России, направила свои войска для захвата российских территорий и природных ресурсов. Яблоком раздора в очередной раз стал Сахалин. Опасения, что Япония при любом удобном случае готова напасть на Россию с целью захвата ее территорий, еще больше укрепились в сознании русского народа. А бесчинства японских войск на оккупированной территории основательно разрушили доверие России к Японии и в значительной мере способствовали негативному восприятию русскими своего столь беспокойного соседа на протяжении еще многих и многих лет». Куда уж точнее.

Но главный итог войн, которые Япония вела против России в начале XX века, заключается в том, что российско-японская граница перестала каким-либо образом быть привязана к первым российско-японским договорам 1855 и 1875 годов. Вторгаясь на российскую территорию, Япония лишила себя морального права когда-либо ссылаться на юридическую силу прежних, ликвидированных войной соглашений.

Самое печальное в этой истории другое. Наши народы, которые никогда не имели и не могли иметь неразрешимых противоречий и решавшие все спорные вопросы на основе взаимного уважения, были втянуты в кровавые конфликты, которые посеяли семена недоверия, а подчас даже вражды. Конечно же, огромную роль в этом сыграла яростная пропаганда войны и нагнетание немислимого страха с призывом решить «северную проблему». Япония боялась нас, и это подталкивало ее на то, чтобы силой оружия доказать России свое превосходство. Накачав мускулы, японские генералы решили действовать по принципу «победителей не судят». Ведь впереди были большие и дерзкие планы.

The page is framed by a decorative border consisting of a repeating diamond-shaped pattern. Inside this border, the corners are filled with intricate, dark brown floral and scrollwork designs. The central area is a large, light-colored oval shape.

**Нейтралитет
и японская обида**

Всякий, кому доводилось беседовать с японцами о Второй мировой войне, знает, что в их сердцах таится обида. Обида на Россию. Оправданно ли с моральной точки зрения, спрашивают они, вступление СССР в войну против Японии? Ведь Токио в соответствии с советско-японским договором 1941 года сохранял нейтралитет в течение всего периода советско-германского противостояния. Ответ подавляющего большинства жителей Страны восходящего солнца на этот вопрос отрицательный.

Японцам — и это показывает их отношение к войне — не свойственно покаяние, через которое прошли те же немцы, признавшие ответственность за нацистские злодеяния. Вы редко встретите японца, который согласился бы с утверждением, что Япония вела агрессивные войны в целях расширения своей империи, а потерпев поражение, была за это справедливо наказана утратой своих территорий. Обида на Россию имеет свою историю и своих идеологов. В сущности, именно она является источником политики недоверия и территориальных претензий.

На чем же зиждется эта обида?

Прежде всего на различных оценках истории отношений наших стран. Для нас, россиян, эта история выглядит так же, как главы в этой книге: история первых контактов, договоры о проведении границы, русско-японская война, интервенция, боевые действия 1938-1939 годов, Вторая мировая война... Для японцев — это, с одной стороны, смертельная «угроза с севера» и стремление раз и навсегда ликвидировать ее; с другой — постоянный интерес к России и ее богатейшим ресурсам, которые, как сказал бывший премьер-министр Японии Ё. Мори, достались ей от Бога.

Если говорить конкретно, то в основе нынешнего, негативного отношения многих японцев к России лежит обида на СССР за нарушение в 1945 году договора о нейтралитете и вступление в войну с Японией. Они искренне верят, что честное соблюдение Японией этого договора, несмотря на требование Гитлера начать войну с СССР, помогло русским выдержать натиск немецких войск на западе и что за это «добро» Россия отплатила «злом».

«Пакт о нейтралитете, — считает Суэцугу, — оказался весьма эффективным для обоих государств... Перебросив свои войска с Дальнего Востока и из Сибири на запад, И. Сталин смог с полной отдачей сил сражаться с германской армией, а Япония смогла отправить на юг отборные войска Квантунской армии». Прямо взаимопомощь получается. Но, как говорят, это не совсем так или даже совсем не так. Давайте проанализируем.

Вспомним: в 1925 году Япония вывела свои войска с северного Сахалина и установила с СССР дипломатические отношения. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 года оговаривала, что Портсмутский договор 1905 года остается в силе. Но Япония, видя нашу елабость, проигнорировала те пункты договора, которые обязывали ее вывести войска из Маньчжурии, запрещали использовать там железные дороги в военных целях и возводить военные объекты на Сахалине.

В 1926, 1927 и 1931 годах Москва обращалась к Токио с предложением заключить пакт о ненападении, но каждый раз получала отказ. С этого времени в Москве Японию рассматривали как потенциального противника и считали войну с ней неизбежной. Экспансионистские планы Японии в отношении России были очевидны. Это явствует из документа под названием «Меморандум Танака» от 25 июля 1927 года. В нем содержится призыв «вновь скрестить мечи с Россией» и «сыграть ту же роль, какую она [Япония. — *Примеч. авт.*] играла в японо-русской войне». И хотя Гиити Танака в 1929 году ушел в отставку с поста премьера, в начале 1930-х годов к власти в Токио пришли сторонники широкой экспансии, готовые проводить в жизнь его идеи.

Рычаги власти в стране захватили японские военные. Подчинив своей воле императора Хирохито, они стали формировать правительство страны, определять ее внешнюю и внутреннюю политику. Они толкали Японию к тому, чтобы она, превратившись в мощную военную державу, вступила на путь захвата территорий других государств. В 1931 году Япония развязала агрессию против Китая и захватила Маньчжурию.

По линии советской разведки поступали материалы, свидетельствовавшие о подготовке Японии к войне против Советского Союза. Москва тогда не располагала ни военными, ни экономическими возможностями воспрепятствовать нарушению своих интересов на Дальнем Востоке. И всячески стремилась уклониться от столкновения с Японией. Даже когда последняя начала бесцеремонно вытеснять Россию из Северо-Восточного Китая, нападая на советские учреждения и парализуя работу КВЖД, нам не оставалось ничего другого, как продать ей в марте 1935 года это выгодное предприятие за символическую цену.

В 1936 году генеральный штаб Японии разработал «Основные принципы плана ведения войны против Советского Союза». В нем ставились следующие задачи: «захватить Приморье и северный Сахалин»; сконцентрировать «все силы против СССР и в самом начале войны добиться военного успеха, уничтожив противника на Дальнем Востоке, используя авиацию, а также монголов, белогвардейцев, учинить беспорядки на территории противника и принудить его к капитуляции».

Было ясно, что Япония основательно готовится к войне с СССР. 25 ноября 1936 года в Берлине было подписано германо-японское Соглашение против Коммунистического Интернационала и секретный протокол к нему.

В этом соглашении стороны обязались «не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения СССР, в случае его нападения на Германию или Японию, а также не заключать с СССР каких-либо договоров, которые бы противоречили духу настоящего Соглашения». Подписав «Антикоминтерновский пакт», Япония пыталась заключить с Германией и военный союз в целях ведения совместной войны против нашей

страны в Европе и на Дальнем Востоке. Однако война против Советского Союза пока еще не входила в планы Гитлера.

27 сентября 1940 года Япония, Германия и Италия подписали Тройственный пакт, в котором провозгласили своим «основным принципом создание и поддержание нового порядка в районах Великой Восточной Азии и Европы» и выразили «решимость предпринимать согласованные действия в указанных районах». Мы знаем, какой ужасной трагедией для народов Европы и Азии обернулся этот «новый порядок».

Нападение японцев в июле 1938 года на советскую пограничную заставу близ озера Хасан было первой проверкой боеготовности Красной Армии на Дальнем Востоке.

После того как советские пограничники начали укреплять сопку Заозерную, что на российско-китайской границе, японский посол Мамору Сигемицу 20 июля 1938 года предъявил советскому правительству ультимативное требование: немедленно отвести войска от сопки. В ответной ноте Москвы указывалось, что Советский Союз никому не угрожает, но и посягательств на свою территорию не допустит. Но для японских военных это был всего лишь повод. По приказу генштаба Японии у границы с СССР была сосредоточена военная группировка, насчитывавшая более 38 тыс. человек. Уже 29 июля 1938 года японские войска перешли в наступление.

Существуют разные версии того, что послужило непосредственной причиной конфликта. Например, исследователь Б.Н. Славинский приводит мнение командующего Дальневосточным военным округом В.К. Блюхера о том, что реакция японцев была вызвана ошибочными действиями советских пограничников, которые непреднамеренно углубились на китайскую территорию на целых (!) три метра. Был ли прав Блюхер или нет — судить не беремся. Не исключаем, что именно это особое мнение через несколько месяцев послужило причиной его ареста.

Однако не в пограничных разногласиях, разумеется, было дело. Участие такой мощной японской группировки в разрешении «трехметрового инцидента» было ничем иным, как попыткой проверить на крепость нашу дальневосточную границу.

В.К. Блюхер

Но самое главное, после Портсмута, после нескольких лет интервенции, японские стратеги не сомневались ни в своих силах, ни в правомерности и справедливости своих действий. Всего три метра границы, причем чужой, китайской, которую советские пограничники якобы пересекли, — и в бой!

К 31 июля 1938 года японские войска захватили сопки Заозерную и Безымянную, продвинувшись в глубь Приморья на четыре километра. Эйфория продолжалась недолго. Уже к 9 августа после ожесточенных боев японские войска были отброшены с занятых ими позиций.

Потерпев поражение у озера Хасан, Токио решил взять реванш. В течение осени 1938 года было разработано два варианта войны против СССР. Первый предусматривал удар по советскому Дальнему Востоку с последующим продвижением к Забайкалью. Второй — удар по Монголии и выход через нее к Байкалу. Весной 1939 года было решено осуществить второй вариант агрессии. Сначала 1939 года командование Квантунской армии начало тщательную подготовку к нападению. К границам Монголии, к реке Халхин-Гол, перебрасывались сухопутные силы и авиация из центральных районов Маньчжурии и Китая. Развергивались наиболее боеспособные части, имеющие опыт военных действий и снабженные современной боевой техникой. В случае успешного

Г.К. Жуков

развития боевых действия в Монголии японские войска могли выйти в тыл Дальневосточной армии в районе Читы и Байкала, а затем перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, связывающую европейскую часть и районы Дальнего Востока.

Боевые действия у реки Халхин-Гол начались 12 мая и закончились 9 сентября 1939 года победой советских войск. С обеих сторон в них участвовало около 100 тыс. человек. Бои велись на фронте протяженностью 40—50 километров. Успех контрнаступления во многом был определен новаторскими действиями командующего 1-й армейской группой в Монголии Г.К. Жукова, чья полководческая звезда взошла именно в те героические дни.

Можно ли назвать масштабные боевые операции, в которых только с японской стороны погибло около 18 тыс. солдат и офицеров, «пограничным инцидентом»? Разумеется, нет. Это было ничем иным, как началом неудавшейся войны против СССР, локализованной на территории дружественной нам Монголии.

Подписание пакта Молотова - Риббентропа
23 августа 1939 г.

Ведь в Москве давно знали о секретном стратегическом плане генерального штаба Японии под названием «Оцу».

Советское руководство, сумевшее разгадать эти замыслы, в несколько раз увеличило численность вооруженных сил на Дальнем Востоке, и план «Оцу» был похоронен.

Проанализировав свое поражение на Халхин-Голе, японское правительство пришло к выводу: в настоящее время для войны с СССР сил недостаточно. Советский Союз оказался неудобным и опасным противником. Новое масштабное нападение было отложено до начала ожидавшегося вторжения Германии в СССР.

Досаду японского командования от поражения на Халхин-Голе усилило еще одно событие. В разгар советского контрнаступления, 23 августа 1939 года, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и нарком иностранных дел В.М. Молотов подписали в Кремле Пакт о ненападении. В Токио считали Берлин своим союзником в будущей войне против Москвы, и этот шаг Гитлера был воспринят с разочарованием — он явно противоречил «Антикоминтерновскому пакту».

В.М. Молотов

Ё. Мацуока

Значительно усилив свою военную группировку на Дальнем Востоке и одержав победы под Хасаном и Халхин-Голом, Советский Союз мог перевести дух. Было ясно, что японские генералы не скоро решатся вновь помериться силами с Красной Армией. К тому же для ведения масштабных операций Японии в первую очередь необходимо было топливо, поэтому ее прежде всего интересовали районы, где добыча и переработка нефти были уже налажены, то есть Юго-Восточная Азия.

Определившись с направлением военных действий на ближайшую перспективу, Токио 30 октября 1940 года выразил желание заключить с СССР пакт о ненападении. В ходе начавшихся переговоров нарком иностранных дел В.М. Молотов предложил японской стороне два варианта: подписать пакт о ненападении при условии возвращения России южного Сахалина и Курил или заключить пакт о нейтралитете, который предполагал невмешательство в случае агрессии со стороны третьих стран. Договор о нейтралитете Молотов обусловил отказом Японии от концессий на северном Сахалине.

12 апреля 1941 года японский министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока, обсуждая со Сталиным условия заключения пакта о нейтралитете, поставил вопрос о продаже Японии северного Сахалина. Сталин подошел к карте и сказал: «Япония держит все выходы

Подписание Пакта о нейтралитете между СССР и Японией
13 апреля 1941 г. (В.М. Молотов и Ё. Мацуока)

советского Приморья в океан... Теперь вы хотите взять северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз? Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба?» В ответ Мацуока стал убеждать его, что Сахалин нужен Японии для создания «нового порядка». И даже пытался склонить советского лидера к вторжению в Азию для завоевания «выхода к теплomu морю» через Индию, но не нашел поддержки. Быть может, знал глава японского МИДа, решивший сыграть на честолюбии Сталина, что еще император Павел I отправлял казачьи полки на завоевание Индии. Только смерть царя остановила эти планы, и русские отряды были возвращены.

Но, несмотря на все перипетии, 13 апреля 1941 года Пакт о нейтралитете между СССР и Японией сроком на 5 лет был подписан. В дополнение к нему Молотов и Мацуока обменялись письмами, зафиксировавшими обещание японской стороны ликвидировать в течение нескольких месяцев свои концессии на Сахалине. Выполнение этого обещания, однако же, затянулось до марта 1944 года. Японцы ждали до последнего: когда уже не было никаких сомнений, что война закончится победой СССР, они приступили к выполнению обязательств.

О том, что для Японии договор о нейтралитете с СССР был лишь тактическим соглашением, свидетельствуют многие факты. «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел, — заявил Мацуока во время пребывания в Берлине весной 1941 года, где он вел переговоры о совместных действиях в отношении СССР, — не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония вынуждена будет напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

Мацуока слов на ветер не бросал. Именно он, тот самый Мацуока, который страстно убеждал Сталина дружить с Японией и благодаря усилиям которого летом 1941 года был заключен Пакт о нейтралитете, стал ярким сторонником скорейшего начала войны против СССР на стороне Германии. 25 июня 1941 года, то есть через три дня после вторжения Германии в СССР, на заседании координационного совета и императорской ставки Мацуока призвал последовать примеру Германии и незамедлительно вступить в войну. «Подписание Пакта о нейтралитете не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт, — заявил он. — Я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете». На очередном заседании совета министров 27 июня он продолжал настаивать на безотлагательном нападении на СССР: «Если мы придем к заключению, что германо-советская война быстро закончится, встанет вопрос о направлении удара на север или на юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на север. Если же мы будем обсуждать северную проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся... Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска».

Нет никаких сомнений, что симпатии японских властей были полностью на стороне фашистской Германии. Если бы только это! Факты свидетельствуют, что, невзирая на существование Пакта о нейтралитете, Япония продолжала полномасштабную подготовку к войне. 7 июля 1941 года император Хирохито дал

указание тайно провести мобилизацию полумиллиона японцев. Генеральный штаб и военное министерство Японии разработали план подготовки и ведения наступательных операций против Советского Союза под названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). Для его реализации японская Квантунская армия на первом этапе была увеличена вдвое — до 700 тыс. человек. Всего для нападения на СССР была сформирована военная группировка численностью 1 млн человек.

План «Кантокуэн» предусматривал разгром советских войск в Приморье, оккупацию Владивостока, Хабаровска и удар в западном направлении вплоть до Омска. В соответствии с ним Япония намеревалась начать войну против СССР 29 августа 1941 года. А к октябрю того же года выход японских войск к озеру Байкал должен был быть завершен.

Теперь многое зависело от Германии. Напомним, что Гитлер планировал против СССР молниеносную войну. В Токио очень внимательно следили за развитием ситуации на советско-германском фронте. По опыту зная Россию с ее огромной территорией и суровым климатом, японцы понимали: если блицкриг окажется сорван, то дальнейший исход войны предугадать будет сложно.

С другой стороны, японские стратеги опасались, что в случае быстрого поражения СССР от Германии трудно будет добиться права на присоединение к Японии восточных районов России. Берлин дал понять, что без участия в войне Токио не сможет рассчитывать на эти территории.

Внутри руководства Японии мнения относительно сроков начала войны разделились. Одни, как военный министр Хидэки Тодзэ, убеждали, что нападать надо тогда, когда СССР, «подобно спелой хурме, готов будет упасть на землю к ногам Японии». Другие же, и прежде всего все тот же Мацуока, требовали начать войну незамедлительно.

Но напасть на СССР Япония все же не решалась. Уроки Хасана и Халхин-Гола оказались поучительны. К тому же в то время японская армия уже увязла в войне с Китаем, а ее флот вел операции на Тихом океане. Поэтому переброска войск к границе СССР требовала отвлечения их с других театров военных действий.

Выбор направления удара определила нефть. Известно, что Япония не имеет своих нефтяных ресурсов. В 1941 году 88% всех ее потребностей в нефти удовлетворяли канадские, голландские и американские компании. После того как Япония 25 июля 1941 года вторглась в Индокитай, правительство США ввело эмбарго на поставку нефти в Японию. Вслед за Америкой эмбарго объявили Англия и Голландия.

По разным оценкам, в Японии нефти оставалось всего на 3—4 месяца. В таких условиях война против СССР была уже невозможна. Зимой любые операции на севере были бы крайне затруднительны, а продвижение в глубь Дальнего Востока и Сибири не дало бы японской армии легкодоступной нефти. Огромные расстояния, суровые сибирские условия, отсутствие у Японии достаточных ресурсов для длительного ведения войны — все это могло бы закончиться для нее катастрофой.

Взвесив все «за» и «против», японское командование 6 сентября 1941 года приняло решение о невозможности «развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля будущего года». Зная боевые возможности советских войск, японский генеральный штаб решил не рисковать и выступить только тогда, «когда немецкая армия захватит Москву и продвинется хотя бы до Волги». Уже 17 ноября 1941 года японский посол в Берлине Хироси Осима сообщил германскому правительству, что «нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал зимой 1941 — 1942 годов невозможно, и придется благодаря сложившимся обстоятельствам отложить выступление до весны». За это время намечалось осуществить военные операции на юге.

Но японские генералы следили за обстановкой на советско-германском фронте, и их долгосрочные цели на северном направлении оставались неизменными. В декабре 1941 года, в самый разгар боев под Москвой, в Токио разрабатывается «План административного управления районами Великой Восточной Азии». В соответствии с ним предполагалось, что Приморская область будет присоединена к Японской империи, а районы, граничащие с Маньчжурией, должны будут находиться под ее протекторатом.

Этот и другие планы Японии по расчленению территории советского Дальнего Востока оставались в силе вплоть до 1943 года.

Из всего этого следует, что Пакт о нейтралитете ни в коей мере не мешал японскому военному руководству планировать нападение на Советский Союз. Не останови мы немцев под Москвой, не собери мы все силы в мощный кулак для отпора врагу в первые месяцы войны — ничто бы не могло сдержать японские войска от вторжения. Да, Япония не напала на СССР, но вела самую настоящую масштабную подготовку войны, которая не началась лишь из-за провала гитлеровских планов и стечения ряда внешних обстоятельств. Именно поэтому Пакт о нейтралитете с СССР в Токио рассматривали формально действовавшим, но, по существу, считали его лишь прикрытием своих замыслов.

И все же насколько оправданно с моральной точки зрения вступление СССР в августе 1945 года в войну против Японии в нарушение действующего Пакта о нейтралитете? Ответ очевиден: Советский Союз не мог, не имел права поступить иначе. Шла Вторая мировая война. Фашистская Германия оккупировала почти всю Европу и попыталась стереть с политической карты мира нашу страну. Япония же установила свое господство в Восточной Азии и напала на США.

Лондон и Вашингтон встали на нашу сторону, с тем чтобы, объединившись с СССР, спасти мир от «нового порядка» концлагерей, газовых камер и дьявольской нацистской идеологии. Помощь, которую оказывали нашей стране союзники в начале войны, переоценить невозможно. Ежемесячная поставка 400 самолетов, 500 танков, более 150 зенитных пушек и 750 орудий и другой боевой техники, тысяч тонн бронированной стали, цветных металлов, продовольствия, одежды и медикаментов. Эта помощь помогла нам выдержать нечеловеческие испытания военных лет.

Чего бы стоила нам борьба в одиночку? Выстояли бы мы? Да, но с большими потерями. Не было и не могло быть никаких оправданий отказу от участия в совместной с союзниками борьбе против японского милитаризма после того, как они помогли нам отвести смертельную угрозу. Слишком многое пришлось пережить. Слишком велика была цена победы. И слишком чудовищны

были планы Германии и Японии по установлению мирового господства.

Как только 7 декабря 1941 года Япония атаковала Пёрл-Харбор, президент США Франклин Рузвельт через посла СССР в Вашингтоне М.М. Литвинова обратился к Сталину с просьбой объявить войну Японии. В дальнейшем союзники регулярно ставили этот вопрос перед советским руководством. При этом открытие второго фронта в Европе (на чем, в свою очередь, настаивал СССР) они неизменно увязывали с вступлением

М.М. Литвинов

Советского Союза в войну против Японии. Иначе говоря, война против Германии и ее сторонников в Европе и против Японии в Азии была, по существу, единым целым, и разделить ее было невозможно.

В принципиальном плане Сталин решил вопрос о войне с Японией сразу после победоносной Сталинградской битвы в 1943 году. 28 ноября 1943 года на Тегеранской конференции руководителей союзных держав он заявил: «К сожалению, мы пока не можем присоединить свои усилия к усилиям англо-американских друзей потому, что заняты на Западе, и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда - общим фронтом против Японии».

Такие обещания чего-то стоят. И это понимали наши союзники. В ответ они дали наконец согласие открыть второй фронт в Европе. Американцы понимали, что рано или поздно Сталин

И В. Сталин

назначит за участие в войне свою цену. На одном из внутренних совещаний американского руководства Рузвельт высказал предложение передать России южный Сахалин и Курилы. Но когда в декабре 1944 года в беседе с американским послом в Москве Авереллом Гарриманом Сталин назвал именно эти территории в качестве своего условия, Рузвельт был откровенно удивлен столь скромными требованиями генералиссимуса.

Сталин вообще всячески демонстрировал незаинтересованность в этом вопросе. В беседе с послами Великобритании и США 23 сентября 1944 года он поинтересовался: «Намерены ли Америка и Англия сами поставить на колени Японию без помощи Советского Союза?» В ответ и А. Керр, и А. Гарриман заверили его, что рассчитывают на активную помощь СССР.

Окончательно вопрос о начале войны с Японией был решен в Ялте. 11 февраля 1945 года И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль поставили свои подписи под Ялтинским соглашением. Союзни-

ки договорились, «что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии... возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин... и передачи Курильских островов». Запомните: через два-три месяца!

Уже 5 апреля 1945 года советское правительство заявило о своем желании денонсировать Пакт о нейтралитете. Посол Японии Наотакэ Сато был вызван на Смоленскую площадь, где ему было зачитано заявление советского МИДа. «Со времени заключения Пакта о нейтралитете, — говорилось в заявлении, — обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». В заявлении подчеркивалось, что «при таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл...»

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И.В. Сталин
на Ялтинской конференции

Именно Япония поставила себя в условия, при которых Пакт о нейтралитете фактически перестал действовать. Дело в том, что Япония не была жертвой агрессии, а сама начала военные действия против США и Англии. Тем самым она фактически создала ситуацию, когда реальное положение не соответствовало букве договора.

И все-таки Сталин не торопился объявлять войну Японии.

Если допустить, что его интересовали исключительно Курильские острова, то он явно рисковал, объявляя войну в самый последний

день, предусмотренный Ялтинским соглашением, — через три месяца после капитуляции Германии. Ведь было ясно, что США и Великобритания стремились добиться победы над Японией до вступления в войну СССР. Это общеизвестный факт.

26 июля 1945 года была принята Потсдамская декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии. Но Япония ее отвергла. Это произошло, как считают некоторые историки, по вине госсекретаря Джеймса Бирнса, вычеркнувшего из текста декларации положение о сохранении императорской системы управления в Японии, что и сделало невозможным принятие этого документа японской стороной. Конечно же, это была ошибка Госдепа. А если бы ее не было?

Американцы не оставляли надежд заставить Японию срочно капитулировать. Еще 28 мая 1945 года во время беседы со специальным посланником президента США Гарри Гопкинсом Сталин намекнул, что будет готов к войне с Японией только к 8 августа 1945 года. Не случайно новый президент США Гарри Трумэн, пришедший на смену скоропостижно скончавшемуся Рузвельту, решил использовать против Японии атомное оружие именно до 8 августа. В своих воспоминаниях госсекретарь США Бирнс писал:

Г. Трумэн

«Я бы предпочел обойтись без участия русских в войне. Несмотря на упорный отказ Японии принять условия безоговорочной капитуляции, я полагал, что успешное применение атомной бомбы вынудит ее капитулировать на наших условиях».

То, что Япония может отказаться от сопротивления сразу после бомбардировки Хиросимы 6 августа, было вполне вероятно. Если допустить, что она капитулировала бы либо сразу после опубликования Потсдамской декларации, либо после применения Соединенными Штатами атомного оружия, то вступление СССР в войну было бы уже недопустимо, и следовательно, договоренности, принятые в Ялте, уже были бы недействительны.

Но Сталин не торопился. Более того, он не предпринимал никаких усилий, дабы создать у японцев иллюзию, что кроме без-

Представитель СССР генерал-лейтенант К.Н. Деревянко ставит свою подпись под Актом о капитуляции Японии

оговорочной капитуляции возможны какие-либо другие варианты. Именно Сталин, которого вряд ли можно заподозрить в неумении вести дипломатические игры, откровенно информировал союзников о предложениях Японии выступить посредником между Вашингтоном и Токио. Он открыто отказался вести с Японией нечестную игру, которая бы давала Токио надежду на какой-либо иной исход. В Токио, естественно, не могли не знать о переброске советских войск с Запада на Дальний Восток и ожидали скорого начала войны с СССР. Капитуляция была лишь вопросом времени и здравого смысла.

Советские солдаты на территории Китая, освобожденной от японских войск. 1945 г.

Но как бы развивались события, если бы СССР отказался выступить на стороне союзников? Сколько японских городов было бы еще разрушено американскими бомбардировками? Сколько тысяч ни в чем не повинных людей стали бы их жертвами? Какова была бы участь японских солдат дислоцированной в Китае Квантунской армии? Вернулись бы они на родину?

Японская правящая верхушка не хотела признавать своего поражения. И 28 июля 1945 года отклонила условия Потсдамской декларации. 8 августа 1945 года Советский Союз объявил Японии войну.

Это произошло спустя четыре месяца после денонсации Советским Союзом Пакта о нейтралитете. У японских военных было время одуматься. Действительно, мы признаем, что, отказываясь от Пакта, СССР не мог отменить его формальное действие. Но Москва задолго предупредила Японию о своем решении и намерениях.

Это был единственный выбор. В то время как все жизненные силы государств и народов антигитлеровской коалиции были брошены на борьбу с Германией и ее союзниками, не могло быть

Представитель Японии министр иностранных дел М. Сигэмицу подписывает Акт о капитуляции 2 сентября 1945 г.

никаких оправданий уклонению от союзнического долга и вступлению в закулисные переговоры с одним из агрессоров — союзником Гитлера. Сохранение Советским Союзом нейтралитета с Японией после разгрома Германии выглядело бы в глазах США, Великобритании да и всего мира не иначе как предательство.

Разумеется, ни западные державы, ни СССР не были альтруистами, и все свои действия соизмеряли с собственными стратегическими интересами. Развязав в 1904 году войну и заставив Россию отказаться от южной части Сахалина, Япония нарушила Симодский договор 1855 года и Петербургский договор 1875 года, в которых провозглашалось, что Россия и Япония будут жить в «постоянном мире и искренней дружбе». Захватив огромные территории России в 1918—1925 гг., Япония нарушила Портсмутский мирный договор 1905 года. Именно поэтому справедливое наказание — отторжение у Японии территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате алчности», — соответствовало договоренностям союзников по Каирской декларации от 27 ноября 1943 года.

В книге Суэцугу красной нитью проводится утверждение о том, что все агрессивные войны, которые вела Япония, следует считать скорее вынужденными, что они были спровоцированы другими государствами. Япония будто бы не ставила перед собой

никаких экспансионистских целей. А если и ставила, то только поддавшись дурному влиянию других государств. Те агрессивные войны, в результате которых Япония захватывала чужие территории, согласно Суэцугу, подпадают под одну логику. Но после того, как Япония потерпела поражение во Второй мировой войне, он предлагает уже другую логику, которая развенчивает победителя и не допускает никаких территориальных потерь Японии.

Но везде и всегда проигравший мирился со своим поражением. Помните, как легко американцы уговорили Николая II отдать Японии южный Сахалин. Тогда Япония была победителем и чувствовала себя вправе получить территориальный «трофей». И получила его.

К сожалению, а может и к счастью, невозможно ограничить ответственность за агрессию только лишь утерей завоеванного. Всегда и везде агрессор рискует потерять больше: свою собственность, свою территорию, свою свободу и жизнь, наконец. Именно это всегда было сдерживающим фактором. За тысячи лет человеческая цивилизация не придумала ничего более эффективного для сохранения мира.

**Мирный договор
в Сан-Франциско:
что не устроило
Сталина?**

Мы говорили об обиде японцев на Россию. А как насчет русских? Обижаться на Японию могут и в России. Именно об «обиде» русского народа за оккупацию всего Дальнего Востока японцами в начале 1920-х годов говорил Сталин в письме президенту Гарри Трумэну от 16 августа 1945 года и требовал согласия США на занятие советскими войсками Курильских островов. Но время лечит. Сегодня мы уже не держим зла ни на немцев, ни на японцев. Но тогда, спустя всего 20 лет после завершения японской интервенции, «обида» на Японию была еще свежа.

В 1945 году война с Японией закончилась, пришло время подводить ее итоги и урегулировать послевоенные отношения. Это произошло не сразу, а только в 1951 году, когда был подписан Сан-Францисский мирный договор. В соответствии с ним Япония отказалась от южного Сахалина и Курильских островов. Однако договор не уточнял, в пользу какого государства Япония отказалась от принадлежавших ей до войны территорий. И потому, считает официальный Токио, отказ Японии от Курил не означает, что она передала их СССР, теперь уже России. Для подкрепления этого тезиса японцы сконструировали следующий логический ход: Советский Союз отказался поставить свою подпись под договором якобы потому, что участники Сан-Францисской конференции проигнорировали его требование закрепить за ним суверенитет над Курилами. А коль скоро участники договора были будто бы против передачи островов СССР, то их статус в международно-правовом отношении окончательно не определен.

Действительно ли это так? Попробуем разобраться. Как могло случиться, что США и Великобритания, наши союзники во Второй мировой войне, отказались закрепить отказ Японии от Курил в пользу СССР, хотя это и было определено Ялтинским соглашением? И возможен ли вообще безадресный отказ от суверенитета над территорией — без признания прав на нее другой страны? И наконец, что же не устроило Сталина: почему СССР более чем полвека назад не подписал многосторонний мирный договор с Японией, о важности которого говорят в настоящее время?

Вспомним, как резко изменилась картина международных отношений конца 40 — начала 50-х годов прошлого века. Как это часто бывает, бывшие союзники оказались по разные стороны баррикад. Все было пронизано духом соперничества стран-победительниц, стремлением США и Советского Союза заполнить собой возникший в итоге поражения Германии и Японии вакуум силы — и в Европе, и на Дальнем Востоке. Активно шло строительство враждебных военных союзов. Сначала у США, потом и у СССР появился железный аргумент в «холодной войне» — ядерное оружие.

На фоне этих глобальных перемен проблема урегулирования отношений с Японией для советского руководства казалась второстепенной. Для Москвы приоритетным было создание на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии мощного коммунистического «хребта» — Китай, Корея, Вьетнам и Индонезия. На роль его стержня больше всего подходил Китай. После победы там коммунистов и бегства на Тайвань правительства Чан Кайши СССР было важно добиться международного признания Китайской Народной Республики (КНР) и ее участия в мирном урегулировании с Японией. Это была задача номер один.

Японию же в Кремле рассматривали как еще одного потенциального кандидата в дружную коммунистическую семью народов. Но это была иллюзия. В условиях господства в Японии американских оккупационных войск у Советского Союза не было серьезных рычагов влияния на ситуацию. Попытки опереться на мощные протестные выступления коммунистических и левых сил внутри Японии — хотя таковые и случались — успеха не имели.

Разумеется, вашингтонские стратеги тоже не сидели сложа руки. Они обустроивали в Японии свои военные базы, не забывая при этом подогревать враждебное отношение японцев к нашей стране.

Первые ростки противоречий между союзниками начали проявляться сразу после победы. Когда 15 августа 1945 года Сталин получил на согласование «Общий приказ № 1» о деталях капитуляции японских вооруженных сил, он с удивлением обнаружил, что в зону оккупации советских войск не включены Курилы. Сталин был возмущен. Он немедленно направляет американскому президенту Трумэну письмо (о нем уже говорилось выше) с просьбой включить в эту зону Курилы, а также северную часть Хоккайдо. В ответ Трумэн, с легкостью согласившись с требованием Сталина по Курилам, возразил против присутствия советских войск на Хоккайдо. Одновременно он пожелал «располагать правами на авиационные базы на одном из Курильских островов». По поводу Хоккайдо Сталин и не настаивал — это был лишь тактический ход. А в предоставлении базы решительно отказал. Все закончилось легкой словесной перепалкой. Но с этого момента некогда искренние отношения союзников на Дальнем Востоке вошли в фазу противостояния.

Послевоенная граница Японии определялась следующим образом. Пойдя на безоговорочную капитуляцию, Япония полностью согласилась с условиями Потсдамской декларации, по которой суверенитет Японии ограничивался островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и иными, менее крупными, которые должны были указать союзники. 2 сентября 1945 года в Акте о капитуляции Японии согласилась, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия этой декларации». А уже 29 января 1946 года главнокомандующий войсками союзных держав генерал Джозеф Макартур в меморандуме императорскому правительству определил территорию Японии без включения в нее Сахалина и Курильских островов. При этом острова Хабомаи и Шикотан также были исключены из территориальной принадлежности Японии. Это был знак. 2 февраля 1946 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР южный Сахалин и Курильские острова вошли в состав Сахалинской области Хабаровского края.

Казалось бы, можно ставить точку. Однако, по мнению США, которые в принципе не возражали против передачи Курил Советскому Союзу, курильский вопрос требовал юридического оформления на международной конференции, на которой предстояло решить вопросы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Это задевало Сталина. Он настаивал, что проблемы мирного урегулирования с Японией, в том числе и территориальные, должны решаться исключительно в рамках имеющихся четырехсторонних договоренностей стран-победительниц. Американцы же стремились привлечь к переговорам как можно больше государств (даже не воевавших с Японией), чтобы минимизировать возросшее влияние СССР.

Но в целом — и это надо признать, — несмотря на возникающую стену отчуждения, в Вашингтоне не собирались отказываться от ялтинских обязательств. Все попытки Японии убедить США отойти от буквы Ялты хладнокровно пресекались. И хотя в недрах американского госаппарата по проблемам урегулирования на Дальнем Востоке шла борьба мнений, в американской администрации преобладала жесткая линия в отношении Японии и умеренно-конфронтационная в отношении СССР.

В июле 1947 года США предложили созвать конференцию 11 стран — участниц Дальневосточной комиссии для подготовки мирного договора с Японией. СССР внес контрпредложение — решить вопрос на встрече министров иностранных дел СССР, США, Китая и Великобритании. Узкий формат обсуждения уравновешивал шансы сторон по вопросу будущего устройства Японии и, по мнению США, был чреват неожиданностями. Понятное дело, американцы не хотели делить с кем бы то ни было право определять будущее страны, которую первым «открыл» Перри, и решили взять в свои руки инициативу составления проекта договора. Поскольку позиция Вашингтона по широкому составу участников мирной конференции была неизменна, СССР решил бойкотировать американские инициативы.

Бытует мнение, что США стремились заблокировать участие Москвы в договоре и не желали закреплять в нем принадлежность Курил Советскому Союзу. В действительности дело обстояло не

Дж. Ф. Даллес

так. И это очень важно! Все американские и первый американо-английский проекты договора предусматривали вполне приемлемые для СССР формулировки. Об этом красноречиво свидетельствуют опубликованные документы Госдепартамента США. В августе 1947 года политический советник ведомства Чарльз Болен писал своему руководству: «Поскольку мы заинтересованы, чтобы Россия участвовала в этой конференции, и не намерены нарушать Ялтинское соглашение, я думаю,

что было бы благоразумно передать это советскому Поверенному в делах и информировать его устно о том, что США, разумеется, выполнят свои обязательства, указанные в Каирской декларации, Ялтинском соглашении по Дальнему Востоку и в Потсдамской декларации».

Уже в первом проекте мирного договора, подготовленном Госдепартаментом США в марте 1947 года, предусматривалось, что Япония передаст суверенитет над «Курилами, которые лежат между Камчаткой и Хоккайдо», Советскому Союзу. Обратите внимание: всеми Курилами, без исключения, до Хоккайдо.

Еще раз подчеркнем: и этот, и все последующие составленные американцами проекты предусматривали суверенитет СССР над Курилами и южным Сахалином. Что же тогда не устраивало Москву? Главным возражением СССР было нежелание США привлечь к процессу урегулирования коммунистический Китай. Причем настойчивость, с которой Москва отстаивала интересы Пекина, объяснима. Кремль видел в защите интересов Пекина важнейшую стратегическую задачу в Азии. А все, что касалось Японии, как бы отходило на второй план: и требование о выводе

оккупационных войск, и недопущение участия Японии в военных союзах. Курилы же вообще, казалось, были вне сферы внимания советского руководства.

В недрах американского госаппарата работа над проектом шла трудно и вязла в противоречиях между Госдепартаментом и Пентагоном. Положение дел изменилось в мае 1950 года, когда специальным советником Госдепартамента США по мирному урегулированию с Японией был назначен Джон Фостер Даллес. Уже к августу 1950 года

Я.А. Малик

он разработал принципы территориального урегулирования с Японией, согласно которым предусматривалось, что «Япония примет любое решение, к которому придут Соединенные Штаты, Великобритания, Советский Союз и Китай, в отношении будущего статуса Формозы (Тайваня), Пескадорских островов, Сахалина к югу от 50-й параллели северной широты и Курильских островов».

В октябре 1950 года американские предложения были переданы представителю СССР в ООН Я.А. Малику. 26 октября Даллес встретился с ним лично и пообещал, что при условии подписания Советским Союзом мирного договора в нем будут закреплены положения об отказе Японии от южного Сахалина и Курил в пользу СССР. Правда, в ответ нужно было признать американские интересы на Окинаве. И что же Малик? Ответ советского дипломата был отрицательный. Сейчас нам трудно понять его логику. Далась ведь нам эта Окинава! Где она? А Курилы — рядом. Вы можете возразить: дескать, Курилы были уже у нас в руках, и ни у кого не было никаких вопросов. Но тогда важно было предвидеть: что будет завтра, через 10, через 50 лет!

Сегодня очевидно, что в американском подходе не было ничего, что требовало бы жесткого противодействия с нашей стороны. Вопрос об американских военных базах был уже пред-решен. Но раскрутившийся маховик «холодной войны» и идеологического противостояния был уже запущен. В итоге СССР полностью отказался от участия в переговорах, которые бы давали возможность как-то влиять на текст будущего документа. При этом советская сторона не формулировала никаких контрпредложений. Цель такого молчания была чисто пропагандистская — лишить американскую дипломатию возможности утверждать, будто СССР принял участие в обсуждении договора.

Дальнейшие события показали, что отказ от переговоров был серьезной ошибкой. Стратегические задачи мы решить не смогли, а возможность получить дополнительное международное признание своих территориальных приобретений просто проигнорировали. Отказ СССР от переговоров вызывал сильное раздражение американцев и, как следствие, желание создать для нас дополнительные проблемы. «Нет смысла стараться обеспечить советский титул на эти территории, если Советский Союз не участвует в договоре», — заявил Даллес в беседе с послом Великобритании Оливером Фрэнксом. На встрече с министром иностранных дел Австралии Даллес выразил свою точку зрения еще более определенно. «США, — сказал он, — не видят смысла в том, чтобы помогать Советскому Союзу получить этот титул, если СССР не будет участвовать в договоре».

Долго ждать не пришлось. 23 февраля 1951 года Даллес подготовил очередной проект мирного договора, который закреплял передачу Японией Советскому Союзу южного Сахалина и Курил, но статья 19 предусматривала, что договор не предоставит никаких прав и преимуществ странам, его не подписавшим. Это была еще одна попытка подтолкнуть СССР к переговорам.

И на этом американцы не остановились. На пресс-конференции 28 марта Даллес заявил, что США остаются приверженцами Ялтинского соглашения. Однако, добавил он, США не считают, что Хабомаи является частью Курил. Вот это был разворот! Дело в том, что американцы достаточно жестко отклоняли все просьбы

Токио не закреплять в договоре отказ Японии от Курил. Поэтому заявить об исключении из Курильской гряды небольшой группы островов Хабомаи было своего рода символической уступкой Японии. Однако США — и это тоже важно — были не намерены придавать этой оговорке форму официального документа.

Пока текст договора согласовывался с Токио, неожиданную активность стала проявлять Великобритания. После войны она стремительно теряла свое влияние на Дальнем Востоке и для его поддержания решила стать одним из ключевых игроков в ведущихся переговорах, которые определили бы судьбу региона на длительную перспективу. В Лондоне был подготовлен собственный проект договора с Японией.

В марте 1951 года Даллес срочно вылетел в Лондон для выработки совместного проекта. Текст был готов к началу мая. Проект по-прежнему предусматривал, что «Япония уступает СССР Курилы и южную часть Сахалина с прилегающими островами, суверенитет над которыми принадлежал ранее Японии». До конференции в Сан-Франциско оставалось еще четыре месяца.

Но ситуация внезапно осложнилась. Великобритания стала активно отстаивать интересы КНР, с которой она в 1950 году установила дипломатические отношения. США же поддерживали правительство Чан Кайши на Тайване. Возник спор: кому Япония должна передать остров Тайвань. Кого считать преемником Китайской Республики — правительство Чан Кайши или КНР? В качестве компромисса англичане предложили закрепить в договоре отказ Японии от Тайваня в пользу Китая, без уточнения, какой именно Китай имеется в виду. Даллес же внес кардинально новое предложение: изложить статьи об отказе Японии от Курил и Тайваня идентично — без указания, кому они будут принадлежать. Именно так, не обозначив в договоре принадлежность Курил Советскому Союзу, можно было успокоить Китай, так как статус Тайваня тоже оставался неопределенным.

Таким образом, 14 июня 1951 года на свет появился новый американо-английский проект. В нем Япония отказывалась от Курил без ссылки на то, что она делает это в пользу СССР. В абсолютно идентичных формулировках Япония отказывалась и от Тайваня.

А.А. Громыко

Заподозрив, наконец, неладное, в Москве приняли решение направить на Сан-Францисскую конференцию делегацию во главе с заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко. Осознавая, конечно, что уже никакие поправки к договору скорее всего приняты не будут, Громыко выступил с критикой американско-британского проекта и попытался внести ряд предложений. Но было поздно. Все поправки были проигнорированы. В том числе и вопрос

передачи СССР суверенитета над Курилами. Всего под договором поставили свои подписи 49 государств, включая Японию. Советская делегация отказалась подписать Сан-Францисский договор. Ее примеру последовали только делегации Польши и Чехословакии. Это был провал.

Изучая историю подготовки Сан-Францисского договора, мы обнаружили удивительный факт. И после появления американского проекта, и после публикации американско-английских вариантов мирного договора с Японией, последний из которых исключал упоминание перехода Курил и южного Сахалина к СССР, советские руководители, как ни парадоксально, продолжали бездействовать. Ни в «Замечаниях правительства СССР по поводу проекта США мирного договора с Японией» от 7 мая 1951 года, ни в ноте правительства СССР правительству США о мирном договоре с Японией от 10 июня 1951 года нет даже намека на заинтересованность прописать в нем передачу Курил Советскому Союзу. Трудно поверить, но это так! Эти многостраничные документы содержали все, что угодно: и заявление о необходимости участия в процессе переговоров КНР и передачи ей Тайваня, и требование вывода оккупационных войск из Японии, и положение, запрещавшее Японии участвовать в военных союзах, и многое, многое другое. О Курилах — ни слова! Лишь в опубликованном в «Правде» выступлении министра иностранных дел КНР удалось

найти критику проекта договора за то, что в нем не закреплялась принадлежность Тайваня Китаю, а Курильских островов — СССР. Ну а мы-то чего стеснялись?

Проблема Курильских островов тогда, по всей видимости, казалась незначительной в сравнении с глобальными планами советского руководства. Огромный Китай — союзник на далекую перспективу. Ради него, ради его признания мировым сообществом советское руководство шло ва-банк, забывая о «мелочах», которые могли, однако, в будущем превратиться в серьезную проблему. Сейчас уже абсолютно ясно: подпиши мы тогда договор — даже в его ухудшенном конечном варианте, — Советский Союз не только ничего бы не потерял, но и выиграл — не было бы сегодня российско-японской территориальной проблемы в ее нынешнем виде. Не за что было бы зацепиться.

На ум приходит только одно объяснение. Сталин мыслил глобальными категориями. Китай для него все же был несравненно важнее. Вопрос принадлежности Курил Советскому Союзу он считал окончательно решенным. Ведь великие руководители великих государств поставили свои подписи под Ялтинским соглашением. Этого для Сталина было достаточно! Такие люди всегда держали слово. Главы государств США и Великобритании согласились, что в результате послевоенного урегулирования южный Сахалин и все Курилы вернутся в состав России. И они вернулись. И хотя вместо Рузвельта президентом был уже Трумэн, американцы прекрасно знали историю островов, и если бы вопрос стоял об исконно японских территориях, они ни за что не согласились бы с изменением принадлежности Курил.

Отметим еще один нюанс. Договор не обозначил географические рамки Курильских островов, от которых отказывалась Япония. По этой причине Токио сейчас утверждает, что Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан якобы не входят в Курилы. Опускаем банальные доказательства прописных истин, что отсутствие уточнений вынуждает трактовать любой термин максимально широко — так, как он толковался до подписания документа. Ясно, что при наличии разночтений в понятие «Курилы» должны быть включены все острова, которые когда-

либо именовались в Японии и России Курилами. Примеров на этот счет предостаточно. Начиная от различных российских, японских и европейских карт, на которых эти острова отнесены к Курилам, до внутренних японских документов, определяющих административное устройство этих территорий.

Историк К.Е. Черевко, изучивший этот вопрос, приводит следующие свидетельства. В частности, по приложению к указу премьер-министра Японии от 15 августа 1869 года № 734 в состав Курильских островов были включены острова Кунашир и Итуруп, а по указу премьер-министра и министра внутренних дел Японии от 6 января 1885 года № 1 в состав провинции Курил был включен уезд Шикотан и позднее уезд Суйсё (ныне Хабомаи). В «Лоции южного Сахалина и Курильских островов», изданной в марте 1937 года в Японии, определяется, что Курильские острова — это гряда островов вулканического происхождения. Она «включает Кунашир, Итуруп, Уруп, Парамуршир... Сюда же относятся острова Суйсё (Хабомаи) и остров Шикотан». На картах, помещенных в 10-м томе Японской географической энциклопедии 1930 года и географическом атласе Японии 1936 года, все острова Хабомаи и остров Шикотан показаны как входящие в состав Курильских островов.

Можно привести множество высказываний японских должностных лиц, указывающих на то, что в географическом и даже административном смысле указанные острова рассматривались как входящие в Курильскую гряду. Достаточно упомянуть, что 19 октября 1951 года, во время дебатов в комиссии палаты представителей парламента Японии по вопросу о ратификации договора, директор договорного департамента МИД Японии К. Нисимура заявил, что «о пределе островов Тисима [Курильские острова. — *Примеч. авт.*] я думаю, что в договоре имеется в виду как Кита-Тисима [Северные Курилы. — *Примеч. авт.*], так и Минами-Тисима [Южные Курилы. — *Примеч. авт.*]». Уже упоминавшийся нами Суэцугу так прокомментировал заявление Нисимур: «Конечно, это был неопределенный ответ, и он не мог не вызвать ошибку. В феврале 1956 года японское правительство заявило свою официальную точку зрения и впредь намерено последовательно

придерживаться позиции, что Япония не включает северные территории — Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп — в состав Курильских островов (Тисима Рэтто)».

Минуточку: это заявление японского правительства было сделано только в 1956 году, то есть спустя пять лет после отказа от Курил по Сан-Францисскому договору. Так какова же его цена? Ведь до Второй мировой войны вхождение этих четырех островов в состав Курильской гряды никогда никем не ставилось под сомнение. Да и сегодня в Японии для внутреннего пользования четыре острова называют именно Тисима, то есть Курилы. Конечно, в политическом контексте их назовут «северными территориями», а в географическом — Южные Курилы. И никак иначе. Вот ведь неувязка!

Не будем скрывать тот факт, что Даллес в ходе конференции в Сан-Франциско действительно заявил: по мнению США, группа островов Хабомаи не входит в географическое понятие Курил. Так начиналось столкновение Японии и России американцами. Сразу же вслед за Даллесом аналогичное заявление сделал и премьер-министр Японии Иосида, отметив, что Хабомаи и Шикотан являются частью острова Хоккайдо. Все эти оговорки не меняют сути дела, поскольку не были прописаны в договоре. Но главное — они были сделаны только в отношении двух островов. А Япония требует четыре.

Таким образом, все новые интерпретации термина «Курильские острова», появившиеся после 1945 года, а именно: после Ялтинской конференции и капитуляции Японии в соответствии с Потсдамской декларацией, не имеют существенного значения, поскольку договоренности или обязательства государств определяются общепринятыми положениями, существующими на момент принятия таких обязательств или договоренностей.

А как расценили результаты Сан-Францисской конференции в Москве? Вскоре стало очевидно, что, не подписав договор, мы совершили серьезную дипломатическую ошибку. Вот что вспоминал по этому поводу Н.С. Хрущев. «Конечно, — писал он, — лишь единственное решение бывает полностью разумным, но могут быть и компромиссные решения. В данном же случае заключение мирного договора вообще не требовало никакого компромисса. Отказ — это затемнение мозгов и проявление тупоумия». «Такой

опытный дипломат, - писал Хрущев о министре иностранных дел СССР В.М. Молотове, — каким мы его считали, и вдруг оказал нашей стране такую медвежью услугу».

Нелестная оценка. Для нас же принципиально важно следующее. Причиной отсутствия в Сан-Францисском договоре положения о суверенитете СССР над Курилами стала наша собственная ошибка. Ведь ни США, ни Великобритания не были против нашего суверенитета.

Поскольку еще в феврале 1947 года без каких-либо протестов со стороны других государств СССР объявил свой суверенитет над Курилами и южным Сахалином, то простой отказ от них Японии по Сан-Францисскому договору в 1951 году подтверждал их принадлежность Советскому Союзу. Япония отказывалась от территорий, на которые никто, кроме СССР, никогда не претендовал и претендовать не мог.

Государство может приобрести право на занятую им в ходе войны территорию другого государства в том случае, если последнее официально от нее отказывается. А Япония от Курил отказалась. Причем также от всех прав и оснований на них.

**Совместная
декларация СССР
и Японии 1956 года –
поражение
или победа?**

Не подписав в 1951 году Сан-Францисский мирный договор. Советский Союз формально продолжал оставаться с Японией в состоянии войны. Страны не имели дипломатических отношений друг с другом, экономические связи были на нуле.

Такое положение противоречило интересам обеих стран, поэтому спустя четыре года после Сан-Францисской конференции Москва и Токио приняли решение сесть за стол переговоров в целях урегулирования послевоенных отношений. В октябре 1956 года в Москве была подписана Совместная декларация СССР и Японии. Она прекращала состояние войны, восстанавливала мир и добрососедские отношения между двумя странами. Декларация предусматривала также продолжение переговоров о заключении мирного договора и передачу Японии после его подписания островов Хабомаи и Шикотан.

Казалось бы, все точки над «i» наконец расставлены и можно, забыв прежние обиды, строить мирные, добрососедские отношения. Но очень скоро обнаружилось, что руководство Японии вовсе не считает, что уступка двух островов будет окончательным решением территориального вопроса. Японское правительство интерпретирует статью декларации о передаче островов Хабомаи и Шикотан лишь как промежуточное решение и настаивает на «возвращении» четырех островов — Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан.

В свою очередь, Россия уверена, что декларация окончательно очертила максимально возможные уступки Японии со стороны России по территориальному вопросу, имея в виду возможность передачи только Хабомаи и Шикотана.

Такое расхождение во мнениях кажется весьма странным. Ведь текст декларации, над которым скрупулезно работали дипломаты двух стран и который был ратифицирован парламентами СССР и Японии, должен был исключать какие-либо неопределенности. Как же могло случиться, что эта декларация вызывает в Японии такое неоднозначное толкование?

Попробуем разобраться. Переговоры о подписании мирного договора начались в Лондоне по инициативе СССР в июне 1955 года. Советскую сторону представлял ставший к тому времени послом в Великобритании Я.А. Малик, японскую — посол Сюнъити Мацумото.

Решившись на восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом, Япония преследовала четыре важнейшие цели: урегулировать свои отношения с СССР, включая пограничные проблемы; вернуть находившихся в СССР японских военнопленных; получить согласие Советского Союза на вступление Японии в ООН и урегулировать вопросы рыболовства. При этом она надеялась вернуть хоть что-то из утраченных ею после Второй мировой войны территорий.

Переговоры проходили нелегко. Малик предложил японцам признать суверенитет СССР над южным Сахалином и Курилами, на что Мацумото потребовал вернуть Японии все утраченные ею территории.

В дальнейшем набор требований друг к другу варьировался, но каждая из сторон имела в запасе свой оптимальный вариант, на который она готова была пойти для урегулирования двусторонних отношений.

По воспоминаниям Такесо Симоды, тогдашнего руководителя Договорного департамента МИД Японии, у Мацумото было три уровня требований к советской стороне. Первый, максимальный, — требование всех Курил и южного Сахалина. Второй — возвращение островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. И третий, минимальный, — только Хабомаи и Шикотан. Существовал и самый неприятный для Токио вариант развития событий: Москва могла вообще отказаться от каких-либо уступок, и это было вполне вероятно.

Как утверждает Симода, в начале переговоров возвращение Хабомаи и Шикотана рассматривалось как достаточное

Переговоры Я.А. Малика и С. Мацумото в Лондоне

условие окончательного урегулирования территориальной проблемы. Остальные требования были тактические и носили, по мнению дипломата, вспомогательный характер. В июле 1955 года переговоры были прерваны, и Малик отправился в Москву для консультаций.

Переговоры возобновились в начале августа 1955 года. И сразу же последовала сенсация. За чашкой чая в резиденции японского посла Малик предложил урегулировать территориальную проблему, передав Японии Хабомаи и Шикотан. Предложил сам, без всякого давления со стороны Мацумото. Японские дипломаты были ошеломлены.

Чем же была вызвана такая неожиданная уступчивость? Желанием быстро заключить мирный договор до вмешательства в этот процесс американцев? Или уверенностью в том, что японская сторона согласится с предложением Малика? Это остается загадкой. Однако известно, что Малик до начала переговоров встречался с Н.С. Хрущевым, и ему скорее всего пришлось выполнять указания советского лидера.

Так или иначе, Мацумото ликовал. Успех переговоров, считал он, был практически предreshen. Но переговорный процесс пошел по незапланированному сценарию.

До сих пор многие исследователи полагают, что если бы советский посол на начальном этапе переговоров не открыл все свои карты, а вел затяжной торг, то вскоре мирный договор мог бы быть подписан на тех условиях, к которым были готовы обе стороны.

Это предположение, конечно же, условно. Напомним, что незримыми участниками переговоров были американцы, для которых важно было сохранить территориальную проблему — будущий раздражитель в советско-японских отношениях. Вашингтон внимательно следил за ходом переговоров, прорабатывая различные варианты. Японские и американские дипломаты вели постоянные консультации, причем МИД Японии регулярно запрашивал мнение и поддержку. Госдепартамента США по поводу своих территориальных претензий.

Известно, что США с самого начала были уверены в том, что СССР ни при каких обстоятельствах не уступит Японии даже Хабомаи и Шикотан, поэтому смело поддержали японцев — но только по этим двум островам. По мнению американцев, этого было вполне достаточно, чтобы заблокировать советско-японское сближение. Но после неожиданного предложения Малика американцам пришлось вносить коррективы в свою позицию.

Итак, после получения шокирующего предложения Малика Мацумото незамедлительно направил телеграмму в Токио и сообщил о компромиссном предложении СССР. Каково же было его удивление, когда из Токио он получил совершенно новую инструкцию: теперь минимальным требованием МИДа Японии было уже не два, а четыре острова — Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Судьбу же остальных Курильских островов МИД Японии предлагал решить на международной конференции. Мацумото передал на рассмотрение советской стороне соответствующий проект мирного договора, который, естественно, был отвергнут.

Переговоры вновь зашли в тупик: Япония выдвинула требования, абсолютно неприемлемые для Москвы. Ведь по Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от всех без исключения Курильских островов. И если относительно Хабомаи и Шикотана в Сан-Франциско и японцы, и американцы делали хоть какие-то оговорки, то в отношении Кунашира и Итурупа на тот момент су-

шествовало всеобщее понимание (причем и в самой Японии), что эти острова являются частью Курильской гряды.

Было очевидно, что ужесточение официальной позиции Японии произошло в результате ошибочной переговорной тактики советских представителей. К сожалению, Малик недооценил японцев. Помните, как стойко держался в Портсмуте Комура, даже имея на руках инструкцию из Токио отказаться от требований Сахалина? И нам надо было придерживаться такой линии.

Второй этап переговоров начался в Лондоне 17 января и продолжался до 20 марта 1956 года. Позиции сторон не претерпели существенных изменений, и переговоры вновь закончились безрезультатно.

Они были возобновлены лишь в июле и проходили в Москве. Японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Мамору Сигемицу. Его партнером был советский министр иностранных дел Д.Т. Шепилов. Ход переговоров практически повторял все то, что происходило в Лондоне. Сигемицу формулировал различные комбинации все тех же территориальных требований и получал категорические отказы обсуждать судьбу Кунашира и Итурупа.

Твердая линия Москвы и неприятие чрезмерных притязаний японской стороны в конце концов убедили Сигемицу в бесплодности дискуссий. В августе 1956 года он был готов подписать договор на советских условиях. «Необходимо определить нашу линию поведения, — писал он в Токио, — дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам Хабомаи и Шикотана будет поставлен под сомнение».

Но разрешения из Токио он так и не получил. Неожиданно вмешались Соединенные Штаты. В середине августа из уст госсекретаря США Джона Даллеса прозвучало ультимативное заявление: если Япония пойдет на подписание мирного договора с СССР с условием передачи лишь двух островов — Хабомаи и Шикотана, то США оставят за собой Окинаву. Для японцев это был удар ниже пояса!

Разумеется, наши бывшие союзники думали не о том, как помочь СССР и Японии разрешить противоречия, а о том, как

блокировать возможные пути урегулирования вопроса. При этом США в очередной раз отказывались поддержать и новый японский «аргумент» — относительно невхождения Кунашира и Итурупа в Курильскую гряду.

И это неспроста. Ведь нужно было не только заставить Японию выдвинуть новые претензии к СССР, но и сделать перспективу их удовлетворения несбыточной.

После безрезультатного завершения миссии Сигемицу премьер-министр Японии Итиро Хатояма принимает решение лично ехать в Москву. Он был серьезно

болен, и врачи категорически возражали против этой поездки, предупреждая, что она может завершиться для него самым худшим образом. Но для Японии было важно в кратчайшие сроки нормализовать отношения с СССР. Этого требовали ее политические и экономические интересы. Японские рыбопромышленники настаивали на скорейшем урегулировании отношений. Но как быть с претензией Японии на четыре острова, если они ни при каких обстоятельствах не могли быть удовлетворены?

Внимание! Сейчас начинается самое интересное. Хатояма предлагает советской стороне выход из создавшегося тупика — подписать не мирный договор, а документ, не предполагающий его ратификацию и решающий лишь первоочередные задачи. Еще до отъезда в Москву, 11 сентября 1956 года, он направил Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину послание, в котором предложил нормализовать отношения на основе пяти пунктов. Вот они: 1) прекращение состояния войны, 2) обмен посольствами, 3) немедленная репатриация оставшихся в СССР японских военнопленных, 4) вступление в силу рыболовной конвенции, 5) под-

Н.А. Булганин

держка Советским Союзом приема Японии в ООН. Таким образом, территориальный вопрос предлагалось отложить.

Получив от советской стороны согласие на продолжение переговоров, Хатояма направил в Москву своего полномочного представителя Мацумото.

29 сентября Мацумото и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко обменялись письмами, в которых согласились продол-

жать переговоры о заключении мирного договора и урегулировать территориальную проблему после восстановления дипломатических отношений. Другими словами, поскольку в письме Булганину Хатояма фактически предложил отложить территориальный вопрос, японцам было важно получить подтверждение, что он не будет забыт и переговоры по нему продолжатся. И такое подтверждение они получили в форме письма Громыко. Этот момент стоит запомнить.

Переговоры основных делегаций начались 13 октября 1956 года. А уже 16 октября 1956 года министр сельского хозяйства и лесоводства Японии Итиро Коно на встрече с Хрущевым, ссылаясь на изменение внутривнутриполитической ситуации в Японии, попросил внести в проект декларации фразу о передаче Хабомаи и Шикотана.

Этот разговор очень важен, поэтому приведем его максимально подробно. «Нормализация отношений между СССР и Японией, — заявил Коно, — должна быть достигнута на основе пяти пунктов, изложенных в письме премьер-министра Хатояма и в ответе Булганина. Как известно, после обмена письмами в Москву был направлен наш уполномоченный Мацумото для более подробного изложения наших взглядов об организации переговоров. Мы полагаем, что переговоры должны быть завершены в духе указанных пяти пунктов. Но внутривнутриполитическое положение Японии и прежде всего острый конфликт внутри правящей политической

И. Хатояма

Переговоры И. Хатояма и Н.С. Хрущева в Москве о восстановлении отношений между СССР и Японией. 1956 г.

партии (имеется в виду группировка Иосида) делают нашу позицию в Москве исключительно трудной и мешают решению целого ряда вопросов. Японская сторона считает, что нужно как можно скорее нормализовать отношения. Но для того, чтобы нормализация отношений прошла гладко, без последствий, необходимо вернуть Японии острова Хабомаи и Сикотан [в записи беседы остров Шикотан именуется Сикотаном. — *Примеч. авт.*]. Все остальное можно было бы решить в последующее время. Я извиняюсь, что предлагаю некоторое отступление от пяти пунктов, но к этому меня вынуждает внутриполитическое положение Японии».

На это неожиданное предложение Хрущев ответил так: «Советское правительство согласилось с основными положениями письма, и пять пунктов Хатояма были приняты в качестве исходного момента. При этом было установлено, что территориальный вопрос не будет решаться. Обо всем этом и было сказано в ответном письме Булганина.

Документы, которые были вручены вчера японской делегации, строго вытекают из упомянутых пяти пунктов. Мы не можем понять, почему новые условия завершения переговоров представляются неприемлемыми для Японии, как заявил г-н Коно, и что они не будут поддержаны общественным мнением Японии.

Г-н Коно ставит вопрос о передаче Хабомаи и Сикотана. Но это такой вопрос, который может быть решен только мирным договором...

Японское правительство должно понять также положение Советского Союза. Наш народ знает, что мы пошли по территориальному вопросу на большие уступки. Мы отдаем Японии острова Хабомаи и Сикотан. Но наш народ не понял бы нас, если бы мы пошли на еще большие уступки и передали бы Японии новые территории, законно принадлежащие нашему государству. Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Сикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос великим и полностью следует считать разрешенным...

Может быть, для японской стороны окажется приемлемым такой вариант: мы можем записать, что Советский Союз согласен передать Японии Хабомаи и Сикотан. Но это будет означать, что в этом случае исключается известное положение о том, что при заключении мирного договора между сторонами будут вестись переговоры по территориальному вопросу, ибо передача Хабомаи и Сикотан представляет собой окончательное решение территориального вопроса. Можно было бы оформить этот вопрос следующим образом. Мы уступим указанные острова Японии и зафиксируем это положение в документе. Однако фактическая передача указанных территорий Японии последует после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинава и другие исконные японские территории, которые захвачены США. Советская сторона готова пойти на такое решение вопроса с тем, чтобы облегчить положение японской делегации. Разумеется, японская сторона имеет возможность выбора: либо она согласна завершить переговоры на условиях только пяти пунктов, либо к этим пяти пунктам в виде дополнения может быть внесена статья о Хабомаи и Сикотан».

Из содержания беседы видно, насколько ясно Хрущев довел до японской стороны свою позицию. С пониманием приняв аргументы Коно, он изменил по его просьбе проект документа, который концептуально стал отличаться от первоначально предложенного Хатоямой.

Казалось бы, все ясно. Но уже после окончания переговоров и подписания Совместной декларации японская сторона стала утверждать, что письма Громыко и Мацумото о продолжении переговоров по территориальному вопросу относятся не к проекту из пяти пунктов, а к окончательному тексту Совместной декларации.

Вот такой хитрый ход. По нашему мнению, смысловое объединение текста Совместной декларации и обменных писем Громыко и Мацумото абсолютно недопустимо. А именно это и является одним из ключевых моментов японской переговорной линии.

Обмен указанными письмами, как заявляет японский МИД, «открыл путь к восстановлению советско-японских дипломатических отношений и подписанию Совместной декларации СССР и Японии». При этом подразумевается, что Япония пошла на подписание Совместной декларации только потому, что СССР якобы согласился продолжить переговоры по Кунаширу и Итурупу после того, как будут нормализованы отношения.

Простите, но это называется перевернуть все с ног на голову. Такая «натяжка» не выдерживает никакой критики. Ну, действительно: прописывать в декларации обязательство о передаче Хабомаи и Шикотана и после этого решать судьбу других островов — совсем нелогично, потому что такие вопросы решаются раз и навсегда. Во-вторых, как это уже было сказано выше, письма Громыко и Мацумото, на которые так упорно ссылается японская сторона, относятся исключительно к первой концепции документа, предусматривающего просто нормализацию отношений без упоминания территориального вопроса. Они потеряли свою силу в момент внесения японской стороной новых предложений

Н.С. Хрущев

о возвращении островов Хабомаи и Шикотан. В-третьих, обмен письмами между заместителем министра иностранных дел Громыко и японским уполномоченным на переговорах Мацумото представляет собой с точки зрения международного права куда менее обязывающий документ, чем соглашение, подписанное главами государств, а тем более договор, ратифицированный парламентами. Поэтому содержание всей переписки, предшествующей подписанию декларации, теряет силу, если она входит в противоречие с текстом основного документа. Декларация либо поглощает предыдущие договоренности, либо отменяет их. Это аксиома права.

Японские «аргументы» имели бы под собой почву, если бы договаривающиеся стороны делали друг другу двусмысленные намеки или оставляли какую-либо неопределенность. Но здесь все было оговорено до последней запятой. Все недопонимания были сняты. Японская сторона в предложенном ею проекте Совместной декларации действительно предложила пункт о том, что после восстановления дипломатических отношений стороны продолжают переговоры «о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос». В ее понимании это означало, что кроме Хабомаи и Шикотана, которые ей были уже обещаны, Япония выдвигает еще какие-то требования, с обсуждением которых СССР должен был согласиться. Это предложение было ясно и четко отвергнуто. В таких случаях нет ничего лучше, как процитировать первоисточник. Не откажем себе в удовольствии сделать это максимально полно. Вот выдержка из протокольной записи беседы Хрущева и Коно 18 октября 1956 года.

Хрущев: У нас есть одно замечание чисто редакционного характера: из первой части японского проекта мы просим исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Наше предложение объясняется тем, что если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Шикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и к неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать.

Коно: Японская сторона, к сожалению, сообщила в Токио представленный Вам проект и уже получила одобрение правительства. Поэтому любые дальнейшие изменения, естественно, требуют санкции правительства. Практически это означает, что мы, очевидно, не сможем подписать завтра эти документы, если бы оказалось необходимым сделать запрос в Токио.

Хрущев: Я поздравляю Вас с тем, что Вы уже получили санкцию своего правительства на подписание документов. Однако мы все же настаиваем на исключении указанного выражения. При этом, как Вы сами понимаете, речь идет только о редакционном улучшении, смысловое содержание этой статьи остается неизменным.

Коно: Я вполне с Вами согласен, что советская поправка не меняет содержания нашего проекта, но коль скоро он уже согласован и мы получили определенную санкцию из Токио, было бы весьма затруднительным что-либо менять после того, как все уже согласовано.

Хрущев: Я думаю, что Вы можете и не запрашивать свое правительство по этому поводу, ибо каждому ясно, даже Вашим врагам, что статья по территориальному вопросу составлена в интересах Японии. Подумайте, г-н Коно. Мы сняли заключительную часть своего варианта. Мы, таким образом, сделали Вам большую уступку [речь идет об увязке передачи Хабомаи и Шикотана с возвращением американцами Окинавы. -Примеч. авт.], а Вы не хотите согласиться с чисто редакционным уточнением.

Коно: Я очень прошу Вас понять, что мы уже связаны определенными решениями японского правительства и нам трудно было бы что-либо изменить.

Хрущев: Еще раз повторяю, что мы просим исключить эти несколько слов только для того, чтобы устранить возможность возникновения в будущем конфликта на почве толкования настоящего соглашения. Ведь мы заключаем документы не на один год. Может быть, они будут действовать и 10, а может быть, и 100 лет, следовательно, их нужно составлять так, чтобы ничто не допускало неправильного толкования. Вы знаете, что могут найтись такие крючкотворы, которые постараются использовать любое упущение, даже редакционное, для того, чтобы создать конфликт вокруг толкования

наших соглашений. Давайте прекратим дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вы принимаете наше предложение об исключении этих нескольких слов, и мы с Вами заключаем соглашение и таким образом кладем начало новой эпохе в японо-советских отношениях.

Коно: К сожалению, я должен еще раз подчеркнуть, что внести какие-либо исправления для нас будет очень трудно. Все уже согласовано между премьером и Токио. Нам пришлось бы вновь запрашивать Токио, и это привело бы только к оттяжке сроков подписания.

Хрущев: Речь идет о редакционной правке. Мы идем Вам навстречу в целом ряде вопросов, а Вы хотите заставить нас принять то, что мы считаем нецелесообразным. Я Вам советую, не откладывая в долгий ящик, принять нашу поправку и согласиться на подписание документов.

Коно: Лично я согласен, но разрешите мне посоветоваться с премьер-министром. Если премьер-министр найдет необходимым, то придется, очевидно, послать запрос в Токио.

Хрущев: Сделайте все, что необходимо, но имейте в виду, что мы будем и впредь настаивать на исключении выражения «включающего территориальный вопрос».

Через полтора часа состоялась повторная беседа Хрущева с Коно, на которой последний сказал: «После консультаций с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов “включающего территориальный вопрос”».

Наверное, сложно что-то к этому добавить. Более подробно разжевать этот вопрос японцам было бы просто невозможно. Тогда позвольте, о каком письме Громыко может идти речь, если на переговорах Хрущев категорически настоял на том, что переговоры по Кунаширу и Итурупу продолжаться не будут?

Одним словом, из всех имеющихся материалов ясно, что японской стороне было четко заявлено: Хабомаи и Шикотан могут быть переданы Японии только лишь при условии заключения мирного договора и при окончательном понимании, что эта передача ставит точку в территориальном споре. И именно об этом говорит текст декларации.

Подписание японской делегацией совместного с СССР документа означало то, что в Токио наконец определились с приоритетными задачами: установление мира, восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом, вступление в ООН, репатриация оставшихся военнопленных и урегулирование вопросов рыболовства. Для их решения Япония пожертвовала своими требованиями о продолжении переговоров по Кунаширу и Итурупу.

В статье 9 декларации говорится, что стороны согласились на продолжение переговоров о заключении мирного договора после восстановления нормальных дипломатических отношений. При этом СССР, «идя навстречу пожеланиям Японии и интересам японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора».

Однако, объединяя декларацию и письмо Громыко, японская сторона делает фантастический вывод: уступка островов Хабомаи и Шикотан, по мнению советского руководства, являлась неокончательной договоренностью по территориальному вопросу. Так можно утверждать, либо не зная, либо игнорируя документы.

И действительно: приведенные выше записи переговоров показывают, что советские и японские руководители в момент работы над текстом декларации совершенно идентично понимали все ее формулировки. А окончательный вариант декларации был принят при полном отсутствии возражений о двусмысленности толкований ее положений.

В чем же проблема? Неужели официальный Токио стремится полностью исказить суть происходивших в 1956 году переговоров? Вспомним, какое давление на Японию оказывали США, чтобы помешать урегулированию российско-японского территориального спора. А ведь в годы начавшейся «холодной войны» США и Япония уже были союзниками по договору безопасности. Вспомним, что правящая Либерально-демократическая партия Японии — это партия фракций, естественное состояние которой — острая внутрифракционная борьба. Находясь под давлением сразу нескольких сил, японская делегация в Москве вынуждена

была маневрировать и пытаться решить невыполнимую задачу: с одной стороны, нормализовать отношения, с другой — добиться от СССР таких территориальных уступок, на которые бы он ни при каких обстоятельствах не пошел.

Как представляется, пытаясь оградить себя от критики противников нормализации отношений с СССР, вернувшаяся в Японию делегация выдвинула для хождения внутри своей страны версию о том, что закрепленные в декларации договоренности по территориальному вопросу по взаимному согласию сторон признаны промежуточными. Для этого, с устного согласия советских дипломатов, которые абсолютно не поняли смысла японских маневров, в Японии одновременно с декларацией опубликовали письма Громыко и Мацумото, что должно было указывать на их неразрывную связь с декларацией. В Москве эти письма, разумеется, опубликованы не были.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что различие в оценке положений Совместной декларации связано не с особенностями толкования текста декларации, а, вероятно, с наличием в то время полярных точек зрения в правящей Либерально-демократической партии Японии. С одной стороны, Хатояма и Коно хотели любыми средствами урегулировать отношения с СССР, а с другой — отвести от себя критику той части японской правящей элиты, которая выдвигала более широкие территориальные требования.

Так правильно ли поступил Хатояма, согласившись на передачу Японии двух островов, Хабомаи и Шикотан? И прав ли был Хрущев, сделав такое предложение? Думается, что не проиграли оба. Хатояма — потому, что смог получить максимум возможного в короткий период хрущевской оттепели. Проходи эти переговоры позже, советского предложения о двух островах скорее всего японцы бы не получили. Хрущев же, стремясь начать новые отношения с Японией, надеялся на прекращение японо-американского договора безопасности. Он сознательно пошел на максимальную для СССР уступку, чтобы добиться хороших отношений с Японией. И не проиграл.

Заключение

Вот и закончилась наша книга. Когда мы начинали над ней работать, нам было интересно разобраться в исторических корнях проблемы, выяснить, насколько весомы японские аргументы и насколько бесспорна наша позиция. Признаемся честно, чисто по-человечески мы сомневались. Если уж вопрос ставится Японией так упорно, значит, что-то здесь не так.

Но, изучив большое количество материалов, мы пришли к выводу, что историческая правда и справедливость на нашей стороне. И это выглядит еще более очевидным, если смотреть на проблему комплексно, не вырывая из исторического контекста отдельные события или периоды.

Некоторые говорят: «При чем здесь история, примите наконец политическое решение, будьте государственными мужами!» Но именно тот государственный деятель мудр, который знает, понимает и уважает историю своего Отечества. Ведь история — это философия, которая опирается на опыт предыдущих поколений, и без такой философии принять правильное решение невозможно. Однако философия у всех разная. Для кого-то это коммерческий подход — взять и продать, для кого-то — лакейская психология «чего изволите?»

В начале перестройки только ленивый не выдвигал свои пути решения территориальной проблемы. И продать Курилы, и обменять, и отдавать их по частям, и просто признать суверенитет Японии над островами, оставив за собой управление ими на 100 лет.

С соблазном отдать острова за экономическую помощь столкнулся еще М.С. Горбачев. Тогда многим казалось, что

Россия никогда не вылезет из застойной трясины. Япония же, и так обогнавшая нас на десятилетия, еще больше наращивала свой технический потенциал. Очевидно, острова казались спасительной соломинкой, которая поможет вытащить Россию из кризиса. Возможно, с ними связывали надежды хоть как-то продлить век уже умирающей системы. Как гром среди ясно-го неба прозвучало заявление тогдашнего младомиллионера А.М. Тарасова, который на весь мир раструбил о плане продажи островов Японии. Это, конечно же, был спланированный удар по политике Горбачева. Но, как уже сейчас стало ясно, переговоры об островах действительно велись, хотя речь шла не о 200 млрд долларов, о которых говорил Тарасов, а о сумме почти в 10 раз меньшей, да и то в кредит, к тому же товарный. На этом Горбачева и тогдашних аппаратчиков провести было невозможно. Да и глупо было рассчитывать, что Япония будет покупать острова, которые (как она считает) по справедливости должны принадлежать ей.

Посетив Японию в апреле 1991 года, Горбачев лишь признал наличие территориальной проблемы, но на сделку не согласился, хотя японский премьер Тосики Каифу на это очень рассчитывал.

Следующий раз судьба испытывала Курилы в 1992 году. Только что был подавлен так называемый путч ГКЧП, а «новое мышление» во внешней политике получило новую порцию адреналина. Некоторые популярные в то время идеологи уверяли, что только мы — угроза всему цивилизованному миру и только мы с нашей социалистической идеологией были помехой естественному и поступательному развитию всего процветающего капиталистического общества благоденствия.

Естественным итогом такой идеологии было стремление немедленно исправить все «сталинские ошибки» и, взяв под козырек, выполнить все, что требовали от нас те, от кого зависело принятие России в дружную семью капиталистических народов.

Всякий, кто тогда внимательно читал прессу, помнит, какому информационному накату подверглись Курилы. Доходило до того, что в японских и российских газетах всерьез обсуждались вопросы: выплачивать ли компенсацию россиянам, которые будут оставлять Курилы, предоставлять ли право постоянного проживания в Японии тем, кто не захочет покинуть острова после их передачи. Некоторые делегаты стремились обзавестись пропиской на Южных Курилах, чтобы впоследствии получить вид на жительство в Японии.

Пропаганда оказывала гипнотическое воздействие на российское общественное мнение, которое находилось в состоянии паралича, полагая, что вопрос уже решен на высшем уровне. Даже такой весьма уважаемый представитель интеллектуальной журналистики, как В.Т. Третьяков, уверял на страницах популярнейшей тогда «Независимой газеты», что самым подходящим рецептом решения территориального вопроса является схема: суверенитет — японский, администрация — российская.

Иными словами, было понятно: острова медленно, но верно готовятся к сдаче. Шла подготовка общественного мнения. В газетах все чаще стали появляться публикации, суть которых сводилась к тому, чтобы решить территориальный спор как можно быстрее, что у России нет юридических прав на Курилы и необходимо идти на уступки. Наиболее выдающимся из таких пропагандистов был некто И. Смоленский, или С. Смо-

ленский-Сенной. Как явствует из мемуаров бывшего посла Японии в России Сумио Эдамура, этим звучным псевдонимом подписывался не кто иной, как бывший заместитель министра иностранных дел России Г.Ф. Кунадзе, который, по словам Эдамура, прилагал максимальные усилия для того, чтобы добиться «правильного понимания существа территориальной проблемы не только российским парламентом и СМИ, но и самим Президентом Б.Н. Ельциным».

К счастью, именно такая откровенная пропаганда в прессе и была тактической ошибкой тех, кто решил, что Россия уже никогда сама не встанет с колен, а передача островов — это единственный путь к экономическому спасению. Так же как пресс-конференция гзачепистов показала всю дряхлость заговорщиков, так все эти публикации смоленских и сенных обнажили теоретическую, да и практическую несостоятельность группировки, которая толкала Ельцина на сделку с Курилами.

Первым, кто осмелился противостоять этому накату, стал О.Г. Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии РФ, которого Эдамура в своей книге «Как распадалась империя» назвал «лидером противников договора». На страницах «Независимой газеты» Румянцев вступил в полемику с г-ном Смоленским. А 28 июля 1992 года по его инициативе в Верховном Совете состоялись слушания, посвященные территориальной проблеме. Свой доклад на этих закрытых, кстати говоря, слушаниях депутат опубликовал в прессе и передал Президенту Ельцину. Слушания и, самое главное, полемика вокруг них охладили пыл тех, кто вел закулисные переговоры. Они столкнулись с тем, что доводы в пользу японской позиции далеко не однозначны.

Эта полемика разбудила многих патриотически настроенных политиков России. 52 депутата Верховного Совета направили письмо Президенту Ельцину с требованием отказаться от сделки с островами.

После такого общественного резонанса даже Ельцин, который по характеру был настроен решать проблемы «одним махом», понял, что может совершить непоправимое. Важную роль в решении об отсрочке визита сыграл руководитель его охраны А.В. Коржаков. Слетав вместе с Ельциным на Курилы и великолепно проведя время в живописных бухтах на берегу Тихого океана, он так впечатлился красотой островов, что предложил Президенту «заволокитить решение вопроса по своей линии». Он, с согласия Ельцина, дал задание спецслужбам потребовать от японских властей стопроцентной гарантии безопасности российского президента в ходе его визита в Токио (что ни практически, ни теоретически сделать было невозможно) и измотать их придирками и требованиями. Ельцин уже знал, что не поедет в Токио, ему нужен был только предлог.

9 сентября он позвонил премьер-министру Японии Киити Миядзава и, сославшись на ожесточенные дебаты в Совете безопасности и Верховном Совете, предложил перенести сроки своего визита. Конечно, это было связано не только с открытой оппозицией со стороны депутатского корпуса. У Ельцина был упрямый характер — критикой остановить его было невозможно. Но в тот момент ему хватило политической мудрости и дальновидности, чтобы правильно понять интересы России и увидеть, кто из его советников предлагает правильное решение.

Но, устояв в 1992 году, через год, всего через неделю после расстрела Белого дома, в ходе официального визита в Токио Ельцин все-таки делает широкий жест — подписывает Токийскую декларацию. Мирный договор, говорится в декларации, будет решаться на основе вопроса принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Япония, пусть всего лишь и в заявлении, а не в договоре, сделала еще один шаг вперед. Четыре острова, которые являются российской территорией, как явствует из текста документа, теоретически могут быть признаны японскими. Но если бы глава государства реально радел за интересы своей страны, то такого заявления он бы избежал.

В очередной раз опасность над Курилами нависла в ноябре 1997 года во время красноярской встречи Ельцина с японским премьером Рютаро Хасимото. Сам Ельцин описывал это в своих воспоминаниях так: «Я в какой-то момент переговоров подумал: а не разрубить ли этот гордиев узел одним ударом? Был один юридический вариант, при котором японцы могли пользоваться островами, не ущемляя территориальной целостности. Но от этого варианта, подумав, категорически отказался. Время секретных протоколов все-таки уже в прошлом». По информации, просочившейся в токийские газеты, секретный протокол, который предложила подписать японская сторона, содержал бы признание суверенитета Японии над островами при сохранении фактического управления ими Россией в течение длительного переходного периода. Тогда Ельцина остановили Б.Е. Немцов и С.В. Ястржембский. Как рассказывает Немцов, узнав, что Президент в разгар устроенной рыбалки обещал своему другу Рю (премьеру Рютаро

Хасимото) подарить оспариваемые острова, он и Ястржембский бросились на колени умолять Ельцина не делать этого и добились-таки обещания сохранить Курилы.

Опять лишь счастливый случай спас острова, опять инициатива и смелость тех, кто не побоялся вступить за Курилы, спасли Россию от шага, за который рано или поздно всем нам было бы стыдно.

Как мы пытались показать в книге, в этом аспекте нам есть чему поучиться и у японцев: настойчивости, выдержке, стремлению шаг за шагом идти к цели, бороться за свои интересы в том виде, как они их понимают.

А интерес этот для Японии, конечно, прежде всего в престиже. Дожать территориальный вопрос — это стало почти национальной идеей. И к своей цели Япония идет настойчиво. Но не понимают наши партнеры, что путь этот все равно тупиковый. Окажется ли Россия еще раз настолько слаба, чтобы колебаться по поводу сдачи своих территорий? Поставим ли мы своей недальновидной политикой нашу страну еще раз на колени? Хочется верить, что такие времена ушли безвозвратно. Выверенный курс российского руководства и внешнеполитического ведомства внушает нашему народу надежду на сильную Россию, на то, что нас будут уважать и считаться с нами. И вовсе не потому, что мы податливые и аморфные, а потому, что у нас есть свои принципы и свое достоинство. Мы хотим, чтобы к нам относились так, как мы относимся к другим. Мы должны твердо говорить «нет» нашим оппонентам, если мы не согласны, а не вводить их в заблуждение вежливыми уклончивыми ответами, вселяя в них пустые надежды.

Все меняется в нашем мире. И вот уже наши японские партнеры, как нам кажется, стали понемногу понимать, что Россия готова обсуждать компромиссные варианты решения проблемы, но только такие, которые не будут ущемлять российские интересы, противоречить международно-правовым документам и здравому смыслу. Это мы, кстати, почувствовали и по работе в «Совете мудрецов», где нам удалось не допустить лоббирования решения территориальной проблемы по японскому варианту. Да, говорили мы, надо договариваться. Да, надо корректировать общественное мнение. Так почему бы и Японии не рассказать своему народу то, что россияне думают по этому вопросу. Как, между прочим, делаем мы. И дело не в том, что мы не знаем истории, как иногда полагают. Мы просто делаем из нее те выводы, которые подсказывают нам наш опыт, наша философия. Поймите же и нас. Ведь, требуя невозможного, Япония делает ситуацию патовой. Это почувствовал и Президент В.В. Путин. Он первым из руководителей нашей страны стал открыто и честно говорить с Японией об этой проблеме. И говорить так, что мы чувствуем — интересы России в надежных руках.

И все же наши японские коллеги, к сожалению, не готовы до конца пройти свою часть общего пути, который очертила для нас история. Они предлагают такие решения, которые, нам представляется, противоречат той самой исторической справедливости, о которой они так часто говорят. Ведь проблема по сути дела мировоззренческая.

Никто никогда и нигде не отдавал территории, завоеванные в войне у агрессора. Поэтому никто никогда не тре-

бует пересмотра послевоенных границ. Ну честное слово: у России гораздо больше моральных оснований требовать у своих соседей земли, которые росчерком административного пера оказались по ту сторону российской границы. Но мы же этого не делаем. А Япония требует. И именно потому, что историческая закрытость страны и островной характер психологии создали — это действительно так — самобытный менталитет и особое мировоззрение, которые выделяют Японию, как жемчужину из россыпи драгоценных и полудрагоценных камней.

Давайте мыслить глобально. Сама жизнь заставляет нас быть партнерами. Мы всегда были бы только добрыми соседями, если бы не вмешательство тех, кто не хотел и, естественно, до сих пор не хочет союза двух соседних государств. Мы можем помогать друг другу и быть долговременными и надежными союзниками. Но нам надо вырваться из роли борцов сумо, за которыми с интересом наблюдают сторонние зрители. Нам надо жить и думать о будущих поколениях, тем более что перед ними возникают гораздо более серьезные вызовы по сравнению с проблемой территориального спора. Надо просто забыть все обиды, поставить на них крест и думать о будущем. Это и есть главное расхождение в наших позициях. Проблема Курил — не главная проблема, поскольку она не затрагивает жизненные интересы России и Японии. Нам надо сотрудничать, помогать друг другу и, помня об уроках истории, не допускать повторения ошибок прошлого.

Лужков Юрий Михайлович
Титов Игорь Борисович

КУРИЛЬСКИЙ СИНДРОМ

Издательские и полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Генеральный директор *С.М. Линович*

Редактор *Е.М. Кострова*
Художник *В.И. Кучмин*
Компьютерная верстка *Е.А. Коган*
Корректоры *В.М. Порошкина, В.Л. Соловьева*

Подписано в печать 02. 06. 2008. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печ. л. 14,0. Тираж 15 000 экз. Заказ 10478

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15

ISBN 978-5-7853-0970-8

9 785785 309708

Мэр Москвы Ю.М. Лужков и Советник Мэра И.Б. Титов
за обсуждением концепции книги

«Первая грубая ошибка была сделана еще в Санкт-Петербурге. Письмо Александра I с предложением об установлении границы было адресовано императору Японии. Но дело в том, что император в Японии был отстранен от власти, и в стране правили сёгуны. Прибыв в Японию, Резанов заявил о неременном желании встретиться именно с императором...»

«Министр Нессельроде решил воспользоваться советами Ф.Ф. Зибольда, который был выслан из Японии якобы за то, что был русским шпионом. По возвращении в Европу он оказался вовсе не в Санкт-Петербурге, а в Голландии, где был удостоен всяческих почестей. А в 1859 году Зибольд получает официальное приглашение в качестве Советника японского правительства. За что же его так зауважали?..»

«Японские переговорщики настойчиво требовали признать за Японией южную часть острова и выложили на стол неожиданный довод. Это была некая европейская карта, на которой южная часть Сахалина была обозначена как территория Японии. Но зачем кому-то понадобилось обозначать границу Японии на Сахалине, если ее еще тогда в помине не было?..»